

НАТАЛЬЯ КУРТАКОВА

РЖАВЫЙ
ГИМН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Наталья Куртакова

Ржавый гимн

«Автор»

2026

Куртакова Н.

Ржавый гимн / Н. Куртакова — «Автор», 2026

Бывший военный водолаз Михаил Волков идет на дно Атлантики за гонораром, который спасет его сестру от редкой болезни. Его цель - древний артефакт, условно называемый «Колоколом». Частная экспедиция. Никто не знает, из чего он сделан. Никто не знает, сколько ему лет. На глубине почти четырех километров реальность перестает подчиняться законам. Вокруг Колокола - кладбище китов и мертвая зона. Его поверхность покрыта узорами, которые движутся, когда на них смотришь. А когда Колокол отрывают от дна, начинается кошмар. Люди слышат голоса из бездны. Их кожа покрывается «ржавчиной», превращая плоть в подобие металла. Судно теряет связь с миром. Кто-то пытается спастись. Кто-то начинает поклоняться древней силе. А кто-то - охотиться на остальных. Михаилу предстоит узнать, что на самом деле сдерживал этот «Якорь Сна». И заплатить цену, о которой его не предупреждали.

© Куртакова Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВЫ 1-8.	9
ГЛАВА 2: ТОЧКА НЕВОЗВРАТА	16
ГЛАВА 3: ХОЗЯИН «ЗОЛОТОГО РУНА»	23
ГЛАВА 4: ПУТЬ В БЕЗДНУ	26
ГЛАВА 5: ЛИК ГОРГОНЫ	30
ГЛАВА 6: ПЕРВЫЙ ЗВОН	33
ГЛАВА 9. КАРАНТИН.	49
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Наталья Куртакова

Ржавый гимн

ПРОЛОГ

17 октября 1985 года

Атомная подводная лодка «Волнорез»,

район Срединно-Атлантического хребта

Глубина: 600 метров

Тишина на атомной подводной лодке «Волнорез» была иной, нежели на поверхности. Это была не пустота, а густая, почти осязаемая субстанция, сотканная из мерного гудения реактора в самых костях лодки, шипения воздуха, входящего в легкие сорока семи человек, и приглушенного шелканья приборов. Но сейчас эта тишина стала абсолютной, воцарилась после внезапного затишья механической жизни лодки. И от этой новой тишины закладывало уши.

Капитан второго ранга Игорь Баринов стоял в центре рубки, его пальцы впились в холодный обрез пульта гидроакустика до побеления суставов. Холод металла просачивался сквозь кожу, становясь внутренним холодом. На экране, мерцавшем в сизом полумраке аварийного освещения, расстилалось ровное, безжизненное дно. Слишком ровное. Слишком безжизненное. Не дно океана, а стерильный стол в патологоанатомическом отделении, будто кто-то выжег здесь все живое раскаленным докрасна штемпелем.

— Есть контакт, — доложил старшина команды радистов, Марков. Голос его был сдавленным, будто горло сжимала невидимая рука. Он откашлялся, но ком не прошел. — Объект в пятистах метрах. Габариты... не поддаются оценке. Эхолот зашкаливает. Форма — непонятна. То ли треугольник, то ли что-то покатое, напоминает... грушу. Или... колокол.

Баринов молча кивнул, чувствуя, как сухие губы прилипают друг к другу. Приказ из Центра был краток и безумен, как записка самоубийцы: *«Найти. Идентифицировать. Доложить. Никаких упоминаний в журналах. Полное радиомолчание»*. Приказ, не терпящий возражений.

Спуск в батискафе «Тритон-2» был не путешествием, а погребением заживо. Давление за бортом не просто нарастало — оно вжималось, вдальбивалось в сознание. С каждым метром свет с поверхности угасал, словно его выкачивали насосом, сменяясь нарастающей, чернильной тьмой. Их стальной шар скрипел и постанывал, протестуя против глубины. Датчики шелкали, как костяшки счет, отсчитывая секунды до неведомого. Луч их прожектора, обычно уверенный и острый, здесь становился робким, беспомощным; он не резал тьму, а лишь облизывал ее, выхватывая из мрака лишь пустоту. Или не пустоту. Казалось, сама вода здесь была гуще, тяжелее, словно насыщена взвесью давно истлевшей жизни.

— Температура за бортом пляшет, — голос младшего механика Петрова прозвучал неестественно громко в тесной кабине. — То плюс два, то минус один. Так не бывает.

— Данные фиксируй, — отрубил Баринов, не отрывая глаз от иллюминатора.

Его собственное дыхание стало ему ненавистно — громкое, влажное, единственный живой звук в этом немом царстве.

— Тише ход. Стабилизируй аппарат, — голос Баринова прозвучал как выстрел в натянутой тишине кабины.

Они шли почти вслепую. Прожектор, обычно уверенный и острый, здесь становился робким и беспомощным; он не резал тьму, а лишь облизывал ее, выхватывая из мрака лишь

пустоту. Или не пустоту. Казалось, сама вода здесь была гуще, тяжелее, словно насыщена взвесью давно истлевшей жизни.

И тогда из мрака прямо перед ними выплыла стена. Не постепенно, а сразу, как будто батискаф едва не врезался в подводный утес.

— Стоп! Стоп! Полный назад! — скомандовал Баринов, инстинктивно вжимаясь в кресло.

Петров, не раздумывая, вдавил оба рычага управления на себя до упора. Послышался оглушительный скрежет металла по дну, и «Тритон» рвануло назад, будто гигантская невидимая рука отшвырнула стальной шар. Оба мужчины резко клюнули головами вперед, их пристегнуло ремнями.

— Черт! Почему так поздно среагировал?! — сквозь зубы выдохнул Баринов, его пальцы впились в подлокотники кресла.

— Я... я не видел его на экране! — голос Петрова сорвался на визг. — Он просто... материализовался!

Сердце Баринова бешено колотилось, отдаваясь глухими ударами в висках. Аварийная сирена, завывшая на несколько секунд, смолкла, и в кабине воцарилась звенящая тишина, нарушаемая лишь прерывистыми всхлипываниями Петрова и натужным гудением перегруженных моторов, пытавшихся стабилизировать аппарат.

За иллюминатором бушевала взвесь песка и ила, поднятая их отчаянным маневром. Мутная, непроглядная пелена медленно-медленно начинала оседать, как бы нехотя открывая то, что скрывала. Секунды растягивались в минуты. Баринов, не отрываясь, вглядывался в желтоватую муть, стараясь разглядеть очертания того, во что они чуть не врезались на полном ходу.

И тогда из уходящей пелены сначала проступила гигантская, изогнутая дуга. Затем вторая. Песок оседал все ниже, обнажая монолитную, темную поверхность, уходящую в темноту как вверх, так и вниз. Еще несколько секунд — и перед ними, во всем своем немыслимом масштабе, предстал Колокол.

Огромный. Больше башни главного калибра линкора. Материал напоминал потускневшую, покрытую вековой паутиной бронзу, но при этом отливал неестественным, глубоким черным цветом. Он поглощал свет их прожектора без отсвета и блика, словно это была не поверхность, а дыра в пространстве. Он не просто стоял на дне. Он будто вращался в нем, был его неотъемлемой, чудовищной частью, пульсирующей скрытой силой.

Петров замер, его дыхание застряло в горле. Он медленно, как во сне, поднял дрожащую руку и указал пальцем на иллюминатор.

— Капитан... — его голос был беззвучным шепотом, полным чистого, животного ужаса. — Господи... что это?

Баринов не ответил. Он не мог. Древний, животный, всепоглощающий страх сжал его горло ледяными тисками. Это был не страх перед неизвестностью. Это был страх дичи, почуявшей хищника, который был старше самого времени. Инстинктивный ужас всего живого перед тем, что отрицало саму жизнь, саму материю. В ушах зазвенело.

— Снимки... — его голос прозвучал хрипло и чуждо. Он сглотнул ком в горле и попробовал снова, уже тверже: — Петров, веди протокол. Фиксируй все. Каждую деталь.

Батискаф, повинаясь манипуляторам, медленно пополз вперед, словно муха, движущаяся на паутину. С каждым метром страх нарастал, превращаясь в физическую боль. Баринов почувствовал, как у него сводит челюсти, а в висках застучал молоток, отдаваясь эхом в костях черепа. Петров начал тяжело, прерывисто дышать, словно воздух в баллонах стал густым и вязким.

— Ил... смотри, капитан... — Петров тыкал дрожащим пальцем в иллюминатор.

Вокруг колокола, на добрые десятки метров, не было ни единого следа, ни ракушки, ни слепого глаза глубоководной рыбы. Лишь идеально гладкий, мертвый ил, похожий на вулканический пепел или на кожу гигантского мертвеца.

Тишину в батискафе, и без того зыбкую, разорвал резкий, пронзительный *треск* — то ли короткое замыкание, то ли лопнувшее стекло датчика. И словно этого сигнала ждало все остальное оборудование.

Внезапно все приборы на панели **взвыли**. Это был не единый звук, а какофония — пронзительный визг перегруженной системы, оглушительный ультразвуковой писк сонара, захлебнувшийся в собственных помехах, и низкий, яростный гул, шедший откуда-то из глубины корпуса. Светящиеся стрелки на шкалах заплясали безумную джигу, зашкалили и разом **погасли**, умерли в одно мгновение. Прожектор за иллюминатором моргнул в последний раз и потух.

Их поглотила абсолютная, непроглядная, бархатная тьма, где нельзя было различить, открыты глаза или закрыты. **Тишина, наступившая после этого краткого, но оглушительного хаоса, стала давящей и оглушительной.** Слышно было лишь прерывистое, свистящее дыхание Петрова, которое теперь казалось самым громким звуком во Вселенной.

И в этой тишине что-то начало происходить.

Сначала это была едва уловимая вибрация, идущая сквозь корпус. Не звук, а ощущение, будто по твоим собственным костям проводят смычком гигантской виолончели. Ощущение гигантского сердца, начавшего биться где-то в самой толще земной коры, прямо под ними. Пульсация нарастала, пронизывая воду, металл, их кости, заполняя черепную коробку монотонным, всеокрушающим ритмом.

— Заводи... заводи все! Назад! — закричал Баринов, но его крик утонул в нарастающем гуле.

Он рождался не снаружи, а изнутри, из самой сердцевины сознания, заполняя его, вытесняя мысли, превращая их в прах. Гул был похож на низкочастотный звон исполинского колокола, который бьет по вашим внутренностям, а не по ушам.

И тут до Баринова донесся приглушенный, влажный стук. Сначала один, потом другой. Он понял — Петров, рыдая и скуля, бьется головой о холодное, непробиваемое стекло иллюминатора. В полной тьме этот звук был отвратительнее любого зрелища.

— Выпусти... выпусти меня отсюда!

Баринов из последних сил, будто движимый инстинктом выживания, рванул рычаг аварийного всплытия. Ничего. «Тритон» был парализован, заперт в невидимых тисках. Он был мухой, которая уже попала в смолу.

И тогда он увидел это. В полной темноте, на внутренней стороне стекла, прямо перед его лицом, проступили слова. Они не были написаны светом. Они будто выжигались сами собой на его сетчатке, возникая из ничего, составленные из искр падающего сознания и трескающейся психики. Буквы были угловатыми, чуждыми, но смысл был ясен и прост, как закон природы:

НЕ БУДИ СПЯЩЕГО В БЕЗДНЕ.

Гул достиг апогея, превратившись в оглушительный звон, от которого крошился разум, и Баринов в последний раз увидел лицо Петрова — искаженное нечеловеческим ужасом, с безумными, вытаращенными глазами, в которых уже не было ничего человеческого.

Его собственная рука, будто чужая, управляемая остатками долга, потянулась к маленькой, красной, защищенной крышкой кнопке аварийного уничтожения записей.

Он успел нажать.

Конец записи.

Объект «Колокол» внесен в реестр утраченных активов Министерства обороны СССР. Экипаж АПЛ «Волнорез» списан как без вести пропавший при выполнении учебно-боевой задачи.

Дело закрыто.

ГЛАВЫ 1-8.

Ноябрь в Москве — это не время, а состояние. Воздух, густой от влаги и выхлопов, впитывает скупой свет и превращает город в подобие гигантской, промозглой акварели. Серое небо давило на крыши, серый асфальт впитывал шаги, а люди, спешащие по своим делам, казались тенями в этом монохромном мире. Именно в этот серый мир Михаил Волков вышел из Института нейрохирургии, где в кабинете, пропахшем стерильностью и безнадежностью, за столом сидел немолодой профессор с усталыми, но добрыми глазами.

Тот разложил снимки ангиограммы Вики на световой панели, и извилистые реки сосудов ее мозга на одном из участков обрывались, превращаясь в едва заметную, опасную дымку — симптом «курительной трубки», визитную карточку Мойамойа

— Михаил Сергеевич, мы сделали все, что в наших силах. Консервативная терапия... она лишь отсрочивает. Замедляет. — Врач тяжело вздохнул. — Прямая реваскуляризация, шунтирование... Технологии, которые могут ей помочь, у нас, к сожалению, не отработаны для такого редкого диагноза. Риск необратимых осложнений... запредельный.

— То есть? — глухо спросил Волков, впиваясь взглядом в то место, где на снимке обрывалась жизнь его сестры.

— То есть мы можем предложить только паллиативную помощь. Купировать приступы, обезболить... — Профессор отвел взгляд. — Есть клиника в Дюссельдорфе. Доктор Хайнц Майер. Он лучший в мире по этой патологии. У него статистика несопоставима с нашей. Но стоимость...

Михаил уже не слушал. Он смотрел на призрачные сосуды на экране, за которыми угадывалось лицо сестры. Цифры, которые назвал профессор, были астрономическими. Не суммой, а приговором. Они превращали надежду в абстракцию, в несбыточную сказку.

«Паллиативная помощь». Это значило — смотреть, как Вика медленно гаснет. Как ее ясный ум затягивает туман, как ее смех сменяется гримасой боли.

Он вышел из института, и ноябрьский холод впервые проник сквозь кожу, прямо в кости. Это был холод безысходности.

Михаил Волков шел не спеша, его плотная, еще по-военному подтянутая фигура выделялась на фоне суетливого потока. Он не бежал. Он шел на встречу с памятью. Путь его лежал к Центральному музею Вооруженных Сил, к одному особенному месту — мемориалу экипажу АПЛ «Курск».

«Скорбящий моряк». Бронзовый, отполированный дождями и прикосновениями, он застыл в вечном молчании перед миниатюрной, страшной в своей детальности моделью тонущей субмарины. Выражение его лица было не просто печальным; оно было пустым — такой пустотой бывает взгляд человека, видевшего ад и оставшегося там душой.

Михаил остановился, снял простую шерстяную шапку. Холодный ветерок тут же обжег непокрытую голову, но он не шелохнулся. В ушах, поверх городского гула, не зазвучал, а взревел навязчивый, давний шум — оглушительный скрежет крушащегося титана, будто сама земля рвалась изнутри. Он не просто вспоминал — он снова чувствовал ту же сковывающую беспомощность: ледяной ветер над свинцовой водой, едкий запах солянки и горячего металла, доносившийся с барж, и непроницаемую гладь моря, скрывавшую братскую могилу. Он, водолаз-спасатель, был так близко, всего в нескольких десятках метров от гибнущих товарищей, закованный в тиски протокола и чудовищного давления глубины. И лица... Лица членов команды спасателей, искаженные не болью, а яростным, иступленным напряжением и тем же осознанием неотвратимости конца, который творился у них на глазах. И потом — фото.

Простое, потрепанное фото новорожденной дочки, которое он позже увидел в личном деле одного из погибших. Оно стало для него главным символом всей трагедии.

— Мам, а кто этот дядя? — звонкий голосок прозвучал совсем рядом.

Маленький мальчик, укутанный в яркую куртку, тыкал пальцем в памятник.

Его мать, молодая женщина с телефоном в руке, на секунду оторвалась от экрана, пробежалась глазами по табличке.

— Э-э... моряк. С подводной лодки... «Курск». Она затонула, — произнесла она невнятно, уже возвращаясь в виртуальный мир.

«Она не затонула, сынок, — мысленно, сквозь года, ответил ей Михаил. — Ее разорвало изнутри. Сначала взрыв, как удар кулаком по корпусу. Потом тишина. Самая страшная тишина. А потом — медленная, мучительная агония в крошечной тьме, в ледяной воде, в отравленном воздухе. А этот дядя... он не просто скорбит. Он стыдится. Потому что мы пришли слишком поздно. Мы всегда приходим слишком поздно».

— Капитан-лейтенант в запасе, — тихо сказал он вслух, но не ребенку, а бронзовому моряку. — Аварийно-спасательная служба СФ.

Он так и стоял, сжав в руке шапку, пока холод не начал проникать в самое нутро.

— Страшная трагедия, — раздался рядом новый, бархатный, спокойный голос. — И, увы, незаживающая рана для всей страны. Но особенно — для семей.

Михаил медленно повернул голову. Рядом стоял мужчина лет пятидесяти, солидный, в отлично сидящем на нем темном пальто и дорогой кожаной перчатке. Его лицо было умным, с проницательными глазами, в которых читалась не просто вежливость, а глубокая, аналитическая заинтересованность.

— Для семей — да, — кивнул Волков, снова глядя на памятник. — А для нас, кто был там... это диагноз.

— Позвольте представиться, Григорий Антонов, — мужчина легко и уверенно пожал ему руку. Его рукопожатие было твердым, но не демонстративным. — Вы знаете, я часто здесь бываю. Вижу разных людей. Но по тому, как человек стоит... можно многое понять. Вы стояли не как случайный прохожий. Вы стояли как участник.

Это не был допрос. Это была тонкая, почти психоаналитическая манипуляция. Антонов не спрашивал, он констатировал, давая понять, что видит насквозь, и предлагая себя в качестве понимающего слушателя.

— Участник запоздалого действия, — мрачно усмехнулся Волков. — Мы лишь подбирали обломки. Констатировали смерть.

— И делали все, что было в человеческих силах, — мягко парировал Антонов. — Иногда это единственное, что можно сделать. Почтить память. И... возможно, не дать повториться подобному.

Разговор тек плавно и естественно. Антонов говорил об уважении к погибшим, о долге перед живыми, о том, как важно сохранять память — и не только в бронзе. Он искусно избегал конкретики, создавая ауру доверительной, почти исповедальной беседы. И лишь в самом конце, когда Волков, почувствовав неестественность этой встречи, собрался уходить, Антонов осторожно перешел к сути.

— Знаете, Михаил... есть один частный проект. Не государственный, нет. Его финансирует человек, одержимый историей. Виктор Леонидович Серебров. Вы, возможно, слышали.

«Серебров. Олигарх-антиквар. Собиратель всего странного и древнего», — промелькнуло в голове у Волкова.

— Речь идет о подъеме одного артефакта, — продолжал Антонов, понизив голос. — Необычный металл, не поддающийся классификации. Уникальная находка. Операция слож-

ная, глубокая. Требуется руководства человека с вашим... опытом. И с вашей психической устойчивостью.

— Нет, — ответил Волков без раздумий. Голос его прозвучал резко и сухо. — Я с подводными работами покончил. Окончательно.

Антонов не стал упрашивать. Он лишь печально кивнул, как будто ожидал этого.

— Жаль. Очень жаль. Виктор Леонидович был бы не против предложить гонорар, который решил бы большинство финансовых проблем... на несколько жизней вперед. Но я понимаю. — Он достал из кармана тонкий, матовый кожаный визитник и извлек одну карточку. — На всякий случай. Мир тесен, а проблемы... они имеют свойство обостряться. Всего доброго, Михаил.

Он повернулся и ушел так же бесшумно, как и появился, растворившись в серой ноябрьской толпе.

В метро давило по-другому. Не холодом, а людской массой, запахом пота и влажной одежды. Волков сидел, уставившись в грязный пол вагона.

«Частная экспедиция. Артефакт. Серебров».

Все это пахло авантюрой. Опасной, неправильной. Он мысленно рвал и бросал под ноги ту самую визитку.

Его вывел из оцепенения вибрация телефона. На экране — «Мама». Обычно она звонила утром.

— Миш? Ты скоро? — голос матери был тонким, надтреснутым.

— Еду. Что случилось?

— Вике... Вике опять плохо. Очень плохо.

Ледяная волна прокатилась по его спине. Он не помнил, как выскочил из вагона, как бежал по улице, обгоняя всех. Дом. Подъезд. Лифт показался вечностью.

Он влетел в квартиру. В прихожей стояла мать, ломая руки, а из комнаты доносилось тяжелое, хриплое, прерывистое дыхание. Они жили в старой, но уютной трехкомнатной квартире, доставшейся еще от бабушки. В прихожей висела *овоцветившаяся фото*, где он, долговязый курсант, стоит с еще маленькой Викой на плечах. Она смеялась во весь рот. Теперь эта улыбка была за стеклом, а в комнате ее была в истерике болезнь.

Вика лежала на диване, закинутая на подушки в неестественной позе. Ей было двадцать два, но сейчас, сведенная судорогой, она казалась хрупким, испуганным подростком. Кожа на лице была мертвенно-бледной, почти прозрачной, сквозь нее проступали синеватые прожилки сосудов. Губы отливали лиловым оттенком. Ее тело была мелкая, неконтролируемая дрожь, будто по нему пропускали ток. Это была не эпилепсия. Это была болезнь Мойамойа — редкая, коварная патология, медленно душащая мозг, перекрывающая доступ кислороду по сужающимся сосудам. Она не была «овощем» — в ясные дни она смеялась, спорила о книгах и мечтала стать иллюстратором. Но каждый такой приступ был мини-инсультом, безжалостно откусывающим еще один кусок от ее жизни.

Мать, Людмила Степановна, металась по комнате как раненная птица. Ее руки тряслись, и она бессмысленно теребила край кофты.

— Опять... Господи, опять... — бормотала она, заламывая руки. — Я уже и капли давала, и ноги растирала... ничего не помогает! — Она бросилась к телефону, лежавшему на тумбочке, с трудом набрала номер. — Алло? Скорая? Слушайте, у меня дочь... у нее приступ, болезнь Мойамойа! — В трубке что-то заурчало, прозвучал усталый голос. Лицо Людмилы Степановны исказилось от бессилия. — Да понимаю, что были уже! Понимаю! Но вы должны... Ах, «стабильное состояние»? Да она же вся синяя!

Михаил, не тратя ни секунды, грубо отстранил мать от телефона, бросив его на диван. Его собственный страх, липкий и холодный, он с силой вогнал внутрь, заставив сжаться в тугую,

холодный комок в груди. Голос стал низким, твердым, обретя ту металлическую командирскую интонацию, что осталась со службы.

— Мама, прекрати! Намочи полотенце, холодное. И принеси тонометр. Быстро!

Он опустился на колени перед диваном, его большие, еще не до конца оттаявшие после улицы руки уверенно взяли Вику за плечи.

— Вика, слушай мой голос. Дыши. Медленно. Со мной. — Он сам сделал преувеличенно глубокий вдох, словно пытаясь вдохнуть за двоих. — Вдох... и выдох.

Одной рукой он подложил под ее ноги свернутое одеяло, обеспечив приток крови к голове. Другой — расстегнул воротник ее кофты, нащупал сонную артерию на шее. Пульс был частым, нитевидным, птичьим.

Людмила Степановна принесла мокрое полотенце и, заливаясь слезами, пыталась приложить его ко лбу дочери, но руки ее так тряслись, что она лишь капала водой на лицо Вики.

— Дыши, доченька, родная, дыши же... — всхлипывала она, бессильно опускаясь на колени рядом с сыном.

— Мам, не мешай! — резко, но без злобы бросил Михаил, продолжая растирать Вике ладони и стопы, пытаясь разогнать кровь, вернуть ощущение в побелевшие пальцы. — Все под контролем. Все будет хорошо. Она слышит меня. Вика, я с тобой. Ты не одна. Дыши.

Он говорил ровно и спокойно, заглушая и вой матери, и панический стук собственного сердца, который отдавался в висках тяжелыми ударами. Он был островком спокойствия в эпицентре домашнего шторма, и вся его воля была направлена на одно — удержать сестру в этом мире.

Через двадцать минут, которые показались вечностью, дрожь наконец начала отступать, сменилась глубокой, разбивающей слабостью. Дыхание Вики выравнивалось, но каждый вдох давался ей с усилием, будто дышала она через плотную ткань. Она медленно открыла глаза, в которых плавала невысказанная боль и стыд за свою беспомощность.

— Миш... — ее голос был слабым, сильным шепотом. — Прости... Я опять...

— Тихо, сестренка, тихо, — он мягко прервал ее, проводя ладонью по ее влажному от пота лбу. — Никаких «прости». Все прошло. Все уже позади.

Он помог ей сделать глоток воды из кружки, которую дрожащими руками подала мать, затем аккуратно поднес к ее губам таблетку.

— Проглоти. Поможет голове.

Вика послушно кивнула, ее веки уже наливались свинцовой тяжестью. Она была как пустая оболочка, вся энергия, вся жизнь выгорела в этом приступе дотла.

— Сейчас отнесем тебя в кровать, поспишь, и все будет хорошо, — сказал Михаил, его голос снова стал твердым и уверенным, опорой, за которую можно было ухватиться.

Он легко, почти без усилий, подхватил ее на руки — такая она была легкая, невесомая. Ее голова бессильно упала ему на плечо. Людмила Степановна, все еще всхлипывая, но уже успевшая немного прийти в себя, побежала впереди, чтобы распахнуть дверь в комнату дочери.

Комната Вики была ее маленьким миром, отгороженным от болезней и проблем. На стенах — не только постеры с импрессионистами, но и ее собственные *рисунки, приколотые к пробковой доске*: удивительно живые, полные света акварели. Пейзажи, которых она никогда не видела, и лица людей, которых никогда не встречала — весь мир, недоступный ей из четырех стен. На столе — разбросанные карандаши и начатый эскиз: море, бурное и свободное.

Михаил осторожно уложил сестру на застеленную постель, укрыл одеялом, подоткнув его края, как делал это всегда. Он постоял над ней еще мгновение, прислушиваясь к ее ровному, наконец, дыханию. В свете ночника ее лицо казалось почти детским, безмятежным, и только синеватые тени под глазами напоминали о только что отгремевшей буре.

Он потушил основной свет и на цыпочках вышел, притворив дверь, оставив ее в покое, в которой ее измученный мозг так отчаянно нуждался.

На кухне царила тишина, густая, как смоль. Мать сидела за столом, уставившись в запотевшее окно, за которым медленно гасли огни многоэтажек. В ее руках бесцельно вертелся смятый платок.

Она не глядя повернулась к нему, когда он вошел. Глаза ее были пустыми, будто все слезы уже вытекли.

— Ну что? Что сказал врач? — голос ее был хриплым от недавних рыданий, но теперь в нем звучала лишь усталая покорность. Она спрашивала, потому что надо было спрашивать, уже почти не надеясь на ответ.

Михаил тяжело опустился на стул напротив. Спина его горела от напряжения.

— Сказал... что это последнее, что они могут сделать. Паллиатив. — Он произнес это слово с таким отвращением, будто это был привкус рвоты. — Обезболивающие. Капельницы. Чтобы... чтобы было не так больно.

Лицо Людмилы Степановны исказилось, будто он ударил ее.

— Чтобы не больно умирать? — прошептала она. — Это и есть их план? Миш... а операция? Тот профессор, мы же ему снимки отправляли...

— Отправили. — Михаил провел ладонью по лицу, чувствуя, как под кожей стучит усталость. — Он подтвердил. Шунтирование. Только в Дюссельдорфе. У них там нужное оборудование. Опыт.

— И... — мать замерла, ловя его взгляд, цепляясь за последнюю соломинку. — И он может помочь?

— Говорит, шансы есть. Хорошие. — Михаил сделал паузу, давая ей вдохнуть эту крошечную надежду. А потом так же тихо и четко, как врач в кабинете, опустил на нее гирю. — Стоимость... от ста пятидесяти тысяч. Евро.

Он наблюдал, как эти слова прожигают в ней дыру. Как ее плечи сначала подались вперед, будто от удара в живот, а потом медленно, неумолимо сгорбились, становясь старыми и беззащитными. Она не закричала. Не расплакалась. Она просто издала короткий, глухой звук, похожий на стон раненого животного.

— Сто... — она попыталась повторить и не смогла, только беззвучно пошевелила губами. Ее руки, лежавшие на столе, вдруг беспомощно разжались. — Мишенька... да это же... это же целая жизнь. Несколько жизней. Где мы столько... Где?

— Я знаю, мам, — он сказал это тихо, уставши. — Я знаю.

— Нет, ты не знаешь! — ее голос внезапно сорвался, в нем прорвалась та самая, копившаяся годами, иступленная ярость бессилия. Она вскочила, схватилась за спинку стула, чтобы не упасть. — Ты не представляешь! Я каждый день хожу на работу, где мне платят копейки, и считаю каждый рубль на лекарства! Я смотрю на нее и думаю: "Господи, дай мне хоть год, хоть месяц ее здоровой!" А они... — она ткнула пальцем в сторону, где стояла поликлиника, — предлагают ей "паллиатив"! Морфий, чтобы сдохла потише!

— Мама, успокойся, — попытался он вставить, но она его не слышала.

— Успокоиться? Хорошо. Я успокоюсь. — Она снова плюхнулась на стул, и ее лицо стало странно спокойным, почти отрешенным. Она посмотрела на него пугающе ясным взглядом. — Знаешь, я уже присмотрела для нее платье. Вон в том магазине, на углу. Белое. Свадебное. С кружевами. — Она горько усмехнулась, и в уголках ее глаз выступили слезы, которые она даже не пыталась стереть. — Пусть хоть в гробу невестой полегит. Раз уж замуж выйти не успела. Так хоть красивой будет. Не то что сейчас... тень.

— Хватит! — его собственный голос прозвучал как выстрел, сорвавшись с цепи. Он тоже встал, сжимая кулаки. — Хватит эту мерзость нести! Вика услышит.

— А что делать?! — крикнула она в ответ, поднимаясь ему навстречу, но уже чуть тише, с горьким пониманием. Ее лицо исказила гримаса отчаяния. — Скажи мне, сынок, ты у нас

мужчина, голова семьи! Ты теперь за всех в ответе... после того как твой отец... — она махнула рукой, сметая с воображаемого стола призрак несуществующего мужа. — Сбежал в свою запойную яму и утопился, как последний алкаш, оставив меня с двумя детьми! Скажи, что делать?! Зарой свою сестру заживо вместе с их паллиативом?! Я не хочу хоронить свою дочь! Слышишь?! Не хочу!

— Я знаю, я тоже этого не хочу! — его голос сорвался на шепот, полный ярости и боли. — Но я не он! Я не сбегу! Но я и не Бог, чтобы чудеса творить! Денег нет, мам! Их НЕТ!

Она замолкла, и в этой внезапной тишине его слова, прозвучавшие не как гнев, а как крик о помощи, наконец долетели до нее. Она увидела не мужчину, а своего мальчика, загнанного в угол, и вся ее ярость разбилась об это понимание.

— Знаю, родной... Знаю, что не сбежишь, — ее голос вдруг стал тихим, устало-покорным, и от этого он прозвучал еще страшнее, чем крик. Она медленно покачала головой, глядя куда-то в сторону комнаты дочери. — Ты у нас крепкий, как твой дед... А Сергей... твой отец... он тоже был крепкий, пока не сломался. Работал, пил, чтобы забыться... а в итоге просто утопил свой страх в реке, оставив нас тонуть тут, без него. И теперь ты один тащишь эту лодку. А я... я только и могу, что причитать да на тебя же кричать. Прости меня, Мишенька...

Она не стала больше ждать ответа. Силы окончательно оставили ее. Она снова опустилась на стул, сгорбилась и уткнулась лбом в сложенные на столе руки, бесконечно уставшая и разбитая. Плечи ее мелко вздрагивали.

— Значит, будем заказывать... то самое платье, — тихо, уже почти без эмоций, выдохнула она в дерево стола. — Белое...

Этот шепот, этот страшный, спокойный приговор стал последней каплей. Он был сильнее всех его внутренних протестов.

Михаил стоял, чувствуя, как пол уходит из-под ног. Ее слова, ее отчаяние были страшнее любого вражеского огня. Он бессильно опустил голову на сложенные на столе руки. Тишина снова воцарилась в комнате, давящая, беспросветная. Он закрыл глаза, и перед ним поплыли образы. Бронзовый моряк. Умные глаза Антонова. Бледное лицо сестры. И та самая, матовая, дорогая визитка.

Он с отвращением к самому себе, тяжелыми шагами прошел в прихожую. Куртка лежала там, где он сбросил ее впопыхах, — скомканная темная грудa на полу в коридоре. Он наклонился, и в мышцах спины отозвалась усталость. Поднял куртку. Ткань была уже комнатной температуры, но на ощупь казалась отталкивающей, будто впитала в себя весь холод и грязь этого дня. Он засунул руку во внутренний карман, и пальцы наткнулись на жесткий, матовый прямоугольник. Вытащил. Затем, с той же автоматической, почти ритуальной точностью, развернулся и повесил куртку на спинку стула у кухонного стола, будто совершая последний в жизни нормальный, бытовой поступок. И только потом положил визитку на стол, будто это был не кусочек картона, а капля яда, способная отравить все вокруг.

Людмила Степановна подняла заплаканные глаза.

— Что это? — прошептала она, смотря на визитку, как на что-то неземное, опасное.

— Возможно... единственное, что нам осталось, — глухо, не глядя на нее, ответил Михаил.

Экран телефона ярко вспыхнул в полумраке кухни, ослепив его. Он взял визитку. Никаких украшений, только имя — Григорий Антонов — и номер. Цифры казались ему шрамами на белой поверхности.

Он сделал глубокий, прерывистый вдох, чувствуя, как с каждой набранной цифрой предает все свои принципы, всю свою боль, всю память о «Курске». Палец дрогнул над кнопкой вызова. Он представил, как тонет в той же липкой, холодной тьме, из которой когда-то пытался спасти других.

И в этот момент, пока его палец застыл в воздухе, он услышал тихий, прерывистый шепот матери. Она сидела, сжав свои руки в бессильном комке, и, глядя в пустоту, шептала одно и то же, словно молитву или заклинание:

— Господи, помоги... Смиloserдуйся... Помоги нам... Господи...

Этот шепот, полный отчаянной веры, стал последней каплей. Он был сильнее всех его внутренних протестов.

Он нажал.

Трубку взяли почти мгновенно, после второго гудка. Никаких приветствий, лишь ровное, спокойное молчание в ожидании.

— Антонов? — сипло произнес Михаил, и его собственный голос показался ему чужим.

На том конце провода последовала легкая пауза, и тот же бархатный голос, без тени удивления, произнес:

— Михаил. Я вас слушаю.

ГЛАВА 2: ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

Вертолет «Агусти-Вестленд» ревел, разрывая сырую московскую мглу, но стоило им выйти в открытое небо над Атлантикой, мир перевернулся. Снизу, сквозь редкие прорехи в кучевых облаках, уходила в бесконечную даль водная гладь — то свинцовая, то внезапно вспыхивающая ослепительными бликами, словно рассыпанное зеркало. Солнце палило безжалостно, но его тепло не могло пробиться сквозь ледяную пленку, сковавшую Михаила изнутри.

Он сидел, вцепившись в кожаное сиденье, и смотрел в небо, не видя его. Внутри бушевал шторм, тихий и беспощадный.

«Предатель. Продался. Сломался. Все свои принципы, всю свою боль, всю память о «Курске» — все выменял на пачку банкнот. Ты стал тем, кого презирал — наемником, готовым лезть в самое пекло за деньги. Адмиралы, глядя на тебя сейчас, плюнули бы в лицо. Товарищи, оставшиеся навсегда в стальном гробу... они видят тебя, Волков? Видят, как ты идешь на сделку с той самой бездной, которая их поглотила?»

Пальцы его правой руки сами собой, нервно и быстро, отбивали дробь по колену — глухой, навязчивый стук, словно отсчет последних секунд его чести. Он ловил себя на этом, с силой сжимал кулак, заставляя мышцы неметь, но через минуту пальцы снова начинали свой судорожный танец.

И тогда, сквозь этот шквал саморазрушения, перед ним всплывало другое лицо. Не искаженное ужасом в ледяной воде, а бледное, с синеватыми прожилками, с губами, отливающими лиловым. Вика. Ее прерывистое, хриплое дыхание, ее глаза, полые от стыда за свою беспомощность.

«Но что же мне было делать? Смотреть, как она медленно угасает? Слушать, как мать шепчет в пустоту, выбирая ей свадебное платье для гроба?»

Он снова видел их крошечную кухню, густую, давящую тишину, и этот шепот, похожий на предсмертную молитву:

«Господи, помоги... Смилосердуйся...»

Этот шепот обжигал сильнее, чем все упреки его собственной совести. Он был сильнее страха, сильнее принципов, сильнее памяти о погибших. Он был вязкой, удушающей правдой: другого выхода не было. Не для него. Для нее.

Он продал душу. Но выкупил ли хоть один день ее жизни? Или просто стал еще одним несчастным в длинной цепи, ведущей в никуда?

— Земля! Вернее, море! — крикнул пилот, обернувшись и показывая куда-то вперед и вниз.

Михаил прильнул к стеклу. Сначала он увидел лишь бескрайний океан. Потом заметил крошечную, неподвижную черную точку. Они неслись к ней с пугающей скоростью, и точка быстро росла, обретая форму, превращаясь в судно. Оно было не похоже на стандартные научно-исследовательские суда. Длинный, стремительный, с высоко поднятым носом и вертолетной площадкой на корме, он выглядел скорее как яхта-гигант, переоборудованная под чьи-то амбиции. Имя, выведенное по обоим бортам лаконичным, но дорогим шрифтом, говорило само за себя: «Вызов». Пафосно. С вызовом. Идеальное имя для игрушки олигарха Сереброва.

Посадка была мягкой, почти бесшумной. Вихрь от лопастей взметнул соленые брызги, когда Михаил, сжимая в руке скромный дорожный рюкзак, ступил на палубу. Палуба была стерильно чистой, отполированный металл и темное дерево блестели под палящим солнцем. Воздух пах океаном, дорогим топливом и деньгами.

Его встретили сразу. Не как гостя, а как актив, прибывший к месту эксплуатации.

Первый, кого он увидел, ступив на палубу «Вызова», был он. Крупный, под два метра ростом, мужчина с лицом, на котором время и обстоятельства высекли не морщины, а что-то вроде брони. Короткая стрижка, темная, дорогая полевая форма без каких-либо опознавательных знаков. Он не подошел — он возник, словно материализовался из солнечных бликов, играющих на полированном металле. Его движения были пугающе экономичны — ни одного лишнего мускула.

Взгляд холодных, цвета мокрого асфальта, глаз скользнул по Михаилу с головы до ног, быстрый и безжалостный, как сканер.

— Орлов, Сергей Петрович. Начальник безопасности, — голос был ровным, без интонаций. Он пожал руку. Рукопожатие не было попыткой подавить — это была констатация факта физического превосходства. — Ваши вещи уже в каюте. Пройдемте.

Михаил молча кивнул, следуя за его широкой спиной.

«Спецназ. Скорее всего, ГРУ. Прошел через пару горячих точек, судя по взгляду — видел вещи похуже трупов. Циник. Прагматик. Функция, а не человек», — автоматически, по старой привычке, составлял он досье в голове.

Орлов приоткрыл дверь в просторную, но аскетичную каюту и сделал шаг в сторону.

— Пятнадцать минут. Затем — на палубу, брифинг.

Воздух в каюте был густым и спертым, пахшем остывшим кофе, пылью старых книг и едва уловимым запахом озона от электроники. За столом, буквально заваленным разрозненными картами, схемами и потрепанными фолиантами, сидел сухонький, чуть сгорбленный мужчина в мятом пиджачке. Его большие, невероятно выразительные глаза за толстыми линзами очков горели фанатичным огнем, который, казалось, освещал и без того яркую лампу под потолком.

Увидев Михаила, он отложил циркуль, с помощью которого что-то вымерял на карте с концентрическими кругами, и поднялся, его движения были резкими, порывистыми, словно у марионетки.

— А, наш новый командор! Наконец-то! — воскликнул он, протягивая костлявую, холодную руку. — Белов, Лев Николаевич. Профессор. Я уж думал, вас в последний момент заменят. Мы с ассистентом Швецовым здесь уже вторые сутки томимся. Вчера вот врач наша, Зайцева, подселась. А вы — последний пазл. Команда в сборе, чтобы прикоснуться к величайшей тайне — Атлантиде!

Михаил кивнул, его рукопожатие было кратким, сильным.

— Волков. Михаил, — он сбросил тяжелый рюкзак на койку. — Меня не заменяют. Я отрабатываю.

В его голосе прозвучала плохо скрытая грань, и Белов, будто сканером, прошелся по его лицу взглядом.

— Понимаю, — сказал профессор, и в его тоне появилась странная, почти клиническая заинтересованность. — Нередкий здесь мотив. Орлов, наш «Босс» — эффективен, но лишен романтики. Дима-техник отбывает номер за большие деньги. Зайцева... кто знает, что движет военным врачом. А вы... вы здесь, потому что вам некуда больше идти. Интересный спектр мотиваций для величайшего открытия века, не находите?

Пока профессор говорил, Михаил скользнул взглядом по каюте, оценивая обстановку с профессиональной холодностью. Стеллаж, забитый книгами в разрозненных переплетах — от советских учебников по тектонике до зарубежных монографий по палеоклиматологии. На столе, рядом с современным защищенным ноутбуком, лежали распечатанные на серой грубой бумаге статьи с кривыми графиками и спектрограммами — судя по пометкам, это были труды самого Белова. Карты были испещрены не привычными изобатами, а странными концентрическими кругами и стрелками, расходящимися от одной точки, помеченной жирным крестом. Рядом валялся штангенциркуль и калькулятор старого образца.

— Вы многое подмечаете для человека, который вещает об Атлантиде, — безразлично бросил Михаил, расстегивая молнию на куртке.

— Наблюдение — основа науки! — оживился Белов. — И я наблюдаю странности. Команда «Вызова», основная, они... отстраненные. Как будто мы, пассажиры, невидимы. А вчера я случайно подслушал разговор у рубки... Едва наша группа погружения соберется, управление судном перейдет к самому Сереброву. Он будет командовать отсюда, из своей каюты, будто мы на дистанционном управлении.

В этот момент сверху, с палубы, донесся нарастающий гул, который быстро перешел в оглушительный рев. Потолок задрожал. Это был вертолет. Звук работающих турбин достиг пика, затем стал удаляться, затихая в океанской дали.

Белов многозначительно поднял бровь, глядя на потолок.

— Вот. Видите? Технический персонал и часть экипажа, которые не входят в «круг избранных», покинули нас. Мы остались в прекрасной компании.

Михаил молча выслушал, его лицо не выразило ничего, кроме усталого безразличия. Он отвернулся и короткими, точными шагами подошел к раковине. Резко повернул кран, и ледяная вода с примесью ржавчины с шумом хлынула на его руки. Он плеснул ее в лицо, и резкий холод на коже стал единственным ощущением, которое казалось ему по-настоящему реальным в этом сумасшедшем доме. Он поднял голову и поймал свое отражение в зеркале — уставшие глаза, напряженные скулы, капли воды, стекающие по вискам. За спиной в его отражении маячила фигура профессора.

— И что? — голос Михаила прозвучал приглушенно, пока он вытирал лицо ладонью. — Вы один из тех, кто везде ищет теорию заговора?

— Ни в коем разе! — профессор воздел руки, как бы отстраняясь от подобного обвинения. — Я ищу закономерности! А они, молодой человек, кричащие. И это лишь подтверждает масштаб того, с чем мы имеем дело!

— И с чем же, по-вашему, мы имеем дело, Лев Николаевич? — Михаил медленно вытер лицо рукавом, его голос был устало-насмешлив. — Если отбросить высокую материю... Похоже, мы здесь для того, чтобы найти новую игрушку для избалованного мальчишки с деньгами.

Белов на секунду смутился, будто эта суровая формулировка резанула его по живому.

— Вы несправедливы, молодой человек! — поправил очки. — Да, Виктор Леонидович человек своеобразный. Прагматик. Но он предоставил ресурсы! Без него эта экспедиция осталась бы пачкой моих статей на серой бумаге! Он понимает, что за этим стоит нечто большее, чем артефакт. Власть. Технологическое превосходство. Его мотивы... вторичны. Важен результат!

Михаил, не находя возражений, лишь коротко и безразлично хмыкнул, отвернувшись к иллюминатору, за которым клубился свинцовый туман. Этот жест, полный молчаливого скепсиса, стал для профессора последней каплей.

— А кстати, о предприятии! — глаза Белова загорелись с новой силой, будто он только и ждал этого перехода, чтобы снова увести разговор в свою стихию. Он схватил со стола одну из серых распечаток, трясая ею в воздухе. — Понимаете, официальная наука — это клуб высокомерных слепцов!

Пока профессор, разгоряченный, расхаживал по каюте и жестикулировал, его речь лилась сплошным потоком. Михаил, используя этот шумовой фон, действовал на автомате: бегло осмотрел застежки на своем рюкзаке, поправил залом на куртке, висящей на крюке. Эти незначительные действия были ритуалом, возвращающим ощущение контроля.

—...Они тыкают пальцами в свои сверхточные приборы и не видят океана за каплей воды на линзе! Но мы-то с вами... мы-то видим! Мы смотрим в корень! — Белов, наконец, замолчал, переводя дух.

В наступившей тишине Михаил выдержал небольшую, но вежливую паузу, давая профессору понять, что его выслушали.

— Понимаю, Лев Николаевич, — голос Волкова снова стал ровным, деловым, без тени предыдущей колкости. — Ваша убежденность... впечатляет. Но, с вашего позволения, мне нужно на палубу. Доложить о прибытии. Разобрать снаряжение.

Он не стал ждать ответа, кивнув профессору на прощание, и вышел в коридор, оставив Белова наедине с его картами, распечатками и великой тайной, которая для одного была смыслом жизни, а для другого — лишь средством для оплаты другого, куда более важного счета.

Выйдя из душевой каюты, Михаил по узкому, слабо освещенному коридору поднялся по крутому трапу наверх. Стальная палуба встретила его порывом свежего, соленого ветра, который крепчал с каждой минутой, завывая в растяжках мачт. Воздух, пахнувший океаном, соляной и свежескрашенным металлом, был глотком свободы после удушья профессорских теорий.

Окидывая взглядом палубу, он первым делом заметил у леерного ограждения одинокую женскую фигуру. Спинной к нему, в темной утепленной ветровке с капюшоном, наброшенной поверх медицинского халата, стояла хрупкая брюнетка. Она вглядывалась в свинцовую пелену тумана над водой, и, несмотря на практичную одежду, ее тонкий профиль и сжатые плечи казались потерянными и чужеродными в этой суровой, мужской и технологичной среде, словно чайка, заблудившаяся на палубе ледокола.

«Врач», — мгновенно определил про себя Волков.

Его шаги по металлическому настилу были отчетливо слышны. Услышав их, женщина обернулась, откинув капюшон. Искреннего любопытства в ее взгляде не было — лишь спокойная, аналитическая внимательность. Умные, чуть уставшие глаза встретились с его взглядом, будто сразу же начали ставить предварительный диагноз. Ее руки были засунуты в карманы ветровки, спасаясь от пронизывающей сырости.

— Добрый день. Вы, наверное, наш новый командор, — сказала она, не дожидаясь представления. Голос был тихим, ровным, но в нем чувствовалась уверенность, рожденная профессиональной компетентностью. — Я Анна Зайцева, судовой врач. Акклиматизируетесь? Резкая смена обстановки, особенно такая специфическая, может вызывать стресс. Не стесняйтесь обращаться, если что.

— Волков. Михаил, — отозвался он, подходя ближе и тоже опираясь на леер. — Справлюсь. Спасибо.

— Не сомневаюсь, — легко парировала она, не настаивая, но и не отступая. — Но мой опыт подсказывает, что иногда даже самым сильным нужно, чтобы их просто... выслушали. Без оценок и диагнозов.

Михаил лишь кивнул, глядя на свинцовую линию горизонта. В его молчании не было грубости, лишь тяжесть, которую он нес в себе.

— Вы на палубу за приказами? — перевела тему Анна.

— Да. Нужно найти Орлова.

— Тогда пойдемте вместе. Я как раз обходила судно, проверяя, не укачалось ли у кого-нибудь техническое оснащение, — в углу ее глаз дрогнула почти незаметная улыбка. — Каюта Орлова в носовой части.

Они направились вдоль палубы, и Михаил получил возможность лучше рассмотреть «вооружение» их экспедиции. Палуба напоминала склад футуристического оборудования, ожидающего своего часа. Рядом с надстройкой, укрытые брезентом, стояли корпуса двух аппаратов, похожих на сплюснутых стальных скатов — глубоководные беспилотники «Гном». Дальше, у крана, покоился более крупный аппарат — обитаемый подводный аппарат «Рифт», его иллюминаторы, как слепые глаза, смотрели в хмурое небо. Повсюду лежали бухты толстен-

ных тросов, контейнеры с датчиками и зондами. Весь этот арсенал молчал, но его присутствие было ощутимым, как взведенная пружина.

В этот момент из открытого люка, ведущего, судя по всему, в машинное отделение, с легким топотом поднялся коренастый, широкоплечий мужчина в промасленной робе. Увидев их, его лицо, испачканное машинным маслом, расплылось в самой искренней и добродушной улыбке за все время пребывания Михаила на судне.

— А, компас здоровья и боевой дух команды в одном флаконе! — весело бросил он, обращаясь к Анне. Затем его взгляд перешел на Михаила, и в нем не было ни капли оценивающей настороженности, лишь открытое дружелюбие. — О! А это, я смотрю, наш заплутавший командор нашелся! Добро пожаловать на борт «Вызова», товарищ капитан!

Он поставил на палубу тяжелый ящик с инструментами, издав громкий металлический лязг, и, не обращая внимания на грязь на своих ладонях, протянул руку Михаилу. Жест был настолько прямой и честный, что тому ничего не оставалось, как ответить на рукопожатие.

— Швецов, Дмитрий, — представился техник. — Но все зовут Диман, Димыч, а если я что-то там спалю — то «Электрик Рукожоп». Я тут за всю эту железяку отвечаю. — Он широким жестом обвел палубу, от «Гномов» до «Рифта». — Глубоководные аппараты, гидравлика, связь, кофеварка на камбузе — все, что пищит, дымится или внезапно перестает делать то, что должна. Если что-то пойдет не так, а оно, поверьте, обязательно пойдет, зовите. Будем вместе материться, чесать в затылке и чинить. Команда же!

Михаил почувствовал, как на мгновение уголки его губ сами по себе дрогнули в подобии улыбки. После кабинетного фанатизма Белова и аналитической сдержанности Зайцевой, Швецов был глотком свежего воздуха, похожим на нормального, адекватного человека, случайно затесавшегося в этот сумасшедший дом. В его присутствии даже давящая тяжесть на душе на мгновение отступила.

— А где же наш главный стратег, Орлов? — осведомился Диман, оглядываясь. — Мы тут все в сборе, как на подводной лодке к приходу комиссии. Только смотра оружия не хватает.

— Ждем, — коротко ответил Волков, и в этом одном слове заключалось все общее настроение — тревожное ожидание перед началом того, что уже не остановить.

Ожидание затянулось. Прошло пятнадцать минут, и за это время на палубе сложилась странная, негласная иерархия. Первой, сохраняя дистанцию, у леерного ограждения заняла позицию Анна Зайцева, кутаясь в свою темную ветровку. Швецов, не в силах сидеть без дела, прислонился к балке крана, время от времени что-то проверяя в своем ящике с инструментами. Михаил стоял чуть поодаль, его взгляд скользил по горизонту и оборудованию, проводя собственную, безмолвную оценку готовности.

Но центром притяжения, точкой, вокруг которой выстраивалось все пространство, был Орлов. Он вышел на палубу, стоял неподвижно, с руками, заложенными за спину, вглядываясь в свинцовую пелену тумана. Его молчаливая фигура была якорем и одновременно источником напряжения.

Тишину нарушил торопливый, спотыкающийся шаг. Из люка поспешно, почти по-журавлиному, выпорхнул Белов, беспокойно озираясь.

— А-а, вот и все собрались! Здравствуйте, коллеги, здравствуйте! — произнес он, слегка запыхавшись, и нервно поправил очки. — Я, кажется, не опоздал? Лучше бы, конечно, еще раз свериться по картам...

Орлов медленно, не меняя позы, повернул голову. Его взгляд, холодный и тяжелый, скользнул по профессору.

— Профессор, вы как всегда вовремя, — его голос прозвучал без единой нотки приветствия, это была констатация факта, отточенная и колкая. — Чтобы ровно в срок начать торопиться. Займите свое место.

Белов, словно получив удар хлыстом, съехался и беспомощно заморгал, поспешно сместившись к группе. Воздух снова застыл, теперь уже окончательно.

— Команда, внимание, — его голос, низкий и ровный, резал шум ветра и волн, не требуя повышения тона. — Задача. Объект находится на глубине три тысячи семьсот восемьдесят метров. Геометрия — условно цилиндрическая, высота примерно пятнадцать метров, диаметр основания — пять. Материал — не идентифицирован. Не магнитный, с аномально низкой теплопроводностью и акустической отражательной способностью. Эхолоты его почти не видят, нашли по гравитационной аномалии.

Он сделал короткую, выверенную паузу, дав цифрам и фактам осесть в сознании. Швецов насвистывал, мысленно прикидывая нагрузки. Белов, дергаясь, пытался что-то записать в потрепанный блокнот.

— Задача — спуск на аппарате «Рифт», обследование, закрепление строповых устройств и подъем. Швецов — работоспособность «Рифта» и систем подъема. Зайцева — мониторинг состояния экипажа. Белов — консультация. Волков — общее руководство операцией на месте.

Михаил, до этого молчавший, сделал шаг вперед. Его вопрос прозвучал четко и по делу.

— Уточните состав экипажа «Рифта». Кто погружается?

— Вы и Швецов, — отрезал Орлов, будто это было само собой разумеющимся.

Коренастый техник тут же оживился. Широкая ухмылка озарила его лицо.

— Отлично! — воскликнул он, одобрительно хлопая Михаила по плечу. — С этим товарищем хоть на край света. А то в одиночку скучновато. Руки уже чешутся эту штуковину пощупать!

Его взгляд скользнул по палубе к массивному судовому крану, и выражение лица стало более серьезным, профессиональным.

— Погодите-ка... Пятнадцать метров в высоту, говорите? — Диман свистнул, оценивая масштаб. — А вес? Наша подъемная система рассчитана на пятьдесят тонн. Если объект окажется тяжелее...

— Расчетный вес — около сорока тонн, — парировал Орлов, не меняя интонации. — Данные не прямые, приблизительные. Справитесь?

— Придется справиться, — Швецов хмыкнул, но в его глазах мелькнула тень сомнения, и он бросил взгляд на тросы, как бы проверяя их на прочность.

— А если объект... хрупкий? — встрял Белов, его глаза бегали от Орлова к Волкову. — Мы можем повредить уникальный артефакт! Нужен деликатный подход!

— Задача — поднять, а не сохранить для музея, профессор, — холодно парировал Орлов. — Целостность — желательна, но не обязательна. Главное — доставить.

Михаил, до этого молча наблюдавший, шагнул вперед, его взгляд был прикован к Орлову.

— А если он полый? Или если внутри есть полости? Вес может измениться при отрыве от грунта. Нужен запас прочности. И дистанционный мониторинг нагрузки на стропы в реальном времени. Без этого — слишком большой риск.

Орлов медленно перевел на него свой взгляд, в котором читалось легкое раздражение.

— Оборудование для мониторинга есть. Запас прочности... есть. Но не бесконечный. Ваша задача — просчитать риски. Не моя.

— Моя задача, — тихо, но так, что было слышно каждому, произнес Волков, — не утопить этот плавучий дворец вместе со всеми на борту из-за ваших неточных данных.

На пару секунд воцарилась тишина, нарушаемая лишь ветром и приглушенным гулом судовых систем. Два взгляда — ледяной и уставший, но непоколебимый — скрестились в безмолвном поединке.

— Тогда просчитайте, — наконец произнес Орлов, и в его голосе впервые прозвучало нечто, отдаленно напоминающее уважение. — Операция начинается через шесть часов. Волков, Швецов — со мной. Нужно обсудить детали. Остальные — к своим задачам.

— Да, да, конечно! — тут же восторженно воскликнул Белов. — Я покажу вам карты, схемы! Аномалии просто невероятные!

— Профессор, — голос Орлова прозвучал как удар хлыста. — Ваши схемы подождают. Сначала — оперативная часть.

Белов поморщился, как от физической боли, и беспомощно умолк.

Михаил бросил последний взгляд на небо, на уходящий вдаль горизонт. Ощущение тревоги не ушло, оно лишь сменилось тяжелым, свинцовым предчувствием. Он кивнул Швецову, и они вместе направились за Орловым. Обратного пути не было. Он это понял, еще когда его палец нажал кнопку вызова. Теперь оставалось только идти до конца.

Каюта Орлова была аскетичной: стол с мониторами, на которых замерли схемы глубин, и жесткое кресло.

— Садитесь, — Орлов указал на два стула. — Время ограничено. «Рифт» — ваш основной инструмент. Швецов знает его вдоль и поперек. Ваша задача — быстрое обследование и крепление. Ясно?

— Не совсем, — Михаил уперся локтями в стол. — «Быстрое» — это сколько? Нам нужен детальный осмотр перед подъемом. Неизвестный материал, неизвестная структура. Одно неверное движение...

— У вас будет три часа на погружение и работу, — отрезал Орлов. — Не больше. Погодное окно закрывается, и мы здесь не одни.

— Три часа на глубине в четыре километра? Это самоубийство, если мы что-то упустим! — Волков не повышал голос, но каждое слово было отчеканено. — Я отвечаю за операцию. Я должен иметь право увеличить время, если ситуация того требует.

— Вы отвечаете за выполнение задачи в отведенные сроки, — парировал Орлов. — Риски просчитаны. Ваша скорость — наша безопасность.

— Моя осторожность — наша безопасность, — возразил Михаил. — Швецов, поддержите. Что, если «Рифт» столкнется с непредвиденной помехой? Акустическая аномалия может означать что угодно.

Диман, до этого сосредоточенно изучавший схемы аппарата, вздохнул.

— Шеф, он прав. «Рифт» — не танк. Если этот «цилиндр» начнет фонить чем-то, чего я не предусмотрел, мы можем ослепнуть и оглохнуть в два счета. Лучше иметь запас по времени.

Орлов смерил их обоих холодным взглядом.

— Хорошо. Плюс один час. Но не минутой больше. И помните — мы здесь не для научных открытий. Мы здесь для результата. Вопросы?

Михаил и Швецов переглянулись. Это была небольшая победа, но битва только начиналась.

— Если вопросов больше нет, — голос Орлова вернул их в настоящее, — то теперь нас ждет встреча. Виктор Леонидович Серебров ждет нас в главном салоне для окончательного инструктажа.

Он не стал ждать ответа, развернулся и коротким жестом велел следовать за собой. Волков и Швецов, еще секунду назад бывшие соратниками по спонтанному альянсу, снова стали просто членами команды, следующим за своим командиром навстречу тому, кто дергал за ниточки всей этой операции. Воздух сгустился вновь, но теперь это была не тревога перед погружением, а тяжелое ожидание встречи с теми, кто оставался за кадром.

ГЛАВА 3: ХОЗЯИН «ЗОЛОТОГО РУНА»

Каюта, куда его проводил Орлов, была просторным помещением, отделанным темным, благородным деревом и матовым металлом. Здесь царила тихая, настраивающая на деловой лад атмосфера подводного командного центра. Основной свет был приглушен, и помещение освещалось в основном холодным сиянием огромного экрана, занимавшего всю торцевую стену. Воздух был стерильно чистым, охлажденным кондиционером, и пахло дорогой кожей, полировкой и слабым, едва уловимым ароматом хорошего кофе.

Виктор Леонидович Серебров сидел в глубоком и, очевидно, невероятно удобном кожаном кресле, стоявшем по центру комнаты. Ему было около пятидесяти шести, но выглядел он прекрасно — ухоженный, с идеальной стрижкой, в которой не было ни намека на седину. Даже здесь, в открытом море, на нем была безупречно сидящая кашемировая водолазка темно-серого цвета и дорогие льняные брюки. Он выглядел так, будто только что вышел из своего личного кабинета в Москве или с яхты в Ницце.

Рядом, прислонившись к столешнице с встроенным коммуникатором, стоял Григорий Антонов. На нем был хорошо сидящий костюм мягкого серо-синего оттенка, без галстука, с темной водолазкой вместо рубашки. Он держал в руках тонкую фарфоровую чашку с паром. Увидев Михаила, он поставил ее с тихим звоном на блюдце и сделал несколько шагов навстречу, его лицо озарила теплая, почти дружеская улыбка.

— Михаил, здравствуйте. Рады, что вы с нами. Перелет был комфортным? — его бархатный голос звучал искренне. Он протянул руку для рукопожатия, оно было, как и прежде, твердым и кратким.

Волков молча кивнул в ответ на приветствие и пожал руку. Его собственная ладонь, шершавая и холодная, казалась чужой на фоне этой гладкой, почти салонной обстановки.

— Капитан Волков, — голос Сереброва был спокоен и лишен пафоса. Он не встал, но жестом пригласил Михаила приблизиться. — Проходите. Спасибо, что оперативно включились в работу.

Михаил молча занял позицию напротив, сцепив руки за спиной по стойке «смирно», которую уже много лет не занимал. Он чувствовал себя не в каюте, а на допросе с пристрастием, где в роли следователей выступали холодный прагматизм и теплая, обволакивающая опасность.

Серебров взял с подлокотника небольшой пульт. Экран за его спиной ожил, и в воздухе, с легким, почти неслышным жужжанием, возникла голографическая проекция. Трехмерная, медленно вращающаяся модель.

Колокол.

Даже в виде бесстрастной симуляции объект вызывал сжимающуюся в груди тревогу. Тот самый гигантский, больше башни линкора, колокол. Грушевидный, пугающе массивный, отличающийся в голограмме глубоким, поглощающим свет черным цветом. Его поверхность была испещрена сложными, несимметричными узорами, которые глаз отказывался воспринимать целиком — они расползались, ускользали, вызывая легкое головокружение.

— Объект, условно именуемый «Золотое Руно», — Серебров говорил ровно, как ученый на лекции, но в глубине его пронзительных, светлых глаз плескалась сдерживаемая страсть коллекционера, стоящего на пороге главной находки своей жизни. — Геометрия, как видите, не имеет аналогов. Материал... — он сделал паузу, давая словам прозвучать с нужным весом, — не поддается классификации. Не металл, не керамика. Возраст по косвенным признакам исчисляется десятками тысяч лет. Я уверен, он старше пирамид.

Он увеличил масштаб пультом, выводя на передний план фрагмент поверхности.

— Обратите внимание на текстуру. Это не следы обработки. Это словно... материал рос таким образом. Или был отлит в условиях, которые нам невоспроизводимы.

Михаил молчал, глядя на голограмму. Его пальцы за спиной сцепились так, что кости белели. Эта цифровая модель была точным воплощением кошмара, который он уже видел глазами другого человека. Чужая память шептала ему из прошлого:

«Колокол... Он будто вращался в дне, был его неотъемлемой, чудовищной частью...»

В этот момент дверь каюты тихо открылась, и в проеме возникла суетливая фигура профессора Белова. Он выглядел бледным и растерянным, его пиджак был расстегнут, а в руках он сжимал пачку распечаток.

— Виктор Леонидович! Григорий! Простите за вторжение, но я не мог... — он запнулся, увидев голограмму, и его лицо исказилось смесью благоговейного ужаса и научного азарта. Он поправил очки, которые съехали на конец носа. — Вы должны выслушать! Последние данные... я перепроверил все лично! Энергетическая сигнатура... она нестабильна! Пульсирует! Мы не знаем, что представляет собой спуск и попытка подъема с точки зрения объекта! Это внешнее воздействие! Мы не можем смоделировать ответную реакцию!

Серебров медленно перевел на него взгляд, его лицо оставалось невозмутимым.

— Лев Николаевич, ваша научная дотошность неопределима, — произнес он спокойно. — Но ваша склонность к драматизму — утомляет. Мы здесь не для того, чтобы строить догадки. Мы здесь для того, чтобы действовать.

— Это не догадки! — Белов сделал шаг вперед, его руки с бумагами слегка дрожали. — Это расчеты! И... и есть архивные данные! Советская миссия...

Он умолк, почувствовав на себе тяжелый взгляд Орлова, стоявшего в тени у двери.

Серебров мягко вздохнул, как взрослый, уставший от капризов ребенка. Он отпил глоток воды из хрустального стакана, стоявшего на столике рядом, и поставил его с тихим стуком. Затем кивнул Антонову.

Тот плавно распрямился.

— Михаил, Лев Николаевич прав в одном, — Антонов говорил мягко, но его слова падали в наступившую тишину с весом свинцовых гирь. — У нас есть... определенная ретроспектива. Неполная, разумеется. Осколки.

Он подошел к экрану и несколькими скупыми движениями вызвал на него новый файл. Это были сканы машинописного текста на пожелтевшей бумаге, с грифом «Совершенно секретно» и пятнами, похожими на высохшую воду. Или что-то другое.

— Этот документ попал к нам из архивов, связанных с ликвидацией активов Министерства Обороны после распада Союза, — Антонов говорил, обводя взглядом присутствующих. — Источник анонимен. И, скорее всего, мертв. Это отчет капитана второго ранга Баринава с атомной подводной лодки «Волнорез». Датирован октябрём 1985 года.

Михаил почувствовал, как по спине пробежал холодный мурашек. Он вглядывался в расплывчатый шрифт, пытаясь прочесть знакомые по вложенному файлу слова:

«Тишина на атомной подводной лодке «Волнорез» была иной...»

— В нем содержатся сведения о встрече с объектом аналогичной геометрии в районе Срединно-Атлантического хребта, — продолжал Антонов, его палец указал на строки текста. — Описываются аномалии: скачки температуры, выход из строя аппаратуры, необъяснимые психофизиологические воздействия на экипаж. Особенно на тех, кто приближался в батискафе.

Он сделал паузу, давая им вчитаться в выдержки, мелькавшие на экране:

«...приглушенный шелканья приборов... все приборы на панели взвыли... низкий, яростный гул, шедший откуда-то из глубины... НЕ БУДИ СПЯЩЕГО В БЕЗДНЕ.»

— Конец записи, — тихо, почти шепотом, заключил Антонов, отходя от экрана. — Экипаж АПЛ «Волнорез» был списан как без вести пропавший при выполнении учебно-боевой задачи. Дело закрыто. Все понимают, что это значит. Никто не вернулся.

В каюте повисла гробовая тишина. Было слышно лишь тихое гудение техники и прерывистое дыхание профессора Белова.

— Вот видите! — выдохнул Белов, его голос сорвался на писк. — Они все погибли! Мы лезем в пасть к тому, что уже однажды убило!

Серебров медленно поднял руку, останавливая его. Его лицо оставалось спокойным.

— Они погибли, Лев Николаевич, потому что были солдатами умирающей империи, у которой не было ни ресурсов, ни технологий, ни, что важнее, воли, чтобы справиться с вызовом, — произнес он холодно и четко. — У нас все это есть. У них был приказ. У нас — цель. И это две большие разницы.

Он снова посмотрел на Волкова. Его взгляд был тяжелым и пронизательным.

— Вы, капитан, профессионал. Вы видите риски. Я их тоже вижу. Я их оцениваю. И я готов за них платить. Я купил не вашу слепую храбрость, а вашу способность принимать верные решения в условиях, где другие поддаются панике. — Он снова отпил воды, и стекло звонко стукнуло о столешницу. — Ваша задача — принести мне этот артефакт. Остальное — технические детали, которые находятся в компетенции господина Орлова и команды.

Белов, окончательно раздавленный и понявший, что его не слышат, беспомощно опустил плечи. Он что-то пробормотал, развернулся и, потершись плечом о косяк двери, как побитая собака, вышел в коридор.

В каюте снова стало тихо. Антонов вернулся к своему кофе, поднял чашку, но не пил, а просто смотрел на пар, поднимающийся над темной жидкостью.

— Вопросы, капитан? — спросил Серебров, откидываясь на спинку кресла.

Михаил Волков медленно перевел взгляд с экрана, где все еще висели фрагменты отчета Барина, на хозяина «Золотого Руна». Он видел перед собой не монстра, а человека, чья воля, упрямство и жадность к неизведанному были страшнее любого чудовища. Человека, готового ради своей цели шагнуть через чужие кости, прикрываясь холодной логикой и деньгами.

И он снова увидел лицо сестры. Бледное, с синеватыми прожилками. Услышал шепот матери: *«Господи, помоги...»*

Он продал душу. И теперь дьявол, в лице этого ухоженного, спокойного человека, показывал ему, в какую бездну ему предстоит спуститься за платой.

— Вопросов нет, — глухо, но четко произнес Михаил.

— Отлично, — Серебров кивнул, и в уголках его глаз легли легкие морщинки — подобие улыбки. — Операция начинается по графику. Удачи, капитан. Она вам понадобится.

Михаил развернулся и вышел, чувствуя на спине тяжелый взгляд Антонова и ледяное спокойствие Сереброва. Дверь за ним бесшумно закрылась. Он остановился в коридоре, прислонился лбом к прохладной металлической стене и закрыл глаза, пытаясь заглушить навязчивый шепот в памяти и давящую тишину из отчета, которая, ему казалось, уже ждала его внизу, в черной воде.

ГЛАВА 4: ПУТЬ В БЕЗДНУ

«Вызов» замер в точке с координатами, которые были бы ничем не примечательны, если бы не находились над одной из самых глубоких впадин в этом секторе Атлантики. Судно легло в дрейф, его стальной корпус с глухим стоном противостоял медленным, тяжелым валам. Океан здесь был уже другим — не ослепительно-синим, а густо-фиолетовым, почти черным, и даже в ясный день казалось, что он ворочает во сне какие-то свои темные, доисторические мысли.

На кормовой палубе кипела работа, отточенная и лишенная суеты. Царила атмосфера, знакомая Михаилу по старым временам — предстартовое напряжение, пахнущее озоном, смазкой и адреналином.

И на фоне этого технологичного балета играла музыка.

Из мощных динамиков, вмонтированных в надстройку, гремел разухабистый трек «Ленинграда» — «Экспонат». Нагловатый ритм, саксофон и цинично-бытовые, местами откровенные куплеты о музее и его экспонатах оглушительно не вязались с суровой палубой, готовящейся к встрече с бездной.

— Что за убогий саундтрек к нашему апокалипсису? — раздался резкий голос Орлова. Он появился беззвучно, как всегда, его массивная фигура отбрасывала длинную тень на блестящий корпус «Рифта». — Выключи. Сейчас же.

На палубе на секунду воцарилась тишина, прерванная взрывом смеха. Из-за аппарата высунулось улыбающееся лицо Димы Швецова.

— Босс, это же андеграунд! Настраиваю акустику на восприятие аномалий! — крикнул он, делая вид, что крутит невидимые ручки. — Без правильного настроя и железяка не поплывет!

Орлов бросил на него взгляд, который мог бы испепелить, но Швецов лишь беззаботно отсалютовал гаечным ключом. Музыка смолкла, и через мгновение ее сменила другая композиция — меланхолический, уставший голос с гитарой. Звучала «Группа крови» Виктора Цоя. И если первая песня была похабным диссонансом, то эта стала диссонансом трагическим — песня о войне и долге, затерянная в безразличном океане.

— Ну, хоть не «Владимирский централ», — пробурчал Диман, — а то совсем весело будет.

Михаил, проверяя соединения на строповой лебедке, невольно ухмыльнулся. Швецов был глотком нормальности в этом безумном предприятии.

— Ну что, командир, готова красавица? — Диман подошел, похлопал по прочному корпусу «Рифта» с почти отцовской гордостью. — Все гуд. Гидравлика поет, связь — как в ЗАГСе, манипуляторы слушаются, как мои пальцы. Два независимых аккумуляторных блока заряжены под завязку. Аварийный сброс балласта... ну, ты сам знаешь, наша последняя молитва. В общем, погружение — как по нотам.

— Если только ноты не из похоронного марша, — тихо, больше для себя, отозвался Волков.

— Ага, — Диман прошелся рукой по шву кабины, смахивая невидимую пылинку. — Слушай, а ты-то как тут оказался? Я вот — за бабками. Собственную мастерскую открыть хочу, «Швецов и партнеры». Девушке моей, Вике, предложение сделать. Хочу, чтоб она за успешного мужа замуж выходила, а не за вечно пахнущего мазутом романтика.

Имя «Вика» прозвучало для Михаила как удар под дых. Он физически почувствовал, как сжимается желудок. Перед ним на секунду встало бледное лицо сестры, а поверх него — наложилось счастливое, улыбающееся лицо невесты в белом платье. *Его Вика будет на свадьбе в свадебном платье, а его Вика — в гробу.*

— По личным причинам, — выдавил он, отворачиваясь и делая вид, что с повышенным вниманием изучает карабин троса.

— Понятно, дело житейское, — Диман не стал лезть. — У меня тоже личное. Как-то раз ко мне на «Мир» турист из богатых приплыл, так вот с тех пор я твердо уяснил: все проблемы от большого ума или от маленького кошелька. У меня со вторым проще.

В это время к ним приблизился профессор Белов. Он не шел, а скорее бродил по палубе, как призрак, бормоча себе под нос. Его пиджак был испачкан, а в глазах стоял нездоровый, лихорадочный блеск.

— Не слышите? Совсем не слышите? — он обратился к ним, но словно смотрел сквозь, его взгляд был устремлен куда-то вглубь, под километры воды. — Оно дышит... пульсирует. Данные... я все перепроверил. Энергетическая сигнатура — это не просто аномалия. Это ритм. Как сердце. Огромное, каменное сердце, замурованное в базальте.

— Лев Николаевич, все под контролем, — попытался успокоить его Волков, почувствовав, как по спине пробежали мурашки. Голос профессора был шепотом, но от него веяло такой древней, нечеловеческой паникой, что становилось не по себе.

— Какой контроль?! — голос Белова сорвался на визгливый, истеричный смех. Он схватил Михаила за рукав гидрокостюма, его костлявые пальцы впились в ткань с силой, которой от него нельзя было ожидать. — Вы не понимаете! Вы все слепцы! Это не артефакт! Это... пробка! Пробка в бутылке, которую запечатали те, кто был до нас! А в бутылке — прах древней катастрофы! Сдвиг оси, потоп, гибель Атлантиды! Это не миф, Платон лишь пересказал обрывки истины! Атланты не погибли, они... уснули там, внизу! Мы лезем будить спящих богов, а они не любят, когда их тревожат!

Он говорил все громче, его глаза бегали по их лицам, ища понимания и находя лишь отстраненность и страх.

— Белов, — холодно, без единой ноты повышения, прозвучал голос Орлова. Он стоял в нескольких шагах, небрежно чистя ствол крупнокалиберного самозарядного пистолета. Массивное оружие выглядело игрушкой в его огромной руке. — Закрой рот. Сейчас. Ты здесь, потому что Сереброву нравится твой ученый бред. Он считает это... пикантной приправой к своей коллекции. Но незаменимых, старик, нет.

Орлов сделал шаг вперед, и профессор инстинктивно отпрянул к Михаилу.

— Еще одно слово, еще одна истерика, — продолжил Орлов, его голос был тише, но от этого лишь страшнее, — и ты проведешь остаток дней, изучая рисунки на кафеле в самой надежной психушке, какую только можно купить за деньги Сереброва. И я лично прослежу, чтобы твои научные труды использовали в качестве туалетной бумаги. Ясно?

Белов отшатнулся, словно его ударили. Его лицо исказилось от ужаса и бессильной ярости. Казалось, он пытался сжаться в комок, спрятаться.

— Вы... вы все с ума сошли! — закричал он, уже не обращая внимания на угрозы, его голос сорвался в пронзительный фальцет. — Вы ведете нас к гибели! Это Колокол! Тот самый Колокол, который звонит по мертвым! Он уже звонит! Не слышите?! Он звонит по нам!

Он заткнул уши руками и закачался на месте, его тело била мелкая дрожь. Он бормотал, обращаясь к пустоте: *«Платон... «Критий»... ориентиры... не те... все не так...»*

Михаил почувствовал, как холодная волна страха подкатила к горлу. Безумие Белова было заразительным. Оно придавало плоти и крови кошмарам из отчета Барина.

Волков уже доставал рацию, чтобы вызвать врача, но доктор Зайцева сама появилась на палубе, привлеченная криками. Она была спокойна, словно шла на обычный осмотр, а не разбирала чью-то истерику на краю света. В ее руках была небольшая, но укомплектованная аптечка.

— Мужчины, поддержите профессора, пожалуйста, — ее голос был ровным, профессиональным и действовал умиротворяюще даже в этом хаосе. — Лев Николаевич, вам нужно успокоиться.

Диман и Михаил, обменявшись взглядами, взяли Белова под руки. Старик слабо сопротивлялся, его бормотание стало бессвязным: «...и тогда море поглотило их за один день и одну бедственную ночь...»

Анна быстрым, точным движением ввела ему седативное. Сопротивление почти сразу прекратилось, профессор обмяк, его глаза закатились, и он тяжело повис на их руках.

— Ну, в отключку, — констатировал Диман, перекладывая вес бесчувственного тела. — Теперь хоть трамвай по нему прокати — не проснется. Похоже на моего кота после валерьянки.

Анна бросила на него строгий, испепеляющий взгляд.

— Дмитрий, ваши шутки иногда граничат с клиническим садизмом.

— Доктор, в моей профессии либо шутишь, либо сходишь с ума, глядя на эту бездну. Я выбрал первое. Здоровее буду.

— Михаил, можете отнести его в каюту? — попросила Анна, смягчив тон.

Волков кивнул. Взяв на себя почти безвольное тело профессора, он понес его вслед за врачом, оставив Димана и молчаливого Орлова на палубе.

В каюте на половине Белова царил привычный хаос из книг и бумаг. Уложив старика на койку, они вышли в коридор.

— Спасибо, — сказала Анна, останавливаясь. — Он, бедный, не справляется. Наука для него — религия. А то, что мы делаем, для него — страшное кошунство. Он верит в то, о чем пишет.

— А для вас? — спросил Михаил, глядя на нее. Ее спокойствие было почти сверхъестественным.

— Для меня это уникальный профессиональный опыт. Наблюдение за группой в условиях экстремального стресса и изоляции. Я хочу открыть свою клинику, специализироваться на помощи людям с ПТСР. Военным, спасателям, таким как вы. А здесь... здесь я вижу, как рождается травма. В реальном времени. Без цензуры.

Она посмотрела на него своими спокойными, аналитическими глазами.

— А вы, Михаил? Что за личные причины заставляют человека, пережившего «Курск», снова идти в бездну?

Он молчал секунду, глядя в стену. И почему-то сказал. Не все, но главное.

— Откуда вы знаете про «Курск»? В досье Сереброва?

— Да. Я изучала медицинские карты и психологические портреты всей команды. Ничего личного, чистая функциональность. Для меня вы — объект исследования. Для них — инструмент. Я подозреваю, для вас самого сейчас — тоже.

Ее слова попали в цель с пугающей точностью. Он и был инструментом.

— Сестра, — выдавил он, и это одно слово прозвучало как приговор. — Ей двадцать два. Болезнь Мойамойа. Сосуды в голове сужаются, душат мозг. Каждый приступ — как маленькая смерть. Спасти может только операция. В Германии. Сумма... неподъемная. Вот и все личные причины.

Он не смотрел на нее, а уставился в металлическую стенку коридора, словно пытался разглядеть в ней тот самый счет из клиники.

Анна кивнула, без лишней жалости, с пониманием профессионала, видевшего человеческое горе во всех его проявлениях.

— Ясно. Спасибо, что поделились. Это... тяжелое бремя. Нести его в одиночку еще тяжелее.

— Не тяжелее, чем смотреть, как она угасает.

Они вернулись на палубу. Предгрозовая тишина, воцарившаяся после истерики Белова, была гуще и плотнее прежней. Орлов исчез. Диман возился с лебедкой, но уже без прежнего энтузиазма.

Михаил подошел к краю палубы, к тому месту, где был подготовлен к спуску «Рифт». Его взгляд стал снова командирским, выверенным. Он начал свой ритуал — последнюю проверку. Это был его способ заглушить внутренний голос, шепчущий о Колоколе, о «Волнорезе», о безумии Белова и о бледном лице сестры.

Он мысленно строил стену из протоколов и инструкций. Пока он действовал как профессионал, ему было легче забыть, что он — наемник, купивший надежду ценой возможной гибели в ледяной тьме.

Он начал с лебедки и тросов. Его пальцы скользнули по холодному стальному канату. Он искал «усы» — тончайшие оборванные проволоки, предвестники катастрофы. Не нашел. Взгляд скользнул к дисплею дистанционного датчика нагрузки. Цифры показывали «0.0» — система в режиме ожидания, чиста и готова.

Затем его внимание переключилось на аварийный комплект «Рифта». Небольшие, ярко-оранжевые гермокейсы были принаитовлены к корпусу по-походному, надежно, но без лишних узлов. Он проверил защелки — они не были закисшими, легко поддавались. Внутри, он знал, лежал запасной кислородный баллон, химические грелки, аварийный маяк, способный месяцами кричать в эфир из самых глубин, и неприкосновенный запас — питьевая вода и высококалорийные батончики на трое суток. Последняя надежда, упакованная в пластик и алюминий.

— Диман, связь, — бросил он через плечо.

— Прием, командир, — тут же отозвался техник, и в наушниках, встроенных в комбинезон, раздался его голос, слегка искаженный акустическим модемом, но чистый. — Слышу тебя, как в метро, только без цыган и с акцентом на техническую часть.

Михаил кивнул. Система связи работала.

Он подошел к самому аппарату. С пульта на его предплечии он отдал команду на пробный запуск манипуляторов. С легким, едва слышным шипением гидравлики две стальные «руки» плавно развелись в стороны, их клешни сомкнулись и разомкнулись в пустоте. Никаких рывков, посторонних скрежетов. Плавность хода была идеальной.

Наконец, он провел ладонью по корпусу «Рифта» рядом с одним из иллюминаторов. Сапфировое стекло, способное выдержать чудовищное давление, было идеально гладким и прозрачным, без сколов и трещин. Он толкнул входной люк — не чтобы открыть, а чтобы проверить сопротивление. Уплотнительное кольцо мягко, но уверенно амортизировало удар. Герметичность не вызывала сомнений.

Каждое действие было выверенным, почти ритуальным. Он был капитаном, проверяющим свой корабль перед боем. И он же был приговоренным, который сам заводит механизм гильотины.

Он закончил осмотр и посмотрел на горизонт. Солнце клонилось к закату, окрашивая воду в цвет запекшейся крови. «Вызов» покачивался на ставших еще более зловещими волнах. Путь в бездну был открыт. Оставалось только сделать шаг.

ГЛАВА 5: ЛИК ГОРГОНЫ

Спуск «Рифта» в первые сотни метров напоминал погружение в жидкий дым. Солнечный свет с поверхности угасал стремительно, как последняя надежда, проходя через спектр яркой лазури, глубокого индиго и, наконец, уходя в сизую, а затем и в абсолютную черноту. За иллюминаторами воцарилась тьма, столь густая, что она казалась физической субстанцией, угольной пылью, замешанной на воде.

Михаил Волков, зафиксированный в кресле пилота, и Дима Швецов, занявший место оператора, погрузились в монотонный ритм предпускового чек-листа. Профессионализм был их коконом, защищающим от нарастающего давления снаружи и страха внутри.

— Проверяю балластные цистерны. Дренаж — норма, — голос Волкова был ровным, лишенным эмоций. Его пальцы скользили по сенсорным панелям, сверяя показания.

— Гидравлика манипуляторов под давлением, — откликнулся Диман. — Управление отзывчивое. Связь с «Вызовом» — пять баллов по шкале Рихтера. Слышно, будто Антонов дышит мне в ухо.

— Следи за профилем глубины. Отметка пятьсот. Стабилизируй аппарат, — скомандовал Волков, глядя на сонар, где вырисовывался склон подводной горы.

— Есть стабилизировать. Давление за бортом — пятьдесят атмосфер. Пока что наш стальной шарик плюет на это, как слон на моську. Температура — стабильные плюс два. Все системы в зеленой зоне. Правда, зеленый этот какой-то тревожный. Как лицо новичка перед первым прыжком с парашютом.

Михаил не ответил на шутку. Он был сосредоточен, как хирург перед сложной операцией. Каждые пятнадцать минут он выходил на связь с «Вызовом», отчитываясь лаконичными, сухими фразами. Голос Антонова звучал так же спокойно и деловито.

Но по мере погружения мир за иллюминаторами менялся. Их прожекторы, на поверхности, режущие воду как бритва, здесь становились жалкими, беспомощными огоньками. Они не пробивали тьму, а лишь выхватывали из нее случайные клочья пустоты. Вода казалась гуще, тяжелее, насыщенной взвесью, истлевшей за миллионы лет жизни.

— Странно как-то, — нарушил молчание Диман, всматриваясь в данные гидролокатора. — Эхолот рисует дно, а биологички — ноль. Ни косяков рыб, ни планктона, ни донной живности. Голый склон. Как в аквариуме после того, как все рыбки передохли и воду не меняли.

Волков кивнул, ощущая, как холодный комок в груди сжимается еще туже. Он вспомнил отчет Барина: *«...не было ни единого следа, ни ракушки... лишь идеально гладкий, мертвый ил»*.

— Фиксируй в журнале. Мертвая зона, — произнес он, и его голос прозвучал хрипло.

Они миновали отметку в три тысячи метров. Внезапно на экране сонара прямо по курсу возникла крупная, неопознанная масса. Не объект, а скорее аномалия — размытое, не имеющее четких границ пятно.

— Контакт, — тихо сказал Волков. — Ложимся на курс ноль-ноль-пять. Тихий ход.

Диман перевел двигатели на минимальные обороты. Батискаф, почти невесомый в толще воды, медленно пополз вперед. Прожекторы, упершись во взвесь, выхватили из тьмы нечто, от чего у Швецова вырвался сдавленный стон.

Это не было дно. Это была Стена. Стена из трупов.

Гигантские, разложившиеся до состояния белесой, студенистой массы туши китов висели в толще воды, опутанные щупальцами невиданных размеров. Рыбы-удильщики с гниющими фонариками на головах, огромные кальмары с пустыми глазницами — все это было перемешано в чудовищный, застывший в времени ковер из смерти. Тела были покрыты толстым слоем

белого, похожего на снег осадка — бактериальной паутины, питающейся разложением. От всей этой массы веяло леденящим, древним тленом.

— Господи... что это? — прошептал Диман, его лицо в свете приборов было бледным как полотно. — Кладбище... или скотобойня?

— Не то и не другое, — сквозь зубы проговорил Волков, чувствуя, как по спине бегут ледяные мурашки. — Это ловушка. Смотри.

Он указал на толстые, похожие на кабели, структуры, которые тянулись из темноты и опутывали крупнейшие туши. Это не были щупальца в привычном понимании. Скорее, гигантские, прозрачные лозы или мицелий, пронизанные пульсирующими биолюминесцентными прожилками. Они не просто опутывали добычу — они прорастали сквозь нее, высасывая жизнь и оставляя после себя лишь белковую массу.

— Глубоководный хищник, — пояснил Волков, заставляя мозг работать аналитически, наперекор ужасу. — Колония, или огромный организм-симбионт. Раскинул свои сети на миграционной тропе. Падальщики и мелкие виды, привлеченные запахом, становятся пищей для более мелких хищников, а те, в свою очередь, сами попадают в эти капканы. Самоподдерживающаяся экосистема смерти.

В этот момент один из «трупов» — туша кашалота — медленно, с жутким скрипящим звуком, сместилась в сторону, увлекаемая движением прозрачных лоз. И за ней открылся вид. На Колокол.

Он был прекрасен и ужасен в одном мгновении, как само понятие бесконечности. Грушевидный, монолитный, он не стоял на дне, а прорастал из него, был его чудовищным продолжением. Его поверхность, отливающая глубоким, поглощающим свет черным цветом, казалась одновременно металлической и живой. Она не отражала свет их прожекторов, а впитывала его, отвечая лишь легким, маслянистым отсветом, будто по ней струилась черная нефть. Он притягивал взгляд с магнетической, гипнотической силой, обещая разгадку всех тайн, и в то же время заставлял душу сжиматься в ледяной комок, инстинктивно жаждать бегства, спрятаться в самых темных уголках сознания.

Прожекторы «Рифта» выхватывали фрагменты испещренной сложными узорами поверхности. И эти узоры... они не были статичными. Они медленно, почти незаметно, шевелились. Изгибались. Меняли конфигурацию. Глаз отказывался фокусироваться на них, они расплывались, вызывая тошнотворное головокружение. Это был не рельеф, а словно бы запись чьего-то безумного, нечеловеческого сна, отлитая в металле. Лик Горгоны, от одного взгляда на который каменеет не тело, а разум.

— Мать Божья... — Диман замер, его рука с рычагом управления манипулятором застыла в воздухе. — Он... он живой?

— Обман зрения, — тут же, резко парировал Волков, заставляя себя говорить, мыслить, анализировать. Его тошнило от этого зрелища, но он подавил спазм в горле. — Биолюминесценция. Микроорганизмы, или какие-то симбиотические лишайники на поверхности. Колонии, реагирующие на свет наших прожекторов. Или... игра света в придонных течениях. Ничего сверхъестественного.

Он почти убедил себя. Но где-то в глубине, в том самом темном уголке души, пряталась уверенность, что это ложь. Узоры были слишком сложны, слишком... осмысленны. Они шевелились с какой-то своей, непостижимой логикой.

— Швецов, — его собственный голос прозвучал чужим, металлическим. — Веди протокол. Включаем все камеры. Начинаем предварительный осмотр. Дистанция до объекта — двести метров.

— Миш... капитан... — голос Димана был полон чистого, немого ужаса. — Мы не должны быть здесь. Мы должны уходить. Сейчас же.

— Выполнять приказ, — отрезал Волков, чувствуя, как его челюсти свела судорога. Он перевел взгляд на мониторы, заставив мозг анализировать данные, а не поддаваться панике. — Фиксируем внешнюю структуру. Ищешь точки для крепления строп.

Он был капитаном. Он был инструментом. Он был старшим братом, продавшим душу. И пока эти три сущности держались вместе, он мог функционировать.

«Рифт», повинуясь его командам, медленно, словно муха, ползущая по стеклу с другой стороны, начал приближаться к Колоколу. С каждым метром страх нарастал, превращаясь в физическую боль, вдавливаясь в виски тяжелым, пульсирующим молотком.

И тогда в наушниках раздался голос Антонова с «Вызова». Но он был не спокоен. В нем впервые слышалась тревога.

— «Рифт», прием. У вас все в порядке? Ваши биометрические показатели скачут. У Димы пульс под сто сорок. Что происходит?

Диман, не отрывая взгляда от Колокола, потянулся к кнопке ответа. Но Волков был быстрее. Он отстранил его руку.

— «Вызов», «Рифт». Все в норме. Проводим визуальный осмотр. Стрессовая ситуация, — его голос был ровным, почти бесстрастным. Ложь далась ему удивительно легко. — Держим связь.

Он не мог позволить им все испортить. Не сейчас. Не когда он был так близок.

— Понял, «Рифт», — после паузы ответил Антонов. — Будьте осторожны.

Волков перевел взгляд на Диму. Тот смотрел на него широко раскрытыми глазами, в которых читались непонимание и предательство.

— Почему? — беззвучно прошептал техник.

— Потому что мы уже здесь, — тихо, но с невероятной твердостью ответил Михаил. — И потому что я не могу вернуться с пустыми руками. Никогда.

Он снова уставился на Колокол. На этот Лик Горгоны, взиравший на них с немым, безразличным ужасом. И в тот момент, когда луч прожектора скользнул по его поверхности, ему показалось, что один из черных, непостижимых узоров на мгновение изменил конфигурацию, сложившись в нечто, отдаленно напоминающее насмешливую ухмылку.

И тишина в кабине «Рифта» стала еще громче, еще невыносимее, наполненной лишь свистом их собственного дыхания и тиканьем часов, отсчитывающих последние секунды до неведомого.

ГЛАВА 6: ПЕРВЫЙ ЗВОН

Каждый вдох отдавался оглушительным свистом в наушниках, и Волков ловил себя на том, что намеренно замедляет дыхание, чтобы не слышать этого надрыва. Чтобы не слышать собственного страха. Он уставился на панель управления, превратив ее в якорь реальности. Цифры, графики, маркеры — все было стабильно. Зеленая зона. Ложное, призрачное спокойствие, за которым из иллюминатора на них смотрел вечный, безразличный мрак и смутный, поглощающий свет силуэт Колокола.

— Переходим к этапу «Альфа», — голос Волкова прозвучал хрипло, но автоматически отчеканено. — Швецов, готовь манипуляторы к захвату. Целевые точки — выступы в секторах семь и девять, по схеме. Первичный захват — страховочный.

Диман молча кивнул. Его лицо в призрачном свете мониторов было землистым. Весь неистощимый запас шуток и бравады, казалось, вытек через иллюминатор, в черную воду, к тому, что ждало там. Его пальцы, обычно проворные и уверенные, слегка дрожали, когда он переводил джойстики манипуляторов в режим готовности.

«Рифт» с едва слышным гулом двигателей медленно приблизился к черной громаде. Вблизи Колокол был еще чудовищнее. Его поверхность не просто поглощала свет прожекторов — она, казалось, поглощала сам смысл, саму логику. Сложные, безумные узоры не давали глазу зацепиться, расплывались, вызывая легкое, тошнотворное головокружение. Волков заставил себя смотреть на них не как на загадку, а как на инженерную задачу. Искал выступы, скобы, что-то, за что можно зацепиться. Природных выступов почти не было. Были лишь странные утолщения узора, которые при ближайшем рассмотрении оказались идеально гладкими, сливающимися с общей массой.

— Брать будем вот эти псевдоскобы, — сказал Волков, указывая курсором на экране на два темных бугра в нижней трети объекта. — И вот там, сверху. Похоже на рифленую площадку.

— Похоже на чертову пуговицу на пальто дьявола, — хмуро пробурчал Диман, наводя манипулятор. — Я, вообще-то, материалист. В Бога, в черта — не верю. Но эта штукавина... — он замолчал, всматриваясь в черную поверхность, в которой отражалось искаженное лицо аппарата. — Глядя на нее, готов поверить во что угодно. Хоть в черта, хоть в бога. Ощущение, что мы не просто артефакт трогаем. Мы в другое измерение пальцем тыкаем.

— Сосредоточься на скобе, — жестко прервал его Волков. Но мысль Димана задела что-то внутри. Да. Это было именно так. Они тыкали пальцем в запретное.

Первый манипулятор с глухим металлическим скрежетом гидравлики выдвинулся и осторожно обхватил выбранный выступ. В момент контакта Волков почувствовал не физически, а где-то в глубине сознания — легкий, леденящий толчок. На экране тактильных датчиков метнулась и погасла аномалия — кратковременный скачок температуры. Будто они дотронулись не до металла, а до спящей, холодной плоти.

— Фиксируем, — сквозь зубы процедил Диман, затягивая захват. Стальные клешни со скрипом впились в черный материал. Казалось, Колокол на мгновение замер, прислушиваясь.

Работа пошла. Второй захват. Третий. Каждый контакт отдавался внутренней дрожью, подступающей к горлу тошнотой. Волков, выполняя ритуал, докладывал на поверхность.

«Штатная ситуация. Процедура проходит в соответствии с протоколом».

Его голос был плоским, как доска. Он лгал «Вызову», лгал самому себе, возводя стену из протоколов поверх нарастающего хаоса. Он украдкой смотрел на Диму. Тот работал молча, сосредоточенно, но напряжение считывалось во всем — в сжатых челюстях, в слишком частом моргании, во взгляде, который никак не хотел надолго задерживаться на Колоколе.

«Его ждет невеста», — внезапно, с пронзительной ясностью, подумал Волков. Это была не абстракция. Это был живой человек, где-то там, наверху, в мире солнца и воздуха. И он, Волков, ведет ее жениха в самое пекло.

— Дима, — неожиданно для себя спросил он, отрывая взгляд от монитора с картой натяжения тросов. — Расскажи про свою Вику. Как она... выглядит?

Швецов на секунду замер, удивленный. Потом уголки его губ дрогнули в попытке улыбки, которая не получилась.

— Моя Вика? — Он потер подбородок, хитро прищурившись. — Ну, скажем так, она не модель. Она лучше. У нее есть... объем. Я это называю «стратегический запас нежности». Она у меня «в теле», как говорят. И я это обожаю. Есть за что подержаться, знаешь? Она такая настоящая. А смех у нее — это вообще отдельная песня. Звонкий, заразительный, весь дом на уши ставит. Хохочет над моими шутками, будто в первый раз слышит, хотя я уверен, что некоторые уже стали классикой нашего репертуара. Готовит... у-ух. Ее борщ — это не просто еда, это бронжилет для души. Пахнет от нее... нет, не Шанелью. Пахнет так, будто кто-то только что достал из духовки свежий пирог, и еще чистым бельем. Пахнет моей жизнью. Моим покоем. Моей изюминкой.

Он говорил, и Волков видел этот дом. Не картинку, а ощущение. Уют, тепло, свет в окне. Того, чего у его Вики уже почти не было. Того, ради чего он здесь. Образ, нарисованный Диманом, был таким живым, таким желанным, что на секунду перебил леденящий ужас бездны. Хотелось, чтобы этот парень вернулся. Чтобы он женился. Чтобы его Вика всегда так смеялась.

— Красивая, — хрипло сказал Волков. — Повезло вам обоим.

— Да... — Диман вздохнул, и его взгляд снова потянулся к иллюминатору, к черной громаде. Вся теплота мгновенно испарилась с его лица, сменившись знакомым напряжением. — Если, конечно, отсюда выберемся. А то ведь этот... этот колокол, он как будто слушает. Не нравится ему, что про дом тут вспоминаем. Не по нраву ему что-то живое, человеческое.

Он нервно провел рукой по лицу.

— Ладно, хватит бла-бла. Четвертый строп — на замок. Все точки закреплены. — Он откинулся на спинку, выглядя смертельно уставшим. Работа была сделана.

И в этот момент в наушниках раздался голос Антонова, лишенный всяких бархатных интонаций, натянутый до предела:

— «Рифт», «Вызов». Все стропы проверены. Начинаем подъем. Готовьтесь к рывку.

Голос прозвучал как приговор.

Волков кивнул Диману. Тот перевел «Рифт» в режим пассивного удержания, отключив двигателя. Теперь они были просто грузом, привязанным к Колоколу.

— Лебедки... работают, — донеслось с поверхности.

Сначала ничего не происходило. Потом тросы натянулись, издав низкий, угрожающий гул, передавшийся через корпус аппарата. «Рифт» качнуло.

И тогда Колокол сдвинулся.

Это не был резкий отрыв. Это было медленное, неохотное, почти живое движение. Казалось, дно не хочет отпускать свою часть. Раздался звук — глухой, гулкий, будто рвутся гигантские каменные связки, будто пласт земной коры вздыхает в муках. Из-под основания артефакта, там, где черный материал встал в ил, на секунду вырвался и погас слабый, больной свет — фиолетово-зеленый, как гнилой фосфор. Он осветил на мгновение то, что было под ним.

Полость. Черную, бездонную, уходящую в недра. Не просто яму, а шахту, туннель, пробуренный в самой плоти планеты. И оттуда, из этой открывшейся пасти, пахло. Не запахом в привычном понимании. Это было ощущение древности, чуждости, непроницаемого холода, старше самой жизни. Воздух в кабине «Рифта» словно сгустился, стал тяжелым и мертвым.

— Мать твою... — выдохнул Диман, вжимаясь в кресло. — Что мы откопали...

И в этот момент пришел гул.

Он начался не снаружи. Он родился внутри, в самой сердцевине костей, в зубах, в висках. Сначала — как далекая зубная боль, на которую не обращаешь внимания. Потом — как вибрация, идущая сквозь все тело, заставляющая дрожать внутренности. Он нарастал, заполняя собой все, вытесняя все другие звуки, все мысли.

На «Вызове» это было похоже на удар молота по корпусу. Оглушительный, низкочастотный удар, от которого задрожала стальная палуба, зазвенела посуда на камбузе, а люди инстинктивно схватились за уши. И тут же — кромешная тьма.

Аварийные системы сработали через секунду, залив коридоры и палубы кроваво-красным светом. Но основное освещение, все приборы, навигация, связь — все разом погасло, умерло в одно мгновение. Генераторы захлебнулись и замолчали, заглушенные всепроникающей вибрацией. По «Вызову» прокатилась волна физического недомогания — у людей закружилась голова, подкатила тошнота, у кого-то из носа хлынула кровь.

В рубке Антонов, едва удерживаясь на ногах от всепроникающей вибрации, рванул запасную аварийную рацию.

— «Рифт»! «Рифт», прием! Что происходит?!

В ответ — только вой помех, в котором, чудилось, проскальзывали обрывки слов, шепот, не принадлежащий ни одному из членов команды.

В кабине «Рифта» было еще хуже. Свет погас, оставив их в кромешной тьме, нарушаемой лишь тусклым свечением аварийных панелей, выбросивших на экраны бессмысленный хаос символов. Гул был здесь физической пыткой. Он вдавливался в череп, в кости, заставляя зубы стучать в такт какому-то немыслимому, сокрушающему ритму. Волков чувствовал, как его собственное сердце пытается вырваться из груди, подстраиваясь под этот адский метр.

— Выключи! Выключи его! — закричал Диман, но его крик был неслышным, поглощенным гулом. Он рывком потянулся к пульту, к главному выключателю, его лицо в красном свете было искажено животным ужасом.

— Нельзя! — Волков схватил его за запястье. Сила, с которой он это сделал, была нечеловеческой, рожденной отчаянием. — Отключим питание — потеряем управление! Мы разобьемся!

— Мы уже разбились! Ты не слышишь?! Он в нас! Он в голове! — Диман вырвался, словно его подбросило взрывной волной. Его глаза горели безумным огнем, в котором не осталось и следа от былой веселости. Только агония, чистая, животная боль и клокочущая ненависть. — Серебров... Сука! Это ты... Твои проклятые деньги... Все из-за тебя! Ааа! Вика... Вика... Я вляпался в дерьмо... из-за тебя... Твою мать...

Слова ударили сильнее, чем гул. Волков на мгновение остолбенел, и в эту секунду Диман рванул к пульту стропового управления, к аварийному сбросу.

— Отпустим его! Отпустим, и он отстанет!

Они сцепились в тесной кабине, освещаемой лишь вспышками искр из-под панели, где коротнуло что-то. Их борьба была тихой, немой, уродливой — два человека, бьющихся в металлической утробе на краю бездны. Диман, сильный от природы и взвинченный адреналином страха, оказался крепким противником. Он вцепился пальцами в горло Волкова.

— Предатель... Всех продал... «Курск»... нас...

В глазах потемнело. Но не от удушья. Перед Волковым проплыл образ. Не Диман. Друг. Молодой, в морской форме, каким он запомнил его в последний отпуск. Он смотрел на Михаила с немим укором, а потом его лицо начало растворяться, темнеть, превращаясь в бледное, синеватое лицо Вики. И шепот матери: *«Господи, помоги...»*

Этот шепот, ворвавшийся сквозь гул и панику, стал спасательным тросом. Собрав всю ярость, всю вину, всю отчаянную волю к жизни, Волков рванулся, сбросил Димана и ударил

его. Не кулаком. Коротко, жестко ребром ладони по шее. Техник ахнул и обмяк, сполз на пол кабины, хватая ртом воздух.

Волков, тяжело дыша, отполз к своему креслу, чувствуя, как по лицу течет что-то теплое — кровь из носа. Гул не стихал. Он заполнял все. И тогда... тогда Волкову начало казаться, что он слышит в нем голоса. Обрывки переговоров с «Вызова», искаженные, растянутые. Слово «погибли». Слово «тишина». Смех. Незнакомый, леденящий смех.

А еще ему показалось, что в абсолютной темноте за иллюминатором, в том месте, где должен был быть Колокол, что-то шевельнулось. Не объект целиком. Что-то на его поверхности. Как будто черная, маслянистая плоть колыхнулась, прислушиваясь к их агонии.

И в этот пик, когда разум уже готов был треснуть, как сапфировое стекло иллюминатора под давлением, — внешние мониторы «Рифта» вспыхнули.

Ненадолго. На долю секунды. Датчики, питаемые, видимо, аварийными конденсаторами, выплюнули на искаженные экраны последнюю картинку.

Это была картинка с нижнего гидролокатора.

Колокол, их Колокол, висел на тросах, подсвеченный его же собственным, больным фиолетово-зеленым свечением, пробивающимся теперь из многочисленных трещин в узорах. Но это было не главное.

Главное было под ним. Там, где была черная шахта.

Со дна, из той самой открытой полости, поднималось нечто. Огромное, не поддающееся определению. Это не был другой объект. Это было продолжение. Как будто оторвав верхнюю, «колокольную» часть, они потревожили нечто несравненно большее, вросшее в саму мантию. Контуры были смазаны, чудовищны, не подчинялись евклидовой геометрии. Это было похоже на гигантский, спящий корень, нервный узел планеты, тронутый неосторожным скальпелем.

Или на начало чего-то.

Мониторы погасли окончательно. Последняя искра, последний проблеск разума техники.

И тут гул... прекратился.

Он стих так же внезапно, как начался. Не затих, а выключился. Как рубильник.

В кабине «Рифта» воцарилась абсолютная, оглушительная тишина. Было слышно лишь прерывистое, хриплое дыхание Волкова и тихий стон Димана на полу. И еще один звук — назойливый, монотонный писк. Аварийный маяк. Он кричал в эфир из темноты, сообщая, что они здесь. Что они живы.

Что они в ловушке. С монстром на тросе. В мире, который только что сбросил с себя все знакомые законы, открыв им свою истинную, невыносимую суть.

Глава 7. Глубина.

В кабине «Рифта» гул медленно стихал, превращаясь из оглушительной вибрации в далекий, ноющий звон, который оставался где-то в костях, в зубах, в позвоночнике. Волков открыл глаза и не сразу понял, где находится. Красный аварийный свет. Металлический запах озона. Тело ломило, будто его пропустили через мясорубку.

Он повернул голову. Диман лежал на полу кабины, свернувшись калачиком, его дыхание было тяжелым, но ровным — жив. Жив. Волков перевел дух и заставил себя сесть прямо. Голова кружилась, перед глазами плыли пятна.

— Швецов, — позвал он хрипло. — Дима. Очнись.

Ответа не было. Волков потянулся к пульту. Основные экраны погасли, горели только аварийные — красные цифры, белый текст на черном. Глубина: 3420 метров. Натяжение тропов: в норме, но с большими скачками. Колокол висел на стропах, «Рифт» — рядом, привязанный к той же системе.

— «Вызов», «Рифт», — сказал он в гарнитуру. — Прием?

Тишина. Только шипение помех.

— «Вызов», я сказал, прием! — повторил он громче. Ничего.

Волков выругался сквозь зубы, провел ладонью по лицу — кровь из носа уже запеклась, тянула кожу. Он перевел взгляд на иллюминатор.

И замер.

Там, в нескольких метрах, висела черная стена. Колокол.

Теперь, без основного света прожекторов, артефакт казался не просто огромным — бесконечным. Он заполнял собой весь обзор, уходил вверх, вниз, в стороны, терялся в темноте, которая не была пустотой. Она была живой. Она дышала.

Света не было. Только то, что излучал сам Колокол — слабое, болезненное свечение, пробиравшееся из-под его поверхности, словно гной из-под кожи. Цвета нельзя было назвать. Фиолетово-зеленый? Нет. Что-то более древнее, более нечеловеческое. Свет, которого не должно существовать. От него болели глаза. От него хотелось отвернуться, но взгляд не слушался.

Волков смотрел.

Узоры на поверхности Колокола двигались.

Не текли — двигались. Медленно, лениво, как щупальца спящего существа, которое еще не проснулось, но уже чувствует добычу. Одни линии утолщались, другие истончались, третьи расплзались в стороны, складываясь в новые комбинации. Глаз отказывался их понимать. Они были сложнее любой известной математики, любого языка, любой логики.

Это было не искусство. Это была... запись. Манифест. Отпечаток чего-то, что существовало до того, как первый человек посмотрел на звезды.

И под этим свечением, под этими движущимися узорами Волков вдруг ощутил — кожей, затылком, позвонками — что Колокол на него смотрит.

Не глазами. У него не было глаз. Но направленный, тяжелый, осознанный взгляд, от которого холодеет внутри и перехватывает дыхание, — он был. Артефакт знал, что его поднимают. Знал, что рядом с ним — люди. И изучал их. Спокойно. Без спешки. Как хирург, который выбрал скальпель.

Волков понял это не умом. Телом. Животом. Тем самым древним инстинктом, который заставлял первых рыб выползать на сушу, спасаясь от тьмы глубин. Только сейчас бежать было некуда.

Они оторвали Колокол от дна.

Они потревожили то, что должно было спать.

И теперь...

Теперь оно смотрело на них.

Волков заставил себя отвернуться. Это стоило почти нечеловеческих усилий — разорвать контакт, отвести взгляд от этих шевелящихся узоров, от этого болезненного света. Ладони взмокли, сердце колотилось где-то в горле, и он понял, что боится. Не так, как боялся на «Курске» — там был враг, понятный, человеческий: холод, глубина, время. Здесь страх был другим. Первобытным. Животным. Страхом жертвы перед хищником, который старше самой идеи смерти.

— Работаем, — прошептал он одними губами, чтобы не слышать своего голоса.

Он потянулся к пульту и больше не смотрел в иллюминатор.

Но чувствовал взгляд спиной. Все время, пока отстреливал стропы, пока запускал двигатели, пока поднимал «Рифт» вверх. Колокол провожал его. И Волков знал — это не прощание.

Он начал отключать «Рифт» от системы подъема. Этого не было в протоколе, но сидеть на привязи, когда связь с поверхностью потеряна, — самоубийство. Если колокол начнет раскачиваться, «Рифт» раздавит как консервную банку.

Пальцы скользили по кнопкам. Замки стропов щелкали, освобождая аппарат. Один. Второй.

Сзади слышался стон.

— Голова... — прошептал Диман, садясь на полу и держась за затылок. — Что... что случилось?

— Ты напал на меня, — сказал Волков, не оборачиваясь. — Гул. Паника. Удар по шее. Извини.

— Я... — Диман моргнул, пытаясь сфокусировать взгляд. — Я помню. Колокол... он... он говорил, да?

— Помехи.

— Это не были помехи, Миша. — Голос техника звучал глухо, безжизненно. — Я слышал. Он сказал... «не поднимай». Или «оставь». Что-то такое.

Волков промолчал. Третий строп отстрелился. Четвертый.

— «Рифт» свободен, — сказал он. — Теперь мы просто наблюдатели. Всплываем.

— А колокол?

— Его тащат вверх. Мы идем следом.

Волков включил двигатели. Аппарат дрогнул, оторвался от строповой системы и начал медленный подъем. В иллюминаторе Колокол стал удаляться, но не исчезал — он тоже поднимался, висая на тросах как гигантская черная груша, пульсирующая больным светом.

— Куда мы его тащим? — спросил Диман, глядя на артефакт с ненавистью и страхом.

— Не знаю, — честно ответил Волков. — Но мы его уже подняли. Обратно не опустим.

Они замолчали. В кабине слышалось только гудение двигателей и прерывистое дыхание двоих мужчин, которые только что побывали в аду и пока не знали, что ад только начинается.

В рубке «Вызова» висела тишина. Не та, что бывает перед штормом, — напряженная, но живая. Эта была другой. Мертвой.

Антонов стоял перед главным пультом, вцепившись пальцами в столешницу. Его бархатный голос, еще час назад такой уверенный, теперь звучал чужим, механическим эхом. Он докладывал, потому что должен был докладывать. Потому что иначе пришлось бы признать: они потеряли контроль.

— Лебедки... работают. Натяжение в норме... Трос номер три... допустимый предел.

Серебров сидел в своем кресле в дальней части каюты. Его командный центр — темное дерево, матовый металл, приглушенный свет от огромного экрана — сейчас казался не кабинетом олигарха, а алтарем. Он не проронил ни слова с момента, как «Рифт» зафиксировал последний строп. Просто смотрел на экран, где ползли вверх цифры глубины и нагрузки. Его пальцы лежали на подлокотниках неподвижно, как у статуи.

Он не молился. Он ждал.

На палубе, внизу, матросы в касках следили за тросами, уходящими в черную воду. Казалось, сам океан замер. Волны били уже не так яростно — словно глубина, потревоженная людьми, затаила дыхание.

Антонов почувствовал это раньше других.

Просто стало... не так. Воздух в рубке сделался тяжелее. Не жарче, не влажнее — тяжелее. Каждое движение требовало усилий, каждый вдох будто пробивался через вату. Он поднял глаза на Сереброва — тот не изменил позы.

— Виктор Леонидович, — позвал Антонов тихо. — Вам не кажется... странным?

— Все идет по плану, — ответил Серебров, не глядя на него.

— По какому плану?

Серебров промолчал.

И в этот момент из динамиков, которые были выключены, раздался звук. Не шум. Не помехи. А низкий, едва уловимый гул — будто где-то в самом сердце судна запела струна. Слишком низко для человеческого уха. Но Антонов ее услышал. Кожей. Костями.

Он хотел спросить «вы это слышите?», но посмотрел на Сереброва и понял: тот не просто слышит. Он вслушивается. Как человек, который ждал этого звука всю жизнь.

На пульте моргнул экран связи. Один раз. Второй. И погас.

— Потеря сигнала, — сказал Антонов, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Выход на «Рифт»... отсутствует.

— Подожди, — тихо ответил Серебров.

Они ждали. Секунды тянулись как минуты.

Потом тросы дрогнули.

Не натянулись — дрогнули. Как живые. Как будто по ним, снизу, оттуда, где в крошечной тьме висел Колокол, прошел ток. Миллионы вольт, закованные в сталь. По корпусу «Вызова» прошла вибрация — короткая, резкая, похожая на озноб.

— Отрыв! — крикнул кто-то с палубы, и голос его сорвался на визг. — Объект... отошел от дна!

Лебедки взвыли. Не механическим гулом, а каким-то надрывным, тоскливым стоном, будто им причиняли боль.

Антонов перевел взгляд на Сереброва. Тот улыбался.

Не радостно. Не злорадно. А — удовлетворенно. Как человек, который только что получил доказательство того, во что верил годами, но не мог проверить. Его глаза в свете аварийных ламп казались двумя черными провалами.

— Вы знали? — спросил Антонов, и его голос дрогнул. — Вы знали, что это произойдет? Серебров медленно повернул голову.

— Я надеялся, — сказал он.

— На что?

— Что он проснется.

За окнами рубки, там, где было море, небо вдруг потемнело. Не из-за туч — тучи висели низко весь день. А из-за цвета. Вода сделалась черной. Абсолютно, непроглядно черной — такой, какой не бывает даже в полночь.

— Смотрите, — прошептал кто-то.

Антонов подошел к иллюминатору, хотя в рубке их не было — только экраны. Но он все равно посмотрел на монитор внешнего обзора.

Океан кипел.

Не от ветра. Не от течения. А от тысяч, десятков тысяч пузырьков газа, которые поднимались со дна, прорываясь сквозь воду, как будто сама планета выпускала воздух из легких. Это было красиво. И чудовищно.

— Он поднимается, — сказал Серебров, вставая с кресла. — Не просто Колокол. Он. То, что в нем спало.

— Что в нем? — Антонов обернулся.

— Ответ.

Свет погас.

Не мигнул, не моргнул — просто исчез. И основной, и аварийный. В рубке, где не было иллюминаторов, воцарилась абсолютная тьма — густая, вязкая, будто они не на судне, а на дне, в самом сердце того самого Колокола. Антонов не видел своих рук. Не видел пульта. Только слышал собственное дыхание — слишком громкое, слишком паническое.

— Спокойно, — голос Сереброва прозвучал из темноты. Он был ровным. Слишком ровным.

— Аварийные системы... почему не включились?

— Потому что он не хочет, — сказал Серебров.

— Кто — он?

Ответа не последовало.

Секунды растянулись в вечность. Антонов стоял, вцепившись в столешницу, и чувствовал, как по спине течет холодный пот. В темноте ему начало казаться, что в рубке кто-то есть. Не Серебров. Кто-то третий. Дышит за спиной. Смотрит. Ждет.

Когда резервные системы все-таки щелкнули и по углам зажглись кроваво-красные лампы, Антонов увидел, что они в рубке одни. Серебров стоял у окна — нет, у экрана — и смотрел на черную воду.

Но тень за его спиной была слишком длинной.

Слишком темной.

И у нее не было лица.

— Связь... — прохрипел Антонов, зажимая уши ладонями. Внутри черепа начинало гудеть. — Связь отключена.

— Она не нужна, — ответил Серебров. — Он уже здесь.

— Кто?

Гул нарастал. Из динамиков, из стен, из самого воздуха — низкочастотная вибрация, от которой кружилась голова и подступала тошнота. Антонов опустился на колени, его вырвало. Серебров даже не обернулся.

— Ты слышишь? — спросил он.

— Что?

— Он поет.

В наступившей тишине — странной, звенящей, какой не бывает в открытом море — Антонов услышал. Не голос. Не звук. А ощущение. Что-то древнее, огромное, спящее миллионы лет, открыло глаза.

И посмотрело на них.

— Первая кровь, — сказал Серебров, глядя в черную воду. — Скоро.

На палубе, далеко внизу, кто-то закричал. Не от боли — от ужаса. А потом застрекотал автомат.

Антонов сжался, закрывая голову руками.

Серебров стоял неподвижно. Он не боялся. Он ждал этого момента слишком долго.

— Добро пожаловать домой, — прошептал он в темноту.

И океан ответил.

«Рифт» шел первым.

Волков держал аппарат на безопасной дистанции, чуть выше и левее основного груза. Колокол висел на тросах метрах в тридцати ниже — черная громада, медленно поднимающаяся из тьмы. Без прожекторов он казался не столько объемным, сколько — плоским. Как дыра в пространстве, которую тащили наверх против ее воли.

С каждой сотней метров давление снаружи падало, и «Рифт» вел себя спокойнее. Перестал скрипеть. Перестал стонать. Но тишина в кабине была не легче, чем гул. Она давила по-другому — подкрадывалась, заставляя прислушиваться к каждому звуку: к шипению гидравлики, к щелчкам охлаждающейся электроники, к дыханию человека на полу.

Диман не двигался.

Он сидел, привалившись спиной к переборке, и смотрел в одну точку. Не на приборы. Не на иллюминатор. А куда-то в пустоту, где Волков не мог проследить его взгляд.

— Швецов, — позвал Волков.

Молчание.

— Дима. Ты как?

Техник медленно моргнул. Как кукла. Как человек, который слышит голос, но не может заставить себя ответить.

— Живой, — выдавил он наконец. Глухо. Без интонации.

Волков попытался улыбнуться. Не получилось. Тогда он решил пошутить — так, как они шутили на палубе, когда их мир еще не пошел трещинами.

— Слушай, а гонорар-то нам все равно заплатят? Или там, наверху, сейчас решат, что мы артефакт испортили?

Диман не улыбнулся. Даже уголки губ не дрогнули. Он продолжал смотреть в пустоту, и Волкову на секунду показалось, что техник его не слышит. Или слышит кого-то другого.

— Миш, — сказал вдруг Диман, и голос его был странно спокойным. — А он тяжелый.

— Кто?

— Колокол. Очень тяжелый. Я смотрел на натяжение. Оно скачет. То сорок тонн, то все шестьдесят. Будто он... пытается вырваться. Или его кто-то держит снизу.

Волков бросил взгляд на монитор нагрузки. Цифры плясали. 42... 45... 38... 51 тонна. Такого быть не должно. Груз не мог менять свой вес посреди подъема.

— Вода вытесняется неравномерно, — сказал он, сам не веря своим словам. — Полости. Воздушные карманы.

— Воздушные карманы на глубине три километра, — повторил Диман все тем же ровным, пустым голосом. — Конечно. А еще там, наверное, русалки с аквалангами.

Это было похоже на старую шутку механика. Но в ней не было веселья. Только горечь. Только страх, который так глубоко запрятали, что наружу выходит одна злость.

Волков не ответил.

В этот момент тросы дрогнули и остановились.

«Рифт» замер. Колокол замер. Время остановилось. Волков уставился на показания глубины — цифры застыли на отметке 2100 метров. Не падали. Не росли. Просто... стояли.

— Почему мы не идем? — спросил он.

— Не знаю, — ответил Диман, и в его голосе впервые за последние минуты промелькнуло что-то живое. Страх.

Они висели в толще воды. Ни вверх, ни вниз. Только чернота за иллюминатором и силуэт Колокола внизу — черный, пульсирующий больным светом.

— «Вызов», «Рифт»! — крикнул Волков в гарнитуру. — У нас заминка! Почему остановили подъем? Прием!

Тишина. Только шипение помех.

— Связи нет, — сказал он, отключаясь. — Они нас не слышат.

— Или не хотят, — добавил Диман.

Секунды растягивались. Волков смотрел на глубиномер, на нагрузку, на угол натяжения тросов. Ничего не менялось. Они висели в пустоте, привязанные к чудовищу.

И тогда Волков подумал о том, о чем боялся думать.

Колокол был огромен. Пятнадцать метров в высоту. Диаметр основания — пять. Он не влез бы на палубу «Вызова». Даже самый мощный кран не смог бы поднять его на борт. Как вообще планировали его транспортировать? Волков представил: черная громада болтается на тросах за кормой, в полводы, медленно буксируемая к ближайшему порту. Километровый путь через океан. Шторма. Течения. И этот... этот звук, который будет преследовать их всю дорогу.

А потом — суша. Портовые краны. Спецтехника, которой нет ни в одном документе. Сотни людей, которые увидят то, что не должны были видеть. Волков вдруг остро, почти физически ощутил всю чудовищную непродуманность этого плана. Они подняли то, что не могли поднять. И теперь не знали, что с этим делать.

— Смотри, — прошептал Диман, и в его голосе появилось что-то новое.

Волков обернулся. Техник смотрел не на приборы. Не на иллюминатор. Он смотрел на переборку — туда, где красный аварийный свет почти не проникал, оставляя густую, маслянистую тень.

— Там, — Диман поднял дрожащую руку. — Там кто-то есть.

— Никого там нет.

— Есть. Он... он стоит. В углу. Старый. Очень старый. Одежда... я такой не видел. Древняя. Как на старых иконах. Или на фресках.

Волков проследил за его взглядом. В углу было пусто. Только тень от гидравлической стойки. Только блик от мигающей лампы.

— Там никого, — повторил он, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Швецов, очнись. Это игра света. Или... последствия гула. Тебе показалось.

— Он на меня смотрит, — Диман говорил шепотом, но в этом шепоте было столько убежденности, что Волкову самому стало не по себе. — И рот открывает. Что-то говорит. Я не слышу, но... он ругается. Злится. Смотрит прямо на меня и ругается.

— Дима.

— Он показывает на Колокол. — Техник вдруг дернулся, будто его ударило током. — Он говорит... он говорит: «Верните». Верните его обратно. Пока не поздно.

Волков резко схватил Димана за плечо, развернул к себе, заставил смотреть в глаза. Техник вздрогнул, моргнул, и пелена в его взгляде на секунду рассеялась.

— Что я... — пробормотал он. — Что я только что сказал?

— Ничего, — соврал Волков. — Ты молчал. Устал. Скоро всплывем.

Диман медленно кивнул, отвел взгляд и снова уставился в пустоту. Но теперь Волков заметил — его губы шевелятся. Беззвучно. Как будто он продолжал разговор с тем, кого в кабине не было.

Волков отпустил его, повернулся к пульту и заставил себя смотреть только на приборы. Глубина. Натяжение. Дистанция до Колокола. Цифры. Только цифры. В них не было мистики. В них была работа.

Тросы дернулись снова. И «Рифт» продолжил подъем.

— Пошли, — сказал Волков. — Еще немного. Скоро будем наверху.

Но он больше не был в этом уверен.

ГЛАВА 8. ПЕРВАЯ КРОВЬ.

«Рифт» вынырнул из воды как утопленник, которого вытащили за волосы. Крышка люка отстрелила с глухим, мокрым хлопком, и Волков, хватая ртом воздух, вцепился в поручни трапа. Легкие горели. Глаза слезились от соли и ветра, который ударил в лицо, едва он высунул голову.

Серое небо. Серые волны. Серый день, который не поймешь - утро или уже вечер.

Он вылез на палубу, помогая себе локтями, перевалился через борт «Рифта» и упал на металлический настил. Тот был холодным, скользким от воды и еще чего-то - масла? крови? - он не стал проверять.

— Дима! — крикнул он, оборачиваясь. — Живо!

Швецов показался в люке через секунду. Лицо белое, как простыня, глаза бегают, губы шевелятся беззвучно. Он не полез - он вывалился наружу, ударился плечом о поручень, но удержался. Волков подхватил его под руку, поставил на ноги.

— Ты как?

— Голова... — прошептал Диман. — В ней... кто-то...

В этот момент палуба взорвалась криком.

Не одним - множеством. Голоса сливались в единый, нечленораздельный вой, в котором Волков с трудом различал слова.

Он резко обернулся, инстинктивно пригибаясь. Сердце ухнуло в пятки.

«Откуда?»

Люди бежали. С нижней палубы, из надстройки, из-за контейнеров - матросы, техники, двое в гражданском. Их лица были искажены ужасом. Волков насчитал с десятков, не меньше.

— Твою мать... — выдохнул он, не веря своим глазам. — Откуда они все взялись?

Еще секунду назад ему казалось, что «Вызов» - пустыня. За время подготовки он видел только своих: Белова, Анну, Димана, Орлова с парой молчаливых охранников да пару молчаливых техников, которые обслуживали лебедки. Серебров держал команду в строгом минимализме - без лишних глаз.

Но сейчас...

Сейчас мимо него, задевая плечом, пробежал мужчина в заляпанной маслом робе. Лицо красное, взгляд безумный.

— Не подходи! — заорал он, не глядя на Волкова. — Не подходи ко мне! Я слышу! Я все слышу!

— Куда вы все? — крикнул Волков ему вслед. — Стой!

Мужчина не остановился. Исчез за надстройкой.

Волков проводил его взглядом и вдруг понял.

«А он ведь действительно их раньше не видел».

Он прибыл на «Вызов» одним из последних. Сразу - каюта, брифинг, проверка оборудования, погружение. Он не обходил корабль. Не спускался в машинное отделение. Не заглядывал в кубрики нижней палубы. Ему дали Швецова, «Рифт» и задачу. Все остальное было за кадром.

Серебров нанял команду. Полноценную. Судовую. И эти люди все это время были здесь - внизу, в недрах судна, которое Волков даже не удосужился осмотреть.

— Он их спрятал, — пробормотал Волков, глядя на мечущуюся толпу. — Держал подальше от нас. Чтобы не мешали. А теперь...

Теперь, когда Колокол запел, они вырвались наружу. Как крысы с тонущего корабля. Только «Вызов» еще не тонул.

— Командир! — голос Димана вернул его в реальность. Техник, шатаясь, поднялся на ноги, вцепился ему в плечо. — Командир, там... там кто-то стреляет?

— Пока нет, — ответил Волков. — Но скоро начнут.

И тут Волков услышал.

Звон.

Не тот гул, что был на глубине - низкочастотный, давящий, рождающийся в костях. Другой. Высокий. Тонкий. Почти музыкальный. Он шел отовсюду - от воды, от металла палубы, от тросов, которые дрожали в такт невидимой вибрации. Колокол пел.

Волков поднял голову. Лебедки работали. Огромные барабаны вращались, стальные тросы уходили в воду, и оттуда, из глубины, поднималось это пение. Оно нарастало с каждой секундой, ввинчивалось в уши, заставляло зубы ныть, а виски - пульсировать.

— Остановите! — крикнул он механику у пульта лебедок. — Остановите подъем!

Тот посмотрел на него мутным, невидящим взглядом, помотал головой и отвернулся.

— Нельзя, — прошептал он. — Он не велит.

— Кто?

— Колокол.

Волков рванул к пульту сам. Руки дрожали, пальцы скользили по рычагам. Красные лампы, зеленые кнопки, цифры, прыгающие перед глазами. Глубина - 800 метров. 700. 600. Колокол шел вверх. Слишком быстро. Слишком настойчиво. Как будто не его тащили - а он сам рвался на поверхность.

— Вырубай! — Волков нажал на аварийный стоп.

Лебедки взвыли, дернулись и замерли. Тросы обвисли. И в ту же секунду звон стих.

Не затих - оборвался. Как будто кто-то перерезал струну.

В наступившей тишине было слышно только всхлипы и рыдания перепуганных людей, тяжелое дыхание Волкова и тихий, бессвязный шепот Димана, стоящего на коленях посреди палубы.

— Остановил, — выдохнул Волков. — Пока... успел.

— Он все равно поднимется, — сказал Диман, не открывая глаз. — Он уже здесь.

Из надстройки выбежали люди. Двое в черном - охрана Сереброва. Волков заметил это сразу: черная форма без опознавательных знаков, короткоствольные автоматы, наушники-«таблетки» в ушах. Профессионалы. Серебров не экономил на безопасности.

«Наушники, — подумал Волков. — Только бы они спасли от того, что там, внизу.»

— Не подходи!

Крик донесся с трапа - один из техников, тот самый, в заляпанной маслом робе, пятился к леерам, выставив перед собой дрожащие руки.

— Не подходи ко мне! Я слышу! Я все слышу!

— Я сказал — стоять! — рявкнул первый охранник, широкоплечий, с бычьей шеей. — Всем на палубу! Лежать! Мордой вниз! Руки за голову!

Техник не слушал. Он продолжал пятиться, пока не уперся спиной в ограждение. Глаза безумные, рот открыт. На губах - белая пена.

— Он в стенах! Они говорят!

Второй охранник, помоложе, с дробовиком наперевес, двинулся к нему. Без спешки. Без крика. Просто шаг за шагом сокращал дистанцию.

— На палубу, — повторил он. — Живо.

Техник дернулся. Рванул в сторону. Споткнулся о трос, упал, вскочил - и побежал. Дробовик щелкнул, но стрелять не стал. Охранник лишь сплюнул и вернулся к периметру.

— Всем лежать! — снова заорал первый. — Мордой вниз! Выполнять!

Люди падали на колени, на животы, на спины. Кто-то плакал, кто-то шептал, кто-то бился головой о стальную настил. Молодой мужчина, почти мальчишка в робе сидел, обхватив колени, и раскачивалась вперед-назад, издавая глухой, монотонный стон.

— Мамочка... мамочка...

— Заткните его! — бросил широкоплечий.

Никто не шевельнулся.

Волков стоял у пульта лебедок, вцепившись в рычаги. Диман — за спиной, полуживой, но на ногах. Охрана контролировала палубу, но не его. Пока.

— Докладывай, — раздался голос.

Холодный. Спокойный. Серебров вышел из надстройки, и палуба будто замерла. Не потому, что он кричал. Он не кричал. Он просто появился - и все почувствовали это. Силу. Деньги. Власть, которая не задает вопросов, потому что привыкла получать ответы.

За ним, семена, как верный пес, выбежал Белов. Профессор выглядел хуже, чем несколько часов назад - растрепанный, бледный, с лихорадочным блеском в глазах, от которого Волкову стало не по себе. Старик бормотал что-то под нос - обрывки фраз, цифры, имена.

— ...Атланты... записи Платона... соотношение воды и суши... не учли... никто не учел...

— Тихо, Лев Николаевич, — бросил Серебров не оборачиваясь.

Белов замолчал, но губы его продолжали шевелиться.

Серебров подошел к пулту. Посмотрел на Волкова. В упор. Холодно.

— Почему остановлены лебедки?

Волков сглотнул. Он готовился к этому вопросу, но сейчас, под этим взглядом, все слова рассыпались.

— Люди, — сказал он. — Сходят с ума. Еще минута — и они бы перебили друг друга. Нужно время... привести их в себя.

— Время, — повторил Серебров. — У нас его нет.

— Если мы продолжим подъем сейчас...

— Ты не понял, капитан. — Серебров шагнул вперед. — Я не обсуждаю. Я приказываю. Отойди от пульта.

— Нет.

Коротко. Резко. Волков сам не ожидал от себя этого слова. Но отступить было некуда.

— Колокол нельзя поднимать. Не сейчас. Вы не видели, что там, внизу. Вы не слышали...

Пуля щелкнула у виска.

Волков даже не понял, что произошло - только почувствовал, как воздух обжег щеку, а в уши ударил свист. Он замер. Рядом, в десяти сантиметрах от головы, зияло свежее отверстие в коже пульта.

— Я плохо расслышал, — сказал Серебров.

За его спиной стоял охранник с короткоствольным автоматом. Волков не видел, как он поднял оружие. Не слышал шагов. Они просто были там - и стреляли. Без предупреждения.

— Отойди, — повторил Серебров. — Следующая пуля попадет в голову.

Волков медленно разжал пальцы. Рычаги лебедок остались в нейтральном положении. Он сделал шаг назад. Второй.

— Он прав! — Голос Белова прозвучал неожиданно громко, даже визгливо. Профессор выскочил вперед, размахивая руками, его глаза горели тем самым безумным огнем. — Виктор Леонидович, вы не понимаете! Мы не учли данные! Спектральный анализ аномалий... ритмическая структура... она не случайна!

Серебров медленно повернул голову.

— Я слушаю, Лев Николаевич.

— Колокол не просто артефакт! — Белов говорил быстро, захлебываясь словами. — Это... это система! Она поддерживает равновесие! Мы нарушили его, когда сдвинули Колокол! Пульсация... я перепроверил записи... она совпадает с точностью до тысячных. А эти керны охватывают период в...

Белов запнулся, сглотнул.

— ...в тысячу двести лет. Мы можем проследить аномалии как минимум до IX века. Каролинги, Виктор Леонидович! Викинги! Но это только верхний слой. По геохимическим следам в осадочных породах, по изотопным аномалиям, по характеру намагниченности... я могу экстраполировать гораздо дальше.

Он замолчал, сглотнул. Пальцы его дрожали.

— На тридцать тысяч лет, Виктор Леонидович. Минимум. А с учетом скорости седиментации в этом районе... возможно, все сто.

— Сто тысяч лет? — Серебров приподнял бровь. В его голосе впервые проскользнуло нечто, похожее на сомнение.

— Больше, — Белов посмотрел ему прямо в глаза. — Этот ритм... он не совпадает ни с одним известным геологическим циклом. Он искусственный. Он задан. И он повторяется с пугающей точностью на протяжении десятков тысячелетий.

Он поднял на Сереброва безумные, блестящие глаза.

— Десятки тысяч лет, Виктор Леонидович. Эта штука сидит на дне и пульсирует. А мы ее сдвинули. И теперь ритм сбился. Он учащается.

— К чему ты клонишь?

— Атланты! — выпалил Белов. — Не миф! Не легенда! Они существовали! Платон писал о них — девять тысяч лет до его времени. Одиннадцать с половиной тысяч лет назад, Виктор Леонидович! А по моим данным, Колокол может быть старше в разы. Он не сдерживал Атлантиду. Он — причина ее гибели. Или — что страшнее — он существовал до нее.

Он схватил Сереброва за рукав.

— Если мы не вернем Колокол...

— Что?

— Он проснется. Тот, кого запечатали эти... кто бы они ни были. И тогда будет поздно.

Серебров молчал. Секунды растянулись в вечность. Волков видел, как работает лицо олигарха - скептицизм, раздражение, но где-то глубоко, в уголках глаз, что-то еще. Сомнение.

— Лев Николаевич, — сказал Серебров тихо, — вы утверждаете, что этот... артефакт... старше человеческой цивилизации?

— Я утверждаю, что он старше *известной* человеческой цивилизации, — ответил Белов, не отводя взгляда. — И что мы не имеем права продолжать подъем, не поняв, что мы выпускаем.

Серебров медленно кивнул. Посмотрел на воду. На тросы, уходящие в черную глубину. На палубу, где люди все еще лежали, всхлипывая и бормоча.

— Два часа, — сказал он. — Ровно два часа. Проведите замеры. Успокойте людей. Но через два часа лебедки пойдут. Слышите? Ровно через два часа.

— Этого может не хватить, — начал Белов.

— Вам дали два часа, профессор. — В голосе Сереброва снова зазвучал лед. — Используйте их с умом.

Он развернулся и пошел к надстройке. Охрана - за ним. Белов, семена, потрусил следом, на ходу разворачивая планшет с какими-то графиками и что-то бормоча про «критическую частоту» и «точку невозврата».

Волков остался у пульта лебедок. Диман, шатаясь, подошел и встал рядом.

— Два часа, — повторил техник. — А потом?

— А потом, — Волков посмотрел на черную воду, где на глубине ждал Колокол, — потом он решит, проснулся он или нет.

— А если да?

Волков не ответил.

Волков нашел Белова в его каюте. Дверь была приоткрыта, и оттуда доносилось бормотание - быстрое, нервное, с частыми паузами, как будто профессор спорил сам с собой.

— Лев Николаевич, — Волков вошел без стука. — Нужно поговорить.

Каюта напоминала поле боя. Бумаги разбросаны по столу, по койке, на полу. Карты испещрены красными и синими пометками. На экране ноутбука - спектрограммы, графики, какие-то длинные ряды цифр. Посреди этого хаоса стоял Белов - растрепанный, бледный, с лихорадочным блеском в глазах.

— А, капитан! — он повернулся к Волкову, и в его голосе слышалось что-то похожее на облегчение. — Заходите, заходите. Вы вовремя. Я как раз... я хочу вам кое-что показать.

— Швецов ушел в машинное отделение, — сказал Волков, закрывая за собой дверь. — Сказал, что ему нужно проверить генераторы. Но я думаю... он просто хочет побыть один.

— Понимаю, — Белов кивнул, не слушая. — У каждого свой способ справляться со страхом. Наш механик лезет в железки. Я — в архивы. А вы, капитан? Вы что делаете, когда страх приходит?

— Работаю.

— Вот именно! — Белов поднял палец. — Работа. Дело. Действие. Это единственное, что спасает. Поэтому садитесь и слушайте.

Он подошел к столу, сгреб ворох бумаг, открыл ноутбук.

— Я проверил данные. Те самые, о которых говорил Сереброву. И знаете что? Все сходится.

— Что именно?

— Ритм, — Белов развернул экран. — Частота пульсаций Колокола. Она не случайна. Она повторяет... смотрите.

Он вывел на экран три графика, наложенных друг на друга. Верхний - рваная, скачущая линия. Средний - плавная синусоида. Нижний - пунктир, почти прямой.

— Это показания наших датчиков, — Белов ткнул в верхний график. — Это данные палеомагнитного анализа кернов — я их оцифровал, растянул по времени. А это... — он указал на пунктир, — это расчетная кривая. Гипотетическая. Идеальный ритм.

— И?

— Они совпадают, капитан. — Белов посмотрел на Волкова. — С точностью до тысяч. На протяжении десятков тысяч лет. Это не может быть случайностью. Кто-то или что-то задало этот ритм. И поддерживало его все это время.

— Колокол?

— Колокол — только часть. Инструмент. Клавиша. А орган... орган гораздо больше.

Белов замолчал, подошел к полке, снял с нее потрепанную книгу в кожаном переплете. Открыл, пролистал, нашел нужную страницу.

— Вы слышали о «Колоколе Святого Патрика»? — спросил он, не поднимая глаз.

— Нет.

— И о «Колоколе Ямантау»? О «Колоколе из Туюк-Су»? — Волков молчал. Белов вздохнул. — Их мало кто слышал. Они не входят в школьные учебники. Но легенды о них существуют. Тысячи лет. На всех континентах.

Он сел напротив Волкова, положил книгу на колени.

— В Ирландии, в христианских хрониках, есть упоминание о колоколе, который звонил сам собой перед тем, как святые изгоняли демонов. Его называли «Голосом за гранью». Считалось, что слышащие его либо сходят с ума, либо становятся пророками.

— Легенды, — сказал Волков.

— Легенды, основанные на реальных событиях, — парировал Белов. — Монгольские степи, гора Туюк-Су. Там до сих пор говорят о колоколе, который находится под землей. Местные шаманы утверждают, что он запечатывает вход в мир мертвых. И каждые несколько лет - когда ритм учащается - он бьет один раз. Всего один. И в этот день кто-то из старейшин умирает.

— Совпадения.

— А это? — Белов перелистнул страницу. — Китай, провинция Хунань. В одном из даосских монастырей веками хранилась легенда о «Черном колоколе», который спит под водой. Когда он просыпается, реки меняют течение. В XI веке, говорят, он проснулся - и Хуанхэ действительно изменила русло. Тысячи людей погибли. Но никто не связал эти события. Потому что никто не знал о колоколе.

Волков молчал. В историях Белова было что-то знакомое. Тот же холод, что и при взгляде на Колокол. Та же древняя, нечеловеческая логика.

— И что вы предлагаете? — спросил он.

— Понять, — Белов закрыл книгу. — Понять, что мы разбудили. У нас есть два часа.

— Или два часа нет.

Белов посмотрел на часы.

— Два часа, капитан. Я проверял лебедки. Они заблокированы...

Слова профессора прервал звук.

Низкий. Тягучий. Гул.

Он шел не из динамиков. Не из стен. Он шел отовсюду. Из металла переборок, из воздуха, из самого пола под ногами.

— Нет, — прошептал Белов. — Нет, не может быть...

Волков рванул к двери, распахнул ее, выскочил в коридор. Гул усилился. В нем, кажется, снова проступали слова - неразборчивые, чужие, древние.

Он почти бегом добрался до трапа, ведущего на палубу, и замер.

Лебедки работали.

Огромные барабаны вращались. Тросы дрожали, стряхивая воду. Красные лампы на пульте мигали, показывая глубоководный подъем. Рядом с пультом никого не было. Вообще никого.

— Отставить! — заорал Волков, бросаясь к рычагам. — Кто запустил? Кто?

Его никто не слышал. Или не хотел слышать.

Он вцепился в рычаги, потянул на себя. Ничего. Лебедки не реагировали. Они шли - сами.

— Дима! — Волков дернул рацию. — Швецов, мать твою! Ты видишь?

— Вижу... — голос техника был чужим, далеким. — Лебедки... они запущены с мостика.

По аварийному протоколу.

— Кем?

— Не знаю. Там нет никого. Вообще никого.

Гул нарастал. Волков поднял голову.

Колокол шел наверх. На этот раз - неудержимо.

ГЛАВА 9. КАРАНТИН.

Лебедки выли. Не гудели - выли, как раненые звери, которых заживо перемалывает мясорубка. Гул нарастал, ввинчивался в череп, заставлял зубы ныть, а виски пульсировать так, будто кто-то пытался просверлить дыру прямо между глаз.

Волков стоял у пульта, вцепившись в рычаги. Металл под ладонями дрожал - не мелкой вибрацией, а крупной, судорожной дрожью, как мышцы загнанной лошади. Рычаги не поддавались. Они были заперты намертво.

— Отключи питание! — заорал он в рацию.

— Не могу! — голос Димана был чужим, искаженным помехами или страхом — Волков не мог разобрать. — Аварийный протокол он заблокирован с мостика!

— С мостика?

— Там никого, командир. Вообще никого. Я проверил по камерам. Пусто. Но индикаторы горят. Кто-то или что-то запустило подъем.

Волков выругался. Рванул к трапу, перепрыгивая через ступени. Коридор второго уровня встретил его красным светом аварийных ламп - густым, маслянистым, как свернутая кровь. И шепотом.

вернись

останься

ты уже здесь

Шепот шел не из динамиков. Не из стен. Из головы. Из самого позвоночника.

Волков зажмурился, тряхнул головой, заставил себя не слушать. Пробежал мимо двери Белова - за ней было тихо, профессор, наверное, уже уткнулся в свои графики. Мимо лазарета - там горел свет, слышались голоса, но не крики, а тихие, больные стоны.

Дверь в каюту Сереброва была закрыта. Волков ударил в нее кулаком, потом еще раз, уже ногой.

— Открывайте! Лебедки вышли из-под контроля! Колокол идет наверх!

Замок щелкнул. Дверь приоткрылась. На пороге стоял Антонов - бледный, с запекшейся коркой крови в ноздрах, но спокойный. Слишком спокойный. Как человек, который уже видел худшее и знает, что худшее еще впереди.

— Входите, капитан. Виктор Леонидович ждет.

Кабина Сереброва превратилась в командный пункт. На столе - развернутая карта с концентрическими кругами. На экране - данные о глубине, нагрузке, угле натяжения тросов. Цифры скакали так, будто с ними бились в конвульсиях.

Сам олигарх сидел в кресле, вцепившись в подлокотники. Его лицо было серым, под глазами залегли черные тени - за несколько часов он постарел на десять лет. Но глаза остались холодными. В них не было страха. Был расчет.

— Колокол не влезет на палубу, — сказал Волков, глядя ему прямо в глаза. — Вы это знаете. Я вам говорил еще до погружения. Пятнадцать метров в высоту, пять в диаметре. Вес — не сорок тонн, как вы обещали, а все шестьдесят. А может, и все восемьдесят. Он перевернет судно.

Серебров молчал.

— Два часа, капитан, — наконец произнес он. Голос был хриплым, как будто он долго кричал или пил соленую воду. — Я дал вам два часа. Это был мой предел.

— Лебедки запустились сами. Кто-то активировал аварийный подъем с мостика.

— Кто?

— Я не знаю.

— Вы не знаете? — Серебров приподнял бровь. — Вы отвечаете за операцию, капитан. А вы не знаете, кто управляет вашими механизмами.

— Сейчас не до выяснений. Нужно опустить Колокол, пока не поздно.

В этот момент «Вызов» качнуло. Не плавно, как на волне, - резко, с металлическим стоном, от которого зазвенела посуда на столе и заскрежетали переборки. Антонов схватился за столешницу. Сереброва бросило на подлокотник, он едва удержался.

— Что это? — спросил он, и в его голосе наконец-то проскользнуло что-то живое.

Антонов уже был у прибора, отслеживающего крен. Цифры прыгали как бешеные.

— Виктор Леонидович, судно накренилось на двенадцать градусов. Колокол он на глубине сто двадцать метров. Его масса смещает центр тяжести. Если подъем продолжится

— Что?

— Мы перевернемся. Через двадцать минут, если не раньше.

Серебров посмотрел на Волкова. В глазах - холодный расчет и что-то еще. Страх? Нет. Злость на то, что мир не подчиняется его воле.

— Вы можете опустить его?

— Лебедки заблокированы, — повторил Волков. — Но я попробую.

Он выскочил из каюты и бросился к трапу. Гул нарастал - теперь это был не просто звук, а физическое давление, как перед приступом мигрени, когда кажется, что глаза сейчас выпадут из орбит.

Диман уже был на палубе. Стоял у пульта, вцепившись в рычаги так, что побелели костяшки. Его лицо, освещенное красными лампочками и багровым отблеском от воды, было искажено - не страхом даже, а чем-то более древним.

— Не идут, — прохрипел он. — Не идут, командир. Я пробовал все. Аварийный сброс. Прямое отключение питания. Они просто не слушаются.

Волков отодвинул его, сам вцепился в рычаги. Металл под пальцами был горячим - лебедки работали на пределе. Он потянул на себя, потом нажал кнопку аварийного торможения. Тросы дернулись, но не остановились.

— Почему? — спросил он, не веря своим глазам.

— Я же говорю! — Диман почти кричал, и в его голосе Волков услышал то, чего не слышал никогда. Не панику. Отчаяние. — Это он! Колокол! Он сам себя тащит! Не хочет возвращаться!

Диман посмотрел на тросы. Они вибрировали - не от натяжения, а как живые. Как будто по ним, снизу, оттуда, где в черной воде пульсировал древний артефакт, шел не ток - что-то другое. То, от чего кости начинают зудеть, а мозг плавиться.

— Тогда надо ломать, — сказал Волков.

— Что? — Диман не понял.

— Лебедки. Если не можем остановить — ломаем.

В этот момент снизу, из глубины, донесся удар.

Не гул. Не вибрация. Удар. Металлический, тяжелый, как будто кто-то огромный и очень старый ударил кувалдой по колоколу. От этого звука заныли зубы, заложило уши, а в груди - там, где сердце - что-то екнуло.

БУМ.

Звук шел через воду, через корпус, через палубу, через подошвы ботинок. Волков почувствовал его позвоночником. И через секунду - снова.

БУМ.

Колокол не просто поднимался. Он звонил. Медленно, тяжело, неумолимо. Било внутри черной громады раскачивалось и ударяло в стенки, и каждый удар отдавался в костях, в зубах, в глазах.

— Вырубай питание! — заорал Волков, перекрывая звон.

Диман рванул к рубильнику. Тот не поддавался.

— Заклинило! — крикнул он, дергая снова и снова. — Блокировка!

Механизм, защищающий лебедки от аварийного отключения, сработал на полную мощность. Кто-то - или что-то - сделал все, чтобы подъем нельзя было остановить.

БУМ.

Волков посмотрел на океан. Вода у борта кипела. Не от температуры - от вибрации. Пузырьки газа поднимались со дна, тысячи, десятки тысяч пузырьков, и в каждом, казалось, отражался багровый свет.

Колокол был уже близко. Волков видел его силуэт под водой - черное пятно, которое росло с каждой секундой.

— Режь кабели! — заорал он. — Питание лебедок! Руби!

Диман заметался по палубе, нашел топор - тот самый, что висел у пожарного щита. Схватил, размахнулся.

БУМ.

Удар топора пришелся по толстому кабелю, идущему к пульту. Изоляция хрустнула, но кабель не перерубился. Диман ударил еще раз. Еще. Медь брызнула искрами, запахло горелой изоляцией. Но лебедки продолжали работать.

БУМ. БУМ.

Звон учащался. Удары била следовали один за другим, и в этом звоне Волкову начало чудиться что-то осмысленное. Не просто звук - послание.

поднимите

меня

я иду к вам

Диман бросил топор, подбежал к лебедке, залез внутрь механизма. Ударил разводным ключом по предохранительному клапану - хлопок, масло брызнуло вверх, окатило его с ног до головы. Ударил еще раз - по гидравлическому распределителю.

БУМ!

Металл заскрежетал. Что-то хрустнуло, и один из тросов обвис. Лебедка взвыла - не так, как раньше, а по-другому. Надрывно, как животное, которому перебили позвоночник. Барабан замедлил вращение, дернулся, замер.

И звон стих.

Не сразу. Последний удар - длинный, тягучий, как стон - прокатился по воде, по палубе, по грудным клеткам людей, замер где-то за горизонтом.

Тишина.

Волков стоял, вцепившись в поручни. Внутри все дрожало. Не от холода - от того, что он только что слышал.

Диман вылез из механизма. Весь в масле, в мелких порезах. Смотрел на Волкова глазами, в которых не было ничего.

— Остановил, — сказал он. — Мы не должны были его трогать. Никогда.

Он бросил ключ на палубу - тот звякнул, прокатился по металлу и замер у леерного ограждения. Развернулся и пошел к трапу, не оглядываясь. Спина прямая, шаги тяжелые. Человек, который только что убил надежду. Или спас жизнь.

Волков остался у пульта. Кровь из разбитых механизмов - чья кровь? масло? - капала на металл, собиралась в маленькие лужицы, отражала красный свет аварийных ламп. Колокол замер на стометровой глубине. Слишком близко. Но уже не смертельно.

«Вызов» медленно выпрямился. Пятнадцать градусов крена. Десять. Пять. Ноль.

В каюту Сереброва Волков вернулся не через десять минут - через пятнадцать. Он не бежал. Он шел медленно, чувствуя, как гудят мышцы, как ноет руки.

Олигарх стоял у иллюминатора, глядя на черную воду. Антонов сидел за столом, закрыв лицо руками. Охрана замерла по углам, как статуи. Никто не проронил ни слова.

— Лебедки сломаны, — сказал Волков. Голос сел, звучал хрипло, чужим. — Подъем невозможен.

Серебров медленно повернулся. Его лицо было спокойным - слишком спокойным для человека, который только что потерял артефакт своей мечты.

— Я видел, — ответил он. — Ваш механик он заплатит за это.

— Он спас судно, — сказал Волков. — И вас. И всех нас.

— У вас есть два часа, капитан, чтобы починить лебедки.

— Нет, — Волков шагнул вперед. — Не починю. Мы не будем его поднимать. Мы даже не можем оставить его на этой глубине.

Серебров замер. Впервые за весь разговор его холодное лицо дрогнуло.

— Объясни.

Волков обернулся к Антонову. Тот все еще стоял у приборов, вцепившись в столешницу. Бледный, с запекшейся кровью в ноздрах, но глаза - живые, считают, анализируют.

— Григорий, — сказал Волков. — Цифры.

Антонов перевел взгляд на Сереброва. Помедлил секунду, потом заговорил - тихо, ровно, как докладывают на совещаниях, когда правда хуже любого прогноза.

— Колокол на глубине сто метров. Его масса, даже с учетом выталкивающей силы воды, — не менее пятидесяти тонн. Судно зависло над ним, как на якорь. Но это не якорь, Виктор Леонидович. Это груз, который тянет нас вниз.

— Осадка увеличилась? — спросил Серебров.

— На метр, — Антонов кивнул. — Дифференциал на корму — три градуса. Это не критично, но — он запнулся, подбирая слова, — это расход топлива. Устойчивость. Если мы попробуем двинуться с места, динамические нагрузки на корпус возрастут в разы. Колокол начнет раскачиваться под днищем, как маятник. И тогда

— Что? — голос Сереброва стал тише.

— Он пробьет киль.

В каюте повисла тишина. Даже охрана, застывшая по углам, замерла - не дышала.

— На какой глубине он не будет угрожать судну? — спросил Серебров.

— На дне, — ответил Волков. — Только на дне. А это четыре километра. Наши лебедки не рассчитаны на такую глубину. Тросы - тем более.

— Буксировка? — Серебров перевел взгляд на Антонова. — Можем мы дотащить его до порта?

Антонов покачал головой.

— Нет. Трасса не исследована. Перепады глубин, подводные скалы, течения. Колокол будет зарываться в грунт, рвать тросы, менять центр тяжести судна. Шторм - и мы потеряем и артефакт, и «Вызов».

— Тогда — другое судно Сереброва спросил, и в его голосе впервые прозвучало нетерпение.

— Нужен специализированный плавучий кран, — сказал Антонов. — Грузоподъемностью не менее ста тонн. Ближайший такой - в Мурманске. Четверо суток хода, если погода позволит. — Он помолчал. — А у нас нет четырех суток.

— Почему?

— Люди, — сказал Волков. — Вы видели, что происходит. Голоса. Тени. — Он закатал рукава. — Это не пройдет. Это только начинается. И если мы не вернем Колокол на место - на самое дно, в ту самую яму, откуда его подняли, — мы все здесь умрем. Не утонем. Умрем. Медленно. Страшно.

Серебров смотрел на его руки. На порезы, на масло, на усталость. Молчал. Потом усмехнулся - невесело, с горечью.

— Люди напуганы, капитан. Напуганные люди слышат голоса, видят тени, придумывают болезни. Массовый психоз. Доктор Зайцева подтвердит.

— А если нет? — спросил Волков.

— Если нет — значит, они симулируют. Чтобы не работать. Чтобы списать стресс. Люди - стадные животные, капитан. Зараженные чужим страхом.

— А Белов? — Волков прищурился. — Белов не симулирует. Он стар, у него сердце. Он не притворяется.

Серебров помолчал. Посмотрел в сторону, на иллюминатор.

— У каждого своя работа, капитан. Белов - ученый. Его работа - бояться. На то он и ученый. — Он повернулся к Волкову. — Вы предлагаете бросить артефакт. Бросить все. Деньги. Экспедицию. Ваш гонорар. — Его голос стал тише. — Вашу сестру.

Волков выдержал его взгляд.

— Я предлагаю нам выжить. А потом, если сможем, вернуться сюда с нормальным оборудованием, нормальными людьми и нормальной защитой. Или не возвращаться. И молиться, чтобы то, что мы разбудили, заснуло снова.

Серебров отвернулся к иллюминатору. За стеклом - черная вода. Где-то там, внизу, на стометровой глубине, висел Колокол. Пусть и не угрожал судну напрямую, но его масса все равно давила на корпус — не физически, а иначе. Как предчувствие.

— Мне нужно подумать, — сказал он тихо. — Идите. Оба.

Антонов и Волков переглянулись. Вышли.

В коридоре, за закрывшейся дверью каюты, Волков прислонился к переборке, закрыл глаза. Шепот вернулся — сразу, как только он остался один.

вернись

останься

ты уже не уйдешь

— Он не остановится, — сказал Антонов. — Серебров. Он не бросит артефакт. Это его жизнь.

— Тогда мы все умрем, — ответил Волков, не открывая глаз.

Он пошел к трапу. Надо было найти Белова. Надо было понять, что происходит с людьми. И надо было придумать, как уговорить Сереброва отпустить Колокол, пока не поздно.

Он не знал, что поздно уже было.

Рука чесалась. Волков машинально потер запястье, взглянул мельком - и не придал значения. Маленькое коричневатое пятнышко, чуть больше родинки. Натер, наверное, гидрокостюмом. Или укусил кто-то.

Он спустился по трапу, не замечая, как под пальцами, сквозь тонкую перчатку, чешется кожа. Не замечая, как пятнышко пульсирует - слабо, едва заметно, в ритм сердцу.

Или — чему-то другому.

Каюта, которую Волков делил с Беловым, превратилась в склад безумия.

Профессор занял все - стол, койку, пол, даже маленькую полку над раковиной. Распечатки графиков висели на стенах, приклеенные скотчем. Карты испещрены стрелками и датами. На койке - раскрытые книги в кожаных переплетах: «Мифы народов мира», «Атлантида: за и против», какой-то дореволюционный справочник по нечистой силе.

— Капитан! — Белов поднял голову от ноутбука. Его лицо было еще более изможденным, чем утром. Под глазами - черные круги. Губы потрескались. — Вы должны это видеть.

— Что?

— Спектрограмма последних десяти часов. Смотрите!

Он развернул экран. Волков увидел график - нарастающую волну с острыми пиками.

— Частота выросла в три раза, — Белов ткнул пальцем в экран. — Это не случайно. Колокол не просто пульсирует — он посылает сигналы. Структурированные. Осмысленные.

— Вы хотите сказать, что он с нами говорит?

— Не с нами. В себя. Он настраивается. Готовится. К чему-то, что скоро произойдет.

Волков молчал. Его рука чесалась - там, где вчера ничего не было. Он потер запястье, потом посмотрел на него мельком.

Пятно.

Маленькое, темное, на изгибе руки. Не синяк — цвет другой. Коричневатый, ржавый.

— А вы? — спросил он Белова. — У вас есть такие?

Профессор замер, потом медленно закатал рукав. На предплечье, чуть выше кисти, расплзалось точно такое же пятно, больше, чем у Волкова. Кожа вокруг него выглядела сухой, потрескавшейся.

— Когда появилось? — спросил Волков.

— Утром. Я не заметил. А потом стало чесаться.

— Что вы об этом думаете?

— Не знаю. — Белов опустил рукав. — Но боюсь, что это только начало.

Волков вышел в коридор. Шепот усилился - теперь он шел не из стен, а из головы. Собственной головы.

вернись

останься

ты уже здесь

Он потер руку и направился к лазарету.

Анна Зайцева работала не покладая рук. Трое раненых - двое с палубы, один из охраны - лежали на койках, стонали, бредили. Она закончила перевязку и заполняла карты.

— Доктор.

— Капитан. — Анна подняла голову. — Вы в порядке?

— Что вы имеете в виду?

— У вас лицо бледное.

Волков подошел к столу, протянул руку, закатал рукав.

— Посмотрите.

Анна склонилась. Ее пальцы - профессионально уверенные - коснулись его запястья.

— Когда появилось?

— Не знаю. Сегодня. Или вчера. Я не следил.

Она достала лупу, осмотрела пятно, потом отодвинулась.

— Кожа грубая, ороговевшая. Цвет — атипичный. Похоже на кератоз, но я не уверена. Может быть аллергическая реакция, но на что? Вы контактировали с чем-то необычным?

— С колоколом.

Анна посмотрела на него. В ее глазах - усталость и тревога.

— Капитан, я не знаю, что это. У троих из команды такие же пятна. У Белова — большое, на предплечье. Может быть, это заражение? Или токсическое воздействие?

— Вы списываете на медицинские причины?

— Я ищу медицинские причины. Потому что если их нет — она замолчала, подбирая слова, — то у меня нет лечения.

Волков сел на табурет.

— Вы слышите голоса?

— Да, — Анна не отвела взгляда. — Шепот. Тени по углам. Но я списываю это на стресс и недосып.

— А если это не стресс?

— Тогда, капитан, у нас большие проблемы.

Повисла тишина. Волков потер переносицу, потом спросил:

— Доктор, откуда здесь столько людей? Мне доложили, что команда - только мы. А их десятки.

Анна усмехнулась - устало, безрадостно.

— Вам доложили о вашей команде, капитан. Те, кто подчиняется вам. Швецов, Белов, я, Орлов Это правда. Остальные - экипаж судна. Матросы, техники, повара, медики. Они подчиняются капитану «Вызова», а не вам. — Она вздохнула. — Простите, но это не ваше дело. Ваше дело - артефакт. А мое - люди. Плохо, что они пересеклись.

Волков кивнул, встал.

— Спасибо, доктор.

— Капитан. — Анна остановила его. — Следите за пятном. Если оно растет сразу ко мне. Волков вышел от Анны. Голова гудела. Не от голосов - от мыслей.

«Симулируют. Массовый психоз. Стадные животные».

Слова Сереброва застряли в голове, как заноза. Может, он прав. Может, все это — страх, усталость, изоляция. Люди слышат то, что хотят услышать. Видят то, чего боятся.

А пятно на руке? Тоже страх?

Он потер запястье. Оно чесалось - не сильно, но настойчиво. Волков посмотрел: маленькое коричневатое пятнышко, чуть больше родинки. Ничего страшного. Пройдет.

Волков нашел Димана в машинном отделении.

Не у генераторов, не у пульта управления - в самом дальнем углу, за штабелем ящиков с инструментами, там, куда почти не проникал красный свет аварийных ламп. Сидел на полу, привалившись спиной к холодной переборке, и смотрел в телефон.

— Швецов, — позвал Волков.

Диман не поднял головы. Его пальцы - перепачканные маслом, с обломанными ногтями - медленно листали экран. Фотографии сменяли одна другую: девушка, смеющаяся в камеру; девушка с чашкой кофе; девушка, заснувшая на диване, укрытая пледом.

— Дима, — Волков подошел ближе, опустился на корточки. — Ты как?

— Она придет, — сказал Швецов. Голос - чужой, ровный, без интонаций. — Она должна прийти. Билеты уже куплены.

— Кто?

— Вика. Невеста моя. — Диман поднял глаза, и Волков увидел то, чего никогда не видел в этом парне. Не страх. Не панику. Пустоту. — Я ей сказал: «Жди. Через неделю вернусь. С деньгами. Свадьбу сыграем». А сам не вернусь. Я понял уже. Не вернусь.

— Отставить, — голос Волкова стал жестче. Не громче - жестче. — Соберись. Ты на службе, боец. Твоя задача - не раскисать, а работать. Мы еще не на дне. Понял?

Диман посмотрел на него. В глазах - бездна.

— А где мы, командир?

— На плаву. И будем на плаву, пока я говорю. — Волков выдержал его взгляд. — Ты меня слышишь, Швецов? Мы выйдем из этого. Вместе. С твоей свадьбой. С деньгами. Все будет. Но для этого ты должен держать себя в руках. Ясно?

— Ясно, — ответил Диман. По-уставному. Автоматически. Но в глазах - пустота не ушла.

Волков помолчал. Потом спросил тихо, почти шепотом - как спрашивают о чем-то постыдном, о чем не принято говорить вслух:

— Дима ты слышишь что-нибудь? Ну странное?

Диман поднял на него глаза. Долго смотрел. Потом кивнул — один раз, медленно.

— А ты? — спросил он так же тихо.

Волков не ответил сразу. Потеребил край рукава, сжал, разжал пальцы.

— Может быть, — сказал он осторожно. — Не уверен. Иногда кажется Или это ветер. Или трубы. Не пойму.

— Я тоже сначала не понимал, — сказал Диман. — Думал, уши заложило. Или давление. А потом — он замолчал, подбирая слова. — Потом понял, что это не звук. Это внутри. Как будто кто-то стоит рядом и говорит. Не в ухо - в голову.

— И что он говорит?

— Слова. Отдельные. Не разобрать. — Диман поморщился, потер висок. — «Вернись». Или «останься». Не пойму. А ты? Тоже слышишь?

Волков выдержал его взгляд.

— Иногда, — сказал он. — Кажется. Но я не уверен. Может, это просто нервы.

— А если нет? — спросил Диман.

Волков не ответил.

Швецов сидел на корточках, привалившись спиной к холодной переборке. Телефон валялся на полу - экраном вниз, но оттуда все равно доносился тихий, надрывный смех. Вика на записи - смеялась, звонко, счастливо, не зная, что ее голос звучит в аду.

Диман не поднимал головы.

— Я ударил его, — сказал он. Голос — не живой, не мертвый. Так говорят в бреду, когда уже не важно, слушают тебя или нет.

— Кого? — Волков опустил рядом.

— Колокол. Когда лебедки ломал. — Швецов поднял руки. Волков увидел их — ладони в темных, глубоких полосах, будто кто-то провел по коже раскаленной проволокой. Коричневые, сухие, с мелкими трещинами, из которых не сочилась кровь — что-то другое. Вязкое. Темное.

— Ты чем его ударил? — спросил Волков, хотя боялся ответа.

— Тросом, — Диман криво усмехнулся. — Стопорным. Запасным. Обмотал вокруг лебедки, чтобы барабан заклинило. А потом оно пошло.

— Что пошло?

— Вибрация. Через трос. В руки. В кости. В голову. — Он поднял глаза — пустые, мутные, с красными прожилками. — Я дернул. Сильнее, чем надо. Хотел хотел, чтобы он почувствовал. Боль. Хотя бы каплю. Как мы.

Волков молчал. Диман опустил руки, сжал кулаки. Трещины на ладонях натянулись, стали глубже.

— Не почувствовал, — прошептал он. — А я — да. Теперь вот руки болят. Всегда. Каждый раз, когда он говорит.

— Он говорит сейчас?

Диман кивнул. Один раз. Медленно, словно голова стала слишком тяжелой.

— Не переставая.

Волков посмотрел на его ладони. Полосы пульсировали - не в такт сердцу, а медленнее. Как будто под кожей что-то жило своей жизнью. Дышало. Росло.

— Когда появилось? — спросил он, хотя уже знал ответ.

— Не помню, — Диман отдернул руки, спрятал за спину. Как ребенок, который боится, что у него отнимут что-то важное. — Час. Два назад. Не помню.

Он потянулся за телефоном, лежащим на полу. Пальцы дрожали - не мелко, крупно, как в лихорадке. Экран загорелся. Волков успел увидеть: девушка в свадебном платье. Снимок в примерочной - она кружилась, платье разлеталось колоколом, лицо сияло.

— Она ждет, — прошептал Диман, поглаживая стекло кончиком пальца — того самого, с ржавой полосой. — Билеты купила. Говорит, свадьбу не отменять. Говорит, через неделю вернешься. А я

Он не договорил. Глотнул воздух - жадно, с присвистом, как человек, который забывал дышать.

— Ты был на «Курске», командир, — сказал он вдруг. — Не на лодке — в спасательной. Видел тех, кто не вернулся. Фотки их. Жен. Матерей.

— Был.

— Тебе не страшно было? Когда понял, что они там, внизу, а ты — здесь? И ничего не можешь?

Волков молчал. Секунду. Две. Тишину заполнял шепот - из углов, из стен, из переборок.

— Страшно, — сказал он. — Было страшно. И больно. И мерзко. До рвоты. Потому что я выжил. А они — нет.

— И как ты с этим — Диман запнулся, подбирая слово, — справился?

Волков посмотрел ему прямо в глаза.

— Никак. Ты не справляешься с таким. Ты просто живешь дальше. Потому что у тебя нет выбора.

Диман кивнул. Медленно. Потом спросил - тихо, почти беззвучно:

— А у меня есть выбор?

— Какой? — Волков уже знал, что услышит. Но спросил.

— Слышать — или слушать. — Диман поднял голову, и Волков увидел его глаза — мутные, красные, но в них, на самом дне, еще теплилось что-то человеческое. — Он сказал Колокол. Что я должен выбрать. Ее или его. Вику или это.

— И что ты выбрал?

Диман посмотрел на телефон. На девушку, которая кружилась в свадебном платье. Потом перевел взгляд на свои руки - на ржавые полосы, которые уже не скрыть.

— Не знаю, — прошептал он. — Пока не знаю.

Волков встал. Колени хрустнули - он замер, прислушиваясь к шепоту. Тот нарастал. Слова становились отчетливее.

отойди

отойди от него

он уже наш

— Дима, — сказал Волков, протягивая руку. — Поднимайся. Работать надо.

Швецов посмотрел на его ладонь. Долго. Потом взялся - и Волков почувствовал, какой горячей стала его рука. Обжигающе, нечеловечески горячей. И скользкой - от масла, пота и той темной, вязкой жидкости, которая сочилась из трещин на ладонях.

Диман поднялся. Шатнулся. Устоял.

— Есть, командир, — сказал он. И в голосе — на секунду — промелькнуло что-то живое.

Он спрятал телефон в карман комбинезона. Посмотрел на дверь. На глазок, за которым чернел коридор.

— Пошли, — сказал Волков.

Они сделали несколько шагов. За спиной, в углу, где почти не горели лампы, шепот превратился в голоса. Не в один - в несколько.

уйди

уйди, пока можешь

он наш наш наш

Волков не обернулся. Но знал - теперь выбирать придется не только Диману. И что следующая встреча может быть последней.

Он толкнул дверь машинного отделения. Та открылась с протяжным скрипом - как стон. Как предупреждение.

Они вышли в коридор, и дверь за ними захлопнулась сама.

Лебедки выли. Не гудели - выли, как раненные звери, которых заживо перемалывает мясорубка. Гул нарастал, ввинчивался в череп, заставлял зубы ныть, а виски пульсировать так, будто кто-то пытался просверлить дыру прямо между глаз.

Волков стоял у пульты, вцепившись в рычаги. Металл под ладонями дрожал - не мелкой вибрацией, а крупной, судорожной дрожью, как мышцы загнанной лошади. Рычаги не поддавались. Они были заперты намертво.

— Отключи питание! — заорал он в рацию.

— Не могу! — голос Димана был чужим, искаженным помехами или страхом — Волков не мог разобрать. — Аварийный протокол он заблокирован с мостика!

— С мостика?

— Там никого, командир. Вообще никого. Я проверил по камерам. Пусто. Но индикаторы горят. Кто-то или что-то запустило подъем.

Волков выругался. Рванул к трапу, перепрыгивая через ступени. Коридор второго уровня встретил его красным светом аварийных ламп - густым, маслянистым, как свернутая кровь. И шепотом.

вернись

останься

ты уже здесь

Шепот шел не из динамиков. Не из стен. Из головы. Из самого позвоночника.

Волков зажмурился, тряхнул головой, заставил себя не слушать. Пробежал мимо двери Белова - за ней было тихо, профессор, наверное, уже уткнулся в свои графики. Мимо лазарета - там горел свет, слышались голоса, но не крики, а тихие, больные стоны.

Дверь в каюту Сереброва была закрыта. Волков ударил в нее кулаком, потом еще раз, уже ногой.

— Открывайте! Лебедки вышли из-под контроля! Колокол идет наверх!

Замок щелкнул. Дверь приоткрылась. На пороге стоял Антонов - бледный, с запекшейся коркой крови в ноздрах, но спокойный. Слишком спокойный. Как человек, который уже видел худшее и знает, что худшее еще впереди.

— Входите, капитан. Виктор Леонидович ждет.

Каюта Сереброва превратилась в командный пункт. На столе - развернутая карта с концентрическими кругами. На экране - данные о глубине, нагрузке, угле натяжения тросов. Цифры скакали так, будто с ними бились в конвульсиях.

Сам олигарх сидел в кресле, вцепившись в подлокотники. Его лицо было серым, под глазами залегли черные тени - за несколько часов он постарел на десять лет. Но глаза остались холодными. В них не было страха. Был расчет.

— Колокол не влезет на палубу, — сказал Волков, глядя ему прямо в глаза. — Вы это знаете. Я вам говорил еще до погружения. Пятнадцать метров в высоту, пять в диаметре. Вес — не сорок тонн, как вы обещали, а все шестьдесят. А может, и все восемьдесят. Он перевернет судно.

Серебров молчал.

— Два часа, капитан, — наконец произнес он. Голос был хриплым, как будто он долго кричал или пил соленую воду. — Я дал вам два часа. Это был мой предел.

— Лебедки запустились сами. Кто-то активировал аварийный подъем с мостика.

— Кто?

— Я не знаю.

— Вы не знаете? — Серебров приподнял бровь. — Вы отвечаете за операцию, капитан. А вы не знаете, кто управляет вашими механизмами.

— Сейчас не до выяснений. Нужно опустить Колокол, пока не поздно.

В этот момент «Вызов» качнуло. Не плавно, как на волне, - резко, с металлическим стоном, от которого зазвенела посуда на столе и заскрежетали переборки. Антонов схватился за столешницу. Сереброва бросило на подлокотник, он едва удержался.

— Что это? — спросил он, и в его голосе наконец-то проскользнуло что-то живое.

Антонов уже был у прибора, отслеживающего крен. Цифры прыгали как бешеные.

— Виктор Леонидович, судно накренилось на двенадцать градусов. Колокол он на глубине сто двадцать метров. Его масса смещает центр тяжести. Если подъем продолжится

— Что?

— Мы перевернемся. Через двадцать минут, если не раньше.

Серебров посмотрел на Волкова. В глазах - холодный расчет и что-то еще. Страх? Нет. Злость на то, что мир не подчиняется его воле.

— Вы можете опустить его?

— Лебедки заблокированы, — повторил Волков. — Но я попробую.

Он выскочил из каюты и бросился к трапу. Гул нарастал - теперь это был не просто звук, а физическое давление, как перед приступом мигрени, когда кажется, что глаза сейчас выпадут из орбит.

Диман уже был на палубе. Стоял у пульта, вцепившись в рычаги так, что побелели костяшки. Его лицо, освещенное красными лампочками и багровым отблеском от воды, было искажено - не страхом даже, а чем-то более древним.

— Не идут, — прохрипел он. — Не идут, командир. Я пробовал все. Аварийный сброс. Прямое отключение питания. Они просто не слушаются.

Волков отодвинул его, сам вцепился в рычаги. Металл под пальцами был горячим - лебедки работали на пределе. Он потянул на себя, потом нажал кнопку аварийного торможения. Тросы дернулись, но не остановились.

— Почему? — спросил он, не веря своим глазам.

— Я же говорю! — Диман почти кричал, и в его голосе Волков услышал то, чего не слышал никогда. Не панику. Отчаяние. — Это он! Колокол! Он сам себя тащит! Не хочет возвращаться!

Диман посмотрел на тросы. Они вибрировали - не от натяжения, а как живые. Как будто по ним, снизу, оттуда, где в черной воде пульсировал древний артефакт, шел не ток - что-то другое. То, от чего кости начинают зудеть, а мозг плавиться.

— Тогда надо ломать, — сказал Волков.

— Что? — Диман не понял.

— Лебедки. Если не можем остановить — ломаем.

В этот момент снизу, из глубины, донесся удар.

Не гул. Не вибрация. Удар. Металлический, тяжелый, как будто кто-то огромный и очень старый ударил кувалдой по колоколу. От этого звука заныли зубы, заложило уши, а в груди - там, где сердце - что-то екнуло.

БУМ.

Звук шел через воду, через корпус, через палубу, через подошвы ботинок. Волков почувствовал его позвоночником. И через секунду - снова.

БУМ.

Колокол не просто поднимался. Он звонил. Медленно, тяжело, неумолимо. Било внутри черной громады раскачивалось и ударяло в стенки, и каждый удар отдавался в костях, в зубах, в глазах.

— Вырубай питание! — заорал Волков, перекрывая звон.

Диман рванул к рубильнику. Тот не поддавался.

— Заклинило! — крикнул он, дергая снова и снова. — Блокировка!

Механизм, защищающий лебедки от аварийного отключения, сработал на полную мощь. Кто-то - или что-то - сделал все, чтобы подъем нельзя было остановить.

БУМ.

Волков посмотрел на океан. Вода у борта кипела. Не от температуры - от вибрации. Пузырьки газа поднимались со дна, тысячи, десятки тысяч пузырьков, и в каждом, казалось, отражался багровый свет.

Колокол был уже близко. Волков видел его силуэт под водой - черное пятно, которое росло с каждой секундой.

— Режь кабели! — заорал он. — Питание лебедек! Руби!

Диман заметался по палубе, нашел топор - тот самый, что висел у пожарного щита. Схватил, размахнулся.

БУМ.

Удар топора пришелся по толстому кабелю, идущему к пульту. Изоляция хрустнула, но кабель не перерубился. Диман ударил еще раз. Еще. Медь брызнула искрами, запахло горелой изоляцией. Но лебедки продолжали работать.

БУМ. БУМ.

Звон учащался. Удары била следовали один за другим, и в этом звоне Волкову начало чудиться что-то осмысленное. Не просто звук - послание.

поднимите

меня

я иду к вам

Диман бросил топор, подбежал к лебедке, залез внутрь механизма. Ударил разводным ключом по предохранительному клапану - хлопок, масло брызнуло вверх, окатило его с ног до головы. Ударил еще раз - по гидравлическому распределителю.

БУМ!

Металл заскрежетал. Что-то хрустнуло, и один из тросов обвис. Лебедка взвыла - не так, как раньше, а по-другому. Надрывно, как животное, которому перебили позвоночник. Барабан замедлил вращение, дернулся, замер.

И звон стих.

Не сразу. Последний удар - длинный, тягучий, как стон - прокатился по воде, по палубе, по грудным клеткам людей, замер где-то за горизонтом.

Тишина.

Волков стоял, вцепившись в поручни. Внутри все дрожало. Не от холода - от того, что он только что слышал.

Диман вылез из механизма. Весь в масле, в мелких порезах. Смотрел на Волкова глазами, в которых не было ничего.

— Остановил, — сказал он. — Мы не должны были его трогать. Никогда.

Он бросил ключ на палубу - тот звякнул, прокатился по металлу и замер у леерного ограждения. Развернулся и пошел к трапу, не оглядываясь. Спина прямая, шаги тяжелые. Человек, который только что убил надежду. Или спас жизнь.

Волков остался у пульта. Кровь из разбитых механизмов - чья кровь? масло? - капала на металл, собиралась в маленькие лужицы, отражала красный свет аварийных ламп. Колокол замер на стометровой глубине. Слишком близко. Но уже не смертельно.

«Вызов» медленно выпрямился. Пятнадцать градусов крена. Десять. Пять. Ноль.

В каюту Сереброва Волков вернулся не через десять минут - через пятнадцать. Он не бежал. Он шел медленно, чувствуя, как гудят мышцы, как ноет руки.

Олигарх стоял у иллюминатора, глядя на черную воду. Антонов сидел за столом, закрыв лицо руками. Охрана замерла по углам, как статуи. Никто не проронил ни слова.

— Лебедки сломаны, — сказал Волков. Голос сел, звучал хрипло, чужим. — Подъем невозможен.

Серебров медленно повернулся. Его лицо было спокойным - слишком спокойным для человека, который только что потерял артефакт своей мечты.

— Я видел, — ответил он. — Ваш механик он заплатит за это.

— Он спас судно, — сказал Волков. — И вас. И всех нас.

— У вас есть два часа, капитан, чтобы починить лебедки.

— Нет, — Волков шагнул вперед. — Не почию. Мы не будем его поднимать. Мы даже не можем оставить его на этой глубине.

Серебров замер. Впервые за весь разговор его холодное лицо дрогнуло.

— Объясни.

Волков обернулся к Антонову. Тот все еще стоял у приборов, вцепившись в столешницу. Бледный, с запекшейся кровью в ноздрах, но глаза - живые, считают, анализируют.

— Григорий, — сказал Волков. — Цифры.

Антонов перевел взгляд на Сереброва. Помедлил секунду, потом заговорил - тихо, ровно, как докладывают на совещаниях, когда правда хуже любого прогноза.

— Колокол на глубине сто метров. Его масса, даже с учетом выталкивающей силы воды, — не менее пятидесяти тонн. Судно зависло над ним, как на якоре. Но это не якорь, Виктор Леонидович. Это груз, который тянет нас вниз.

— Осадка увеличилась? — спросил Серебров.

— На метр, — Антонов кивнул. — Дифферент на корму — три градуса. Это не критично, но — он запнулся, подбирая слова, — это расход топлива. Устойчивость. Если мы попробуем двинуться с места, динамические нагрузки на корпус возрастут в разы. Колокол начнет раскачиваться под днищем, как маятник. И тогда

— Что? — голос Сереброва стал тише.

— Он пробьет киль.

В каюте повисла тишина. Даже охрана, застывшая по углам, замерла - не дышала.

— На какой глубине он не будет угрожать судну? — спросил Серебров.

— На дне, — ответил Волков. — Только на дне. А это четыре километра. Наши лебедки не рассчитаны на такую глубину. Тросы - тем более.

— Буксировка? — Серебров перевел взгляд на Антонова. — Можем мы дотащить его до порта?

Антонов покачал головой.

— Нет. Трасса не исследована. Перепады глубин, подводные скалы, течения. Колокол будет зарываться в грунт, рвать тросы, менять центр тяжести судна. Шторм - и мы потеряем и артефакт, и «Вызов».

— Тогда — другое судно Сереброва спросил, и в его голосе впервые прозвучало нетерпение.

— Нужен специализированный плавучий кран, — сказал Антонов. — Грузоподъемностью не менее ста тонн. Ближайший такой - в Мурманске. Четверо суток хода, если погода позволит. — Он помолчал. — А у нас нет четырех суток.

— Почему?

— Люди, — сказал Волков. — Вы видели, что происходит. Голоса. Тени. — Он закатал рукава. — Это не пройдет. Это только начинается. И если мы не вернем Колокол на место - на самое дно, в ту самую яму, откуда его подняли, — мы все здесь умрем. Не утонем. Умрем. Медленно. Страшно.

Серебров смотрел на его руки. На порезы, на масло, на усталость. Молчал. Потом усмехнулся - невесело, с горечью.

— Люди напуганы, капитан. Напуганные люди слышат голоса, видят тени, придумывают болезни. Массовый психоз. Доктор Зайцева подтвердит.

— А если нет? — спросил Волков.

— Если нет — значит, они симулируют. Чтобы не работать. Чтобы списать стресс. Люди - стадные животные, капитан. Зараженные чужим страхом.

— А Белов? — Волков прищурился. — Белов не симулирует. Он стар, у него сердце. Он не притворяется.

Серебров помолчал. Посмотрел в сторону, на иллюминатор.

— У каждого своя работа, капитан. Белов - ученый. Его работа - бояться. На то он и ученый. — Он повернулся к Волкову. — Вы предлагаете бросить артефакт. Бросить все. Деньги. Экспедицию. Ваш гонорар. — Его голос стал тише. — Вашу сестру.

Волков выдержал его взгляд.

— Я предлагаю нам выжить. А потом, если сможем, вернуться сюда с нормальным оборудованием, нормальными людьми и нормальной защитой. Или не возвращаться. И молиться, чтобы то, что мы разбудили, заснуло снова.

Серебров отвернулся к иллюминатору. За стеклом - черная вода. Где-то там, внизу, на стометровой глубине, висел Колокол. Пусть и не угрожал судну напрямую, но его масса все равно давила на корпус — не физически, а иначе. Как предчувствие.

— Мне нужно подумать, — сказал он тихо. — Идите. Оба.

Антонов и Волков переглянулись. Вышли.

В коридоре, за закрывшейся дверью каюты, Волков прислонился к переборке, закрыл глаза. Шепот вернулся — сразу, как только он остался один.

вернись

останься

ты уже не уйдешь

— Он не остановится, — сказал Антонов. — Серебров. Он не бросит артефакт. Это его жизнь.

— Тогда мы все умрем, — ответил Волков, не открывая глаз.

Он пошел к трапу. Надо было найти Белова. Надо было понять, что происходит с людьми. И надо было придумать, как уговорить Сереброва отпустить Колокол, пока не поздно.

Он не знал, что поздно уже было.

Рука чесалась. Волков машинально потер запястье, взглянул мельком - и не придал значения. Маленькое коричневатое пятнышко, чуть больше родинки. Натер, наверное, гидрокостюмом. Или укусил кто-то.

Он спустился по трапу, не замечая, как под пальцами, сквозь тонкую перчатку, чешется кожа. Не замечая, как пятнышко пульсирует - слабо, едва заметно, в ритм сердцу.

Или — чему-то другому.

Каюта, которую Волков делил с Беловым, превратилась в склад безумия.

Профессор занял все - стол, койку, пол, даже маленькую полку над раковиной. Распечатки графиков висели на стенах, приклеенные скотчем. Карты испещрены стрелками и датами. На койке - раскрытые книги в кожаных переплетах: «Мифы народов мира», «Атлантида: за и против», какой-то дореволюционный справочник по нечистой силе.

— Капитан! — Белов поднял голову от ноутбука. Его лицо было еще более изможденным, чем утром. Под глазами - черные круги. Губы потрескались. — Вы должны это видеть.

— Что?

— Спектрограмма последних десяти часов. Смотрите!

Он развернул экран. Волков увидел график - нарастающую волну с острыми пиками.

— Частота выросла в три раза, — Белов ткнул пальцем в экран. — Это не случайно. Колокол не просто пульсирует — он посылает сигналы. Структурированные. Осмысленные.

— Вы хотите сказать, что он с нами говорит?

— Не с нами. В себя. Он настраивается. Готовится. К чему-то, что скоро произойдет.

Волков молчал. Его рука чесалась - там, где вчера ничего не было. Он потер запястье, потом посмотрел на него мельком.

Пятно.

Маленькое, темное, на изгибе руки. Не синяк — цвет другой. Коричневатый, ржавый.
— А вы? — спросил он Белова. — У вас есть такие?

Профессор замер, потом медленно закатал рукав. На предплечье, чуть выше кисти, расплзалось точно такое же пятно, больше, чем у Волкова. Кожа вокруг него выглядела сухой, потрескавшейся.

— Когда появилось? — спросил Волков.

— Утром. Я не заметил. А потом стало чесаться.

— Что вы об этом думаете?

— Не знаю. — Белов опустил рукав. — Но боюсь, что это только начало.

Волков вышел в коридор. Шепот усилился - теперь он шел не из стен, а из головы. Собственной головы.

вернись

останься

ты уже здесь

Он потерял руку и направился к лазарету.

Анна Зайцева работала не покладая рук. Трое раненых - двое с палубы, один из охраны - лежали на койках, стонали, бредили. Она закончила перевязку и заполняла карты.

— Доктор.

— Капитан. — Анна подняла голову. — Вы в порядке?

— Что вы имеете в виду?

— У вас лицо бледное.

Волков подошел к столу, протянул руку, закатал рукав.

— Посмотрите.

Анна склонилась. Ее пальцы - профессионально уверенные - коснулись его запястья.

— Когда появилось?

— Не знаю. Сегодня. Или вчера. Я не следил.

Она достала лупу, осмотрела пятно, потом отодвинулась.

— Кожа грубая, ороговевшая. Цвет — атипичный. Похоже на кератоз, но я не уверена. Может быть аллергическая реакция, но на что? Вы контактировали с чем-то необычным?

— С колоколом.

Анна посмотрела на него. В ее глазах - усталость и тревога.

— Капитан, я не знаю, что это. У троих из команды такие же пятна. У Белова — большое, на предплечье. Может быть, это заражение? Или токсическое воздействие?

— Вы списываете на медицинские причины?

— Я ищу медицинские причины. Потому что если их нет — она замолчала, подбирая слова, — то у меня нет лечения.

Волков сел на табурет.

— Вы слышите голоса?

— Да, — Анна не отвела взгляда. — Шепот. Тени по углам. Но я списываю это на стресс и недосып.

— А если это не стресс?

— Тогда, капитан, у нас большие проблемы.

Повисла тишина. Волков потерял переносицу, потом спросил:

— Доктор, откуда здесь столько людей? Мне доложили, что команда - только мы. А их десятки.

Анна усмехнулась - устало, безрадостно.

— Вам доложили о вашей команде, капитан. Те, кто подчиняется вам. Швецов, Белов, я, Орлов Это правда. Остальные - экипаж судна. Матросы, техники, повара, медики. Они под-

чиняются капитану «Вызова», а не вам. — Она вздохнула. — Простите, но это не ваше дело. Ваше дело - артефакт. А мое - люди. Плохо, что они пересеклись.

Волков кивнул, встал.

— Спасибо, доктор.

— Капитан. — Анна остановила его. — Следите за пятном. Если оно растёт сразу ко мне. Волков вышел от Анны. Голова гудела. Не от голосов - от мыслей.

«Симулируют. Массовый психоз. Стадные животные».

Слова Сереброва застряли в голове, как заноза. Может, он прав. Может, все это — страх, усталость, изоляция. Люди слышат то, что хотят услышать. Видят то, чего боятся.

А пятно на руке? Тоже страх?

Он потер запястье. Оно чесалось - не сильно, но настойчиво. Волков посмотрел: маленькое коричневатое пятнышко, чуть больше родинки. Ничего страшного. Пройдет.

Волков нашел Димана в машинном отделении.

Не у генераторов, не у пульта управления - в самом дальнем углу, за штабелем ящиков с инструментами, там, куда почти не проникал красный свет аварийных ламп. Сидел на полу, привалившись спиной к холодной переборке, и смотрел в телефон.

— Швецов, — позвал Волков.

Диман не поднял головы. Его пальцы - перепачканные маслом, с обломанными ногтями - медленно листали экран. Фотографии сменяли одна другую: девушка, смеющаяся в камеру; девушка с чашкой кофе; девушка, заснувшая на диване, укрытая пледом.

— Дима, — Волков подошел ближе, опустился на корточки. — Ты как?

— Она придет, — сказал Швецов. Голос - чужой, ровный, без интонаций. — Она должна прийти. Билеты уже куплены.

— Кто?

— Вика. Невеста моя. — Диман поднял глаза, и Волков увидел то, чего никогда не видел в этом парне. Не страх. Не панику. Пустоту. — Я ей сказал: «Жди. Через неделю вернусь. С деньгами. Свадьбу сыграем». А сам не вернусь. Я понял уже. Не вернусь.

— Отставить, — голос Волкова стал жестче. Не громче - жестче. — Соберись. Ты на службе, боец. Твоя задача - не раскисать, а работать. Мы еще не на дне. Понял?

Диман посмотрел на него. В глазах - бездна.

— А где мы, командир?

— На плаву. И будем на плаву, пока я говорю. — Волков выдержал его взгляд. — Ты меня слышишь, Швецов? Мы выйдем из этого. Вместе. С твоей свадьбой. С деньгами. Все будет. Но для этого ты должен держать себя в руках. Ясно?

— Ясно, — ответил Диман. По-уставному. Автоматически. Но в глазах - пустота не ушла.

Волков помолчал. Потом спросил тихо, почти шепотом - как спрашивают о чем-то постыдном, о чем не принято говорить вслух:

— Дима ты слышишь что-нибудь? Ну странное?

Диман поднял на него глаза. Долго смотрел. Потом кивнул — один раз, медленно.

— А ты? — спросил он так же тихо.

Волков не ответил сразу. Потеребил край рукава, сжал, разжал пальцы.

— Может быть, — сказал он осторожно. — Не уверен. Иногда кажется Или это ветер. Или трубы. Не пойму.

— Я тоже сначала не понимал, — сказал Диман. — Думал, уши заложило. Или давление. А потом — он замолчал, подбирая слова. — Потом понял, что это не звук. Это внутри. Как будто кто-то стоит рядом и говорит. Не в ухо - в голову.

— И что он говорит?

— Слова. Отдельные. Не разобрать. — Диман поморщился, потер висок. — «Вернись». Или «останься». Не пойму. А ты? Тоже слышишь?

Волков выдержал его взгляд.

— Иногда, — сказал он. — Кажется. Но я не уверен. Может, это просто нервы.

— А если нет? — спросил Диман.

Волков не ответил.

Швецов сидел на корточках, привалившись спиной к холодной переборке. Телефон валялся на полу - экраном вниз, но оттуда все равно доносился тихий, надрывный смех. Вика на записи - смеялась, звонко, счастливо, не зная, что ее голос звучит в аду.

Диман не поднимал головы.

— Я ударил его, — сказал он. Голос — не живой, не мертвый. Так говорят в бреду, когда уже не важно, слушают тебя или нет.

— Кого? — Волков опустил рядом.

— Колокол. Когда лебедки ломал. — Швецов поднял руки. Волков увидел их — ладони в темных, глубоких полосах, будто кто-то провел по коже раскаленной проволокой. Коричневые, сухие, с мелкими трещинами, из которых не сочилась кровь — что-то другое. Вязкое. Темное.

— Ты чем его ударил? — спросил Волков, хотя боялся ответа.

— Тросом, — Диман криво усмехнулся. — Стопорным. Запасным. Обмотал вокруг лебедки, чтобы барабан заклинило. А потом оно пошло.

— Что пошло?

— Вибрация. Через трос. В руки. В кости. В голову. — Он поднял глаза — пустые, мутные, с красными прожилками. — Я дернул. Сильнее, чем надо. Хотел хотел, чтобы он почувствовал. Боль. Хотя бы каплю. Как мы.

Волков молчал. Диман опустил руки, сжал кулаки. Трещины на ладонях натянулись, стали глубже.

— Не почувствовал, — прошептал он. — А я — да. Теперь вот руки болят. Всегда. Каждый раз, когда он говорит.

— Он говорит сейчас?

Диман кивнул. Один раз. Медленно, словно голова стала слишком тяжелой.

— Не переставая.

Волков посмотрел на его ладони. Полосы пульсировали - не в такт сердцу, а медленнее. Как будто под кожей что-то жило своей жизнью. Дышало. Росло.

— Когда появилось? — спросил он, хотя уже знал ответ.

— Не помню, — Диман отдернул руки, спрятал за спину. Как ребенок, который боится, что у него отнимут что-то важное. — Час. Два назад. Не помню.

Он потянулся за телефоном, лежащим на полу. Пальцы дрожали - не мелко, крупно, как в лихорадке. Экран загорелся. Волков успел увидеть: девушка в свадебном платье. Снимок в примерочной - она кружилась, платье разлеталось колоколом, лицо сияло.

— Она ждет, — прошептал Диман, поглаживая стекло кончиком пальца — того самого, с ржавой полосой. — Билеты купила. Говорит, свадьбу не отменять. Говорит, через неделю вернешься. А я

Он не договорил. Глотнул воздух - жадно, с присвистом, как человек, который забывал дышать.

— Ты был на «Курске», командир, — сказал он вдруг. — Не на лодке — в спасательной. Видел тех, кто не вернулся. Фотки их. Жен. Матерей.

— Был.

— Тебе не страшно было? Когда понял, что они там, внизу, а ты — здесь? И ничего не можешь?

Волков молчал. Секунду. Две. Тишину заполнял шепот - из углов, из стен, из переборок.

— Страшно, — сказал он. — Было страшно. И больно. И мерзко. До рвоты. Потому что я выжил. А они — нет.

— И как ты с этим — Диман запнулся, подбирая слово, — справился?

Волков посмотрел ему прямо в глаза.

— Никак. Ты не справляешься с таким. Ты просто живешь дальше. Потому что у тебя нет выбора.

Диман кивнул. Медленно. Потом спросил - тихо, почти беззвучно:

— А у меня есть выбор?

— Какой? — Волков уже знал, что услышит. Но спросил.

— Слышать — или слушать. — Диман поднял голову, и Волков увидел его глаза — мутные, красные, но в них, на самом дне, еще теплилось что-то человеческое. — Он сказал Колокол. Что я должен выбрать. Ее или его. Вику или это.

— И что ты выбрал?

Диман посмотрел на телефон. На девушку, которая кружилась в свадебном платье. Потом перевел взгляд на свои руки - на ржавые полосы, которые уже не скрыть.

— Не знаю, — прошептал он. — Пока не знаю.

Волков встал. Колени хрустнули - он замер, прислушиваясь к шепоту. Тот нарастал. Слова становились отчетливее.

отойди

отойди от него

он уже наш

— Дима, — сказал Волков, протягивая руку. — Поднимайся. Работать надо.

Швецов посмотрел на его ладонь. Долго. Потом взялся - и Волков почувствовал, какой горячей стала его рука. Обжигающе, нечеловечески горячей. И скользкой - от масла, пота и той темной, вязкой жидкости, которая сочилась из трещин на ладонях.

Диман поднялся. Шатнулся. Устоял.

— Есть, командир, — сказал он. И в голосе — на секунду — промелькнуло что-то живое.

Он спрятал телефон в карман комбинезона. Посмотрел на дверь. На глазок, за которым чернел коридор.

— Пошли, — сказал Волков.

Они сделали несколько шагов. За спиной, в углу, где почти не горели лампы, шепот превратился в голоса. Не в один - в несколько.

уйди

уйди, пока можешь

он наш наш наш

Волков не обернулся. Но знал - теперь выбирать придется не только Диману. И что следующая встреча может быть последней.

Он толкнул дверь машинного отделения. Та открылась с протяжным скрипом - как стон. Как предупреждение.

Они вышли в коридор, и дверь за ними захлопнулась сама.

Лебедки выли. Не гудели - выли, как раненые звери, которых заживо перемалывает мясорубка. Гул нарастал, ввинчивался в череп, заставлял зубы ныть, а виски пульсировать так, будто кто-то пытался просверлить дыру прямо между глаз.

Волков стоял у пульта, вцепившись в рычаги. Металл под ладонями дрожал - не мелкой вибрацией, а крупной, судорожной дрожью, как мышцы загнанной лошади. Рычаги не поддавались. Они были заперты намертво.

— Отключи питание! — заорал он в рацию.

— Не могу! — голос Димана был чужим, искаженным помехами или страхом — Волков не мог разобрать. — Аварийный протокол он заблокирован с мостика!

— С мостика?

— Там никого, командир. Вообще никого. Я проверил по камерам. Пусто. Но индикаторы горят. Кто-то или что-то запустило подъем.

Волков выругался. Рванул к трапу, перепрыгивая через ступени. Коридор второго уровня встретил его красным светом аварийных ламп - густым, маслянистым, как свернутая кровь. И шепотом.

вернись

останься

ты уже здесь

Шепот шел не из динамиков. Не из стен. Из головы. Из самого позвоночника.

Волков зажмурился, потрянул головой, заставил себя не слушать. Пробежал мимо двери Белова - за ней было тихо, профессор, наверное, уже уткнулся в свои графики. Мимо лазарета - там горел свет, слышались голоса, но не крики, а тихие, больные стоны.

Дверь в каюту Сереброва была закрыта. Волков ударил в нее кулаком, потом еще раз, уже ногой.

— Открывайте! Лебедки вышли из-под контроля! Колокол идет наверх!

Замок щелкнул. Дверь приоткрылась. На пороге стоял Антонов - бледный, с запекшейся коркой крови в ноздрах, но спокойный. Слишком спокойный. Как человек, который уже видел худшее и знает, что худшее еще впереди.

— Входите, капитан. Виктор Леонидович ждет.

Каюта Сереброва превратилась в командный пункт. На столе - развернутая карта с концентрическими кругами. На экране - данные о глубине, нагрузке, угле натяжения тросов. Цифры скакали так, будто с ними бились в конвульсиях.

Сам олигарх сидел в кресле, впевившись в подлокотники. Его лицо было серым, под глазами залегли черные тени - за несколько часов он постарел на десять лет. Но глаза остались холодными. В них не было страха. Был расчет.

— Колокол не влезет на палубу, — сказал Волков, глядя ему прямо в глаза. — Вы это знаете. Я вам говорил еще до погружения. Пятнадцать метров в высоту, пять в диаметре. Вес — не сорок тонн, как вы обещали, а все шестьдесят. А может, и все восемьдесят. Он перевернет судно.

Серебров молчал.

— Два часа, капитан, — наконец произнес он. Голос был хриплым, как будто он долго кричал или пил соленую воду. — Я дал вам два часа. Это был мой предел.

— Лебедки запустились сами. Кто-то активировал аварийный подъем с мостика.

— Кто?

— Я не знаю.

— Вы не знаете? — Серебров приподнял бровь. — Вы отвечаете за операцию, капитан. А вы не знаете, кто управляет вашими механизмами.

— Сейчас не до выяснений. Нужно опустить Колокол, пока не поздно.

В этот момент «Вызов» качнуло. Не плавно, как на волне, - резко, с металлическим стоном, от которого зазвенела посуда на столе и заскрежетали переборки. Антонов схватился за столешницу. Сереброва бросило на подлокотник, он едва удержался.

— Что это? — спросил он, и в его голосе наконец-то проскользнуло что-то живое.

Антонов уже был у прибора, отслеживающего крен. Цифры прыгали как бешеные.

— Виктор Леонидович, судно накренилось на двенадцать градусов. Колокол он на глубине сто двадцать метров. Его масса смещает центр тяжести. Если подъем продолжится

— Что?

— Мы перевернемся. Через двадцать минут, если не раньше.

Серебров посмотрел на Волкова. В глазах - холодный расчет и что-то еще. Страх? Нет. Злость на то, что мир не подчиняется его воле.

— Вы можете опустить его?

— Лебедки заблокированы, — повторил Волков. — Но я попробую.

Он выскочил из каюты и бросился к трапу. Гул нарастал - теперь это был не просто звук, а физическое давление, как перед приступом мигрени, когда кажется, что глаза сейчас выпадут из орбит.

Диман уже был на палубе. Стоял у пульта, вцепившись в рычаги так, что побелели костяшки. Его лицо, освещенное красными лампочками и багровым отблеском от воды, было искажено - не страхом даже, а чем-то более древним.

— Не идут, — прохрипел он. — Не идут, командир. Я пробовал все. Аварийный сброс. Прямое отключение питания. Они просто не слушаются.

Волков отодвинул его, сам вцепился в рычаги. Металл под пальцами был горячим - лебедки работали на пределе. Он потянул на себя, потом нажал кнопку аварийного торможения. Тросы дернулись, но не остановились.

— Почему? — спросил он, не веря своим глазам.

— Я же говорю! — Диман почти кричал, и в его голосе Волков услышал то, чего не слышал никогда. Не панику. Отчаяние. — Это он! Колокол! Он сам себя тащит! Не хочет возвращаться!

Диман посмотрел на тросы. Они вибрировали - не от натяжения, а как живые. Как будто по ним, снизу, оттуда, где в черной воде пульсировал древний артефакт, шел не ток - что-то другое. То, от чего кости начинают зудеть, а мозг плавиться.

— Тогда надо ломать, — сказал Волков.

— Что? — Диман не понял.

— Лебедки. Если не можем остановить — ломаем.

В этот момент снизу, из глубины, донесся удар.

Не гул. Не вибрация. Удар. Металлический, тяжелый, как будто кто-то огромный и очень старый ударил кувалдой по колоколу. От этого звука заныли зубы, заложило уши, а в груди - там, где сердце - что-то екнуло.

БУМ.

Звук шел через воду, через корпус, через палубу, через подошвы ботинок. Волков почувствовал его позвоночником. И через секунду - снова.

БУМ.

Колокол не просто поднимался. Он звонил. Медленно, тяжело, неумолимо. Било внутри черной громады раскачивалось и ударяло в стенки, и каждый удар отдавался в костях, в зубах, в глазах.

— Вырубай питание! — заорал Волков, перекрывая звон.

Диман рванул к рубильнику. Тот не поддавался.

— Заклинило! — крикнул он, дергая снова и снова. — Блокировка!

Механизм, защищающий лебедки от аварийного отключения, сработал на полную мощность. Кто-то - или что-то - сделал все, чтобы подъем нельзя было остановить.

БУМ.

Волков посмотрел на океан. Вода у борта кипела. Не от температуры - от вибрации. Пузырьки газа поднимались со дна, тысячи, десятки тысяч пузырьков, и в каждом, казалось, отражался багровый свет.

Колокол был уже близко. Волков видел его силуэт под водой - черное пятно, которое росло с каждой секундой.

— Режь кабели! — заорал он. — Питание лебедек! Руби!

Диман заметался по палубе, нашел топор - тот самый, что висел у пожарного щита. Схватил, размахнулся.

БУМ.

Удар топора пришелся по толстому кабелю, идущему к пульту. Изоляция хрустнула, но кабель не перерубился. Диман ударил еще раз. Еще. Медь брызнула искрами, запахло горелой изоляцией. Но лебедки продолжали работать.

БУМ. БУМ.

Звон учащался. Удары била следовали один за другим, и в этом звоне Волкову начало чудиться что-то осмысленное. Не просто звук - послание.

поднимите

меня

я иду к вам

Диман бросил топор, подбежал к лебедке, залез внутрь механизма. Ударил разводным ключом по предохранительному клапану - хлопок, масло брызнуло вверх, окатило его с ног до головы. Ударил еще раз - по гидравлическому распределителю.

БУМ!

Металл заскрежетал. Что-то хрустнуло, и один из тросов обвис. Лебедка взвыла - не так, как раньше, а по-другому. Надрывно, как животное, которому перебили позвоночник. Барабан замедлил вращение, дернулся, замер.

И звон стих.

Не сразу. Последний удар - длинный, тягучий, как стон - прокатился по воде, по палубе, по грудным клеткам людей, замер где-то за горизонтом.

Тишина.

Волков стоял, вцепившись в поручни. Внутри все дрожало. Не от холода - от того, что он только что слышал.

Диман вылез из механизма. Весь в масле, в мелких порезах. Смотрел на Волкова глазами, в которых не было ничего.

— Остановил, — сказал он. — Мы не должны были его трогать. Никогда.

Он бросил ключ на палубу - тот звякнул, прокатился по металлу и замер у леерного ограждения. Развернулся и пошел к трапу, не оглядываясь. Спина прямая, шаги тяжелые. Человек, который только что убил надежду. Или спас жизнь.

Волков остался у пульта. Кровь из разбитых механизмов - чья кровь? масло? - капала на металл, собиралась в маленькие лужицы, отражала красный свет аварийных ламп. Колокол замер на стометровой глубине. Слишком близко. Но уже не смертельно.

«Вызов» медленно выпрямился. Пятнадцать градусов крена. Десять. Пять. Ноль.

В каюту Сереброва Волков вернулся не через десять минут - через пятнадцать. Он не бежал. Он шел медленно, чувствуя, как гудят мышцы, как ноет руки.

Олигарх стоял у иллюминатора, глядя на черную воду. Антонов сидел за столом, закрыв лицо руками. Охрана замерла по углам, как статуи. Никто не проронил ни слова.

— Лебедки сломаны, — сказал Волков. Голос сел, звучал хрипло, чужим. — Подъем невозможен.

Серебров медленно повернулся. Его лицо было спокойным - слишком спокойным для человека, который только что потерял артефакт своей мечты.

— Я видел, — ответил он. — Ваш механик он заплатит за это.

— Он спас судно, — сказал Волков. — И вас. И всех нас.

— У вас есть два часа, капитан, чтобы починить лебедки.

— Нет, — Волков шагнул вперед. — Не починю. Мы не будем его поднимать. Мы даже не можем оставить его на этой глубине.

Серебров замер. Впервые за весь разговор его холодное лицо дрогнуло.

— Объясни.

Волков обернулся к Антонову. Тот все еще стоял у приборов, вцепившись в столешницу. Бледный, с запекшейся кровью в ноздрах, но глаза - живые, считают, анализируют.

— Григорий, — сказал Волков. — Цифры.

Антонов перевел взгляд на Сереброва. Помедлил секунду, потом заговорил - тихо, ровно, как докладывают на совещаниях, когда правда хуже любого прогноза.

— Колокол на глубине сто метров. Его масса, даже с учетом выталкивающей силы воды, — не менее пятидесяти тонн. Судно зависло над ним, как на якоре. Но это не якорь, Виктор Леонидович. Это груз, который тянет нас вниз.

— Осадка увеличилась? — спросил Серебров.

— На метр, — Антонов кивнул. — Дифферент на корму — три градуса. Это не критично, но — он запнулся, подбирая слова, — это расход топлива. Устойчивость. Если мы попробуем двинуться с места, динамические нагрузки на корпус возрастут в разы. Колокол начнет раскачиваться под днищем, как маятник. И тогда

— Что? — голос Сереброва стал тише.

— Он пробьет киль.

В каюте повисла тишина. Даже охрана, застывшая по углам, замерла - не дышала.

— На какой глубине он не будет угрожать судну? — спросил Серебров.

— На дне, — ответил Волков. — Только на дне. А это четыре километра. Наши лебедки не рассчитаны на такую глубину. Тросы - тем более.

— Буксировка? — Серебров перевел взгляд на Антонова. — Можем мы дотащить его до порта?

Антонов покачал головой.

— Нет. Трасса не исследована. Перепады глубин, подводные скалы, течения. Колокол будет зарываться в грунт, рвать тросы, менять центр тяжести судна. Шторм - и мы потеряем и артефакт, и «Вызов».

— Тогда — другое судно Сереброва спросил, и в его голосе впервые прозвучало нетерпение.

— Нужен специализированный плавучий кран, — сказал Антонов. — Грузоподъемностью не менее ста тонн. Ближайший такой - в Мурманске. Четверо суток хода, если погода позволит. — Он помолчал. — А у нас нет четырех суток.

— Почему?

— Люди, — сказал Волков. — Вы видели, что происходит. Голоса. Тени. — Он закатал рукава. — Это не пройдет. Это только начинается. И если мы не вернем Колокол на место - на самое дно, в ту самую яму, откуда его подняли, — мы все здесь умрем. Не утонем. Умрем. Медленно. Страшно.

Серебров смотрел на его руки. На порезы, на масло, на усталость. Молчал. Потом усмехнулся - невесело, с горечью.

— Люди напуганы, капитан. Напуганные люди слышат голоса, видят тени, придумывают болезни. Массовый психоз. Доктор Зайцева подтвердит.

— А если нет? — спросил Волков.

— Если нет — значит, они симулируют. Чтобы не работать. Чтобы списать стресс. Люди - стадные животные, капитан. Зараженные чужим страхом.

— А Белов? — Волков прищурился. — Белов не симулирует. Он стар, у него сердце. Он не притворяется.

Серебров помолчал. Посмотрел в сторону, на иллюминатор.

— У каждого своя работа, капитан. Белов - ученый. Его работа - бояться. На то он и ученый. — Он повернулся к Волкову. — Вы предлагаете бросить артефакт. Бросить все. Деньги. Экспедицию. Ваш гонорар. — Его голос стал тише. — Вашу сестру.

Волков выдержал его взгляд.

— Я предлагаю нам выжить. А потом, если сможем, вернуться сюда с нормальным оборудованием, нормальными людьми и нормальной защитой. Или не возвращаться. И молиться, чтобы то, что мы разбудили, заснуло снова.

Серебров отвернулся к иллюминатору. За стеклом - черная вода. Где-то там, внизу, на стометровой глубине, висел Колокол. Пусть и не угрожал судну напрямую, но его масса все равно давила на корпус — не физически, а иначе. Как предчувствие.

— Мне нужно подумать, — сказал он тихо. — Идите. Оба.

Антонов и Волков переглянулись. Вышли.

В коридоре, за закрывшейся дверью каюты, Волков прислонился к переборке, закрыл глаза. Шепот вернулся — сразу, как только он остался один.

вернись

останься

ты уже не уйдешь

— Он не остановится, — сказал Антонов. — Серебров. Он не бросит артефакт. Это его жизнь.

— Тогда мы все умрем, — ответил Волков, не открывая глаз.

Он пошел к трапу. Надо было найти Белова. Надо было понять, что происходит с людьми. И надо было придумать, как уговорить Сереброва отпустить Колокол, пока не поздно.

Он не знал, что поздно уже было.

Рука чесалась. Волков машинально потер запястье, взглянул мельком - и не придал значения. Маленькое коричневатое пятнышко, чуть больше родинки. Натер, наверное, гидрокостюмом. Или укусил кто-то.

Он спустился по трапу, не замечая, как под пальцами, сквозь тонкую перчатку, чешется кожа. Не замечая, как пятнышко пульсирует - слабо, едва заметно, в ритм сердцу.

Или — чему-то другому.

Каюта, которую Волков делил с Беловым, превратилась в склад безумия.

Профессор занял все - стол, койку, пол, даже маленькую полку над раковиной. Распечатки графиков висели на стенах, приклеенные скотчем. Карты испещрены стрелками и датами. На койке - раскрытые книги в кожаных переплетах: «Мифы народов мира», «Атлантида: за и против», какой-то дореволюционный справочник по нечистой силе.

— Капитан! — Белов поднял голову от ноутбука. Его лицо было еще более изможденным, чем утром. Под глазами - черные круги. Губы потрескались. — Вы должны это видеть.

— Что?

— Спектрограмма последних десяти часов. Смотрите!

Он развернул экран. Волков увидел график - нарастающую волну с острыми пиками.

— Частота выросла в три раза, — Белов ткнул пальцем в экран. — Это не случайно. Колокол не просто пульсирует — он посылает сигналы. Структурированные. Осмысленные.

— Вы хотите сказать, что он с нами говорит?

— Не с нами. В себя. Он настраивается. Готовится. К чему-то, что скоро произойдет.

Волков молчал. Его рука чесалась - там, где вчера ничего не было. Он потер запястье, потом посмотрел на него мельком.

Пятно.

Маленькое, темное, на изгибе руки. Не синяк — цвет другой. Коричневатый, ржавый.

— А вы? — спросил он Белова. — У вас есть такие?

Профессор замер, потом медленно закатал рукав. На предплечье, чуть выше кисти, расплзалось точно такое же пятно, больше, чем у Волкова. Кожа вокруг него выглядела сухой, потрескавшейся.

— Когда появилось? — спросил Волков.

— Утром. Я не заметил. А потом стало чесаться.

— Что вы об этом думаете?

— Не знаю. — Белов опустил рукав. — Но боюсь, что это только начало.

Волков вышел в коридор. Шепот усилился - теперь он шел не из стен, а из головы. Собственной головы.

вернись

останься

ты уже здесь

Он потерял руку и направился к лазарету.

Анна Зайцева работала не покладая рук. Трое раненых - двое с палубы, один из охраны - лежали на койках, стонали, бредили. Она закончила перевязку и заполняла карты.

— Доктор.

— Капитан. — Анна подняла голову. — Вы в порядке?

— Что вы имеете в виду?

— У вас лицо бледное.

Волков подошел к столу, протянул руку, закатал рукав.

— Посмотрите.

Анна склонилась. Ее пальцы - профессионально уверенные - коснулись его запястья.

— Когда появилось?

— Не знаю. Сегодня. Или вчера. Я не следил.

Она достала лупу, осмотрела пятно, потом отодвинулась.

— Кожа грубая, ороговевшая. Цвет — атипичный. Похоже на кератоз, но я не уверена. Может быть аллергическая реакция, но на что? Вы контактировали с чем-то необычным?

— С колоколом.

Анна посмотрела на него. В ее глазах - усталость и тревога.

— Капитан, я не знаю, что это. У троих из команды такие же пятна. У Белова — большое, на предплечье. Может быть, это заражение? Или токсическое воздействие?

— Вы списываете на медицинские причины?

— Я ищу медицинские причины. Потому что если их нет — она замолчала, подбирая слова, — то у меня нет лечения.

Волков сел на табурет.

— Вы слышите голоса?

— Да, — Анна не отвела взгляда. — Шепот. Тени по углам. Но я списываю это на стресс и недосып.

— А если это не стресс?

— Тогда, капитан, у нас большие проблемы.

Повисла тишина. Волков потерял переносицу, потом спросил:

— Доктор, откуда здесь столько людей? Мне доложили, что команда - только мы. А их десятки.

Анна усмехнулась - устало, безрадостно.

— Вам доложили о вашей команде, капитан. Те, кто подчиняется вам. Швецов, Белов, я, Орлов. Это правда. Остальные - экипаж судна. Матросы, техники, повара, медики. Они подчиняются капитану «Вызова», а не вам. — Она вздохнула. — Простите, но это не ваше дело. Ваше дело - артефакт. А мое - люди. Плохо, что они пересеклись.

Волков кивнул, встал.

— Спасибо, доктор.

— Капитан. — Анна остановила его. — Следите за пятном. Если оно растет сразу ко мне.

Волков вышел от Анны. Голова гудела. Не от голосов - от мыслей.

«Симулируют. Массовый психоз. Стадные животные».

Слова Сереброва застряли в голове, как заноза. Может, он прав. Может, все это — страх, усталость, изоляция. Люди слышат то, что хотят услышать. Видят то, чего боятся.

А пятно на руке? Тоже страх?

Он потер запястье. Оно чесалось - не сильно, но настойчиво. Волков посмотрел: маленькое коричневатое пятнышко, чуть больше родинки. Ничего страшного. Пройдет.

Волков нашел Димана в машинном отделении.

Не у генераторов, не у пульта управления - в самом дальнем углу, за штабелем ящиков с инструментами, там, куда почти не проникал красный свет аварийных ламп. Сидел на полу, привалившись спиной к холодной переборке, и смотрел в телефон.

— Швецов, — позвал Волков.

Диман не поднял головы. Его пальцы - перепачканные маслом, с обломанными ногтями - медленно листали экран. Фотографии сменяли одна другую: девушка, смеющаяся в камеру; девушка с чашкой кофе; девушка, заснувшая на диване, укрытая пледом.

— Дима, — Волков подошел ближе, опустился на корточки. — Ты как?

— Она придет, — сказал Швецов. Голос - чужой, ровный, без интонаций. — Она должна прийти. Билеты уже куплены.

— Кто?

— Вика. Невеста моя. — Диман поднял глаза, и Волков увидел то, чего никогда не видел в этом парне. Не страх. Не панику. Пустоту. — Я ей сказал: «Жди. Через неделю вернусь. С деньгами. Свадьбу сыграем». А сам не вернусь. Я понял уже. Не вернусь.

— Отставить, — голос Волкова стал жестче. Не громче - жестче. — Соберись. Ты на службе, боец. Твоя задача - не раскисать, а работать. Мы еще не на дне. Понял?

Диман посмотрел на него. В глазах - бездна.

— А где мы, командир?

— На плаву. И будем на плаву, пока я говорю. — Волков выдержал его взгляд. — Ты меня слышишь, Швецов? Мы выйдем из этого. Вместе. С твоей свадьбой. С деньгами. Все будет. Но для этого ты должен держать себя в руках. Ясно?

— Ясно, — ответил Диман. По-уставному. Автоматически. Но в глазах - пустота не ушла.

Волков помолчал. Потом спросил тихо, почти шепотом - как спрашивают о чем-то постыдном, о чем не принято говорить вслух:

— Дима ты слышишь что-нибудь? Ну странное?

Диман поднял на него глаза. Долго смотрел. Потом кивнул — один раз, медленно.

— А ты? — спросил он так же тихо.

Волков не ответил сразу. Потеребил край рукава, сжал, разжал пальцы.

— Может быть, — сказал он осторожно. — Не уверен. Иногда кажется Или это ветер. Или трубы. Не пойму.

— Я тоже сначала не понимал, — сказал Диман. — Думал, уши заложило. Или давление. А потом — он замолчал, подбирая слова. — Потом понял, что это не звук. Это внутри. Как будто кто-то стоит рядом и говорит. Не в ухо - в голову.

— И что он говорит?

— Слова. Отдельные. Не разобрать. — Диман поморщился, потер висок. — «Вернись». Или «останься». Не пойму. А ты? Тоже слышишь?

Волков выдержал его взгляд.

— Иногда, — сказал он. — Кажется. Но я не уверен. Может, это просто нервы.

— А если нет? — спросил Диман.

Волков не ответил.

Швецов сидел на корточках, привалившись спиной к холодной переборке. Телефон валялся на полу - экраном вниз, но оттуда все равно доносился тихий, надрывный смех. Вика на записи - смеялась, звонко, счастливо, не зная, что ее голос звучит в аду.

Диман не поднимал головы.

— Я ударил его, — сказал он. Голос — не живой, не мертвый. Так говорят в бреду, когда уже не важно, слушают тебя или нет.

— Кого? — Волков опустил рядом.

— Колокол. Когда лебедки ломал. — Швецов поднял руки. Волков увидел их — ладони в темных, глубоких полосах, будто кто-то провел по коже раскаленной проволокой. Коричневые, сухие, с мелкими трещинами, из которых не сочилась кровь — что-то другое. Вязкое. Темное.

— Ты чем его ударил? — спросил Волков, хотя боялся ответа.

— Тросом, — Диман криво усмехнулся. — Стопорным. Запасным. Обмотал вокруг лебедки, чтобы барабан заклинило. А потом оно пошло.

— Что пошло?

— Вибрация. Через трос. В руки. В кости. В голову. — Он поднял глаза — пустые, мутные, с красными прожилками. — Я дернул. Сильнее, чем надо. Хотел хотел, чтобы он почувствовал. Боль. Хотя бы каплю. Как мы.

Волков молчал. Диман опустил руки, сжал кулаки. Трещины на ладонях натянулись, стали глубже.

— Не почувствовал, — прошептал он. — А я — да. Теперь вот руки болят. Всегда. Каждый раз, когда он говорит.

— Он говорит сейчас?

Диман кивнул. Один раз. Медленно, словно голова стала слишком тяжелой.

— Не переставая.

Волков посмотрел на его ладони. Полосы пульсировали - не в такт сердцу, а медленнее. Как будто под кожей что-то жило своей жизнью. Дышало. Росло.

— Когда появилось? — спросил он, хотя уже знал ответ.

— Не помню, — Диман отдернул руки, спрятал за спину. Как ребенок, который боится, что у него отнимут что-то важное. — Час. Два назад. Не помню.

Он потянулся за телефоном, лежащим на полу. Пальцы дрожали - не мелко, крупно, как в лихорадке. Экран загорелся. Волков успел увидеть: девушка в свадебном платье. Снимок в примерочной - она кружилась, платье разлеталось колоколом, лицо сияло.

— Она ждет, — прошептал Диман, поглаживая стекло кончиком пальца — того самого, с ржавой полосой. — Билеты купила. Говорит, свадьбу не отменять. Говорит, через неделю вернешься. А я

Он не договорил. Глотнул воздух - жадно, с присвистом, как человек, который забывал дышать.

— Ты был на «Курске», командир, — сказал он вдруг. — Не на лодке — в спасательной. Видел тех, кто не вернулся. Фотки их. Жен. Матерей.

— Был.

— Тебе не страшно было? Когда понял, что они там, внизу, а ты — здесь? И ничего не можешь?

Волков молчал. Секунду. Две. Тишину заполнял шепот - из углов, из стен, из переборок.

— Страшно, — сказал он. — Было страшно. И больно. И мерзко. До рвоты. Потому что я выжил. А они — нет.

— И как ты с этим — Диман запнулся, подбирая слово, — справился?

Волков посмотрел ему прямо в глаза.

— Никак. Ты не справляешься с таким. Ты просто живешь дальше. Потому что у тебя нет выбора.

Диман кивнул. Медленно. Потом спросил - тихо, почти беззвучно:

— А у меня есть выбор?

— Какой? — Волков уже знал, что услышит. Но спросил.

— Слышать — или слушать. — Диман поднял голову, и Волков увидел его глаза — мутные, красные, но в них, на самом дне, еще теплилось что-то человеческое. — Он сказал Колокол. Что я должен выбрать. Ее или его. Вику или это.

— И что ты выбрал?

Диман посмотрел на телефон. На девушку, которая кружилась в свадебном платье. Потом перевел взгляд на свои руки - на ржавые полосы, которые уже не скрыть.

— Не знаю, — прошептал он. — Пока не знаю.

Волков встал. Колени хрустнули - он замер, прислушиваясь к шепоту. Тот нарастал. Слова становились отчетливее.

отойди

отойди от него

он уже наш

— Дима, — сказал Волков, протягивая руку. — Поднимайся. Работать надо.

Швецов посмотрел на его ладонь. Долго. Потом взялся - и Волков почувствовал, какой горячей стала его рука. Обжигающе, нечеловечески горячей. И скользкой - от масла, пота и той темной, вязкой жидкости, которая сочилась из трещин на ладонях.

Диман поднялся. Шатнулся. Устоял.

— Есть, командир, — сказал он. И в голосе — на секунду — промелькнуло что-то живое.

Он спрятал телефон в карман комбинезона. Посмотрел на дверь. На глазок, за которым чернел коридор.

— Пошли, — сказал Волков.

Они сделали несколько шагов. За спиной, в углу, где почти не горели лампы, шепот превратился в голоса. Не в один - в несколько.

уходи

уходи, пока можешь

он наш наш наш

Волков не обернулся. Но знал - теперь выбирать придется не только Диману. И что следующая встреча может быть последней.

Он толкнул дверь машинного отделения. Та открылась с протяжным скрипом - как стон. Как предупреждение.

Они вышли в коридор, и дверь за ними захлопнулась сама.

Лебедки выли. Не гудели - выли, как раненые звери, которых заживо перемалывает мясорубка. Гул нарастал, ввинчивался в череп, заставлял зубы ныть, а виски пульсировать так, будто кто-то пытался просверлить дыру прямо между глаз.

Волков стоял у пульта, вцепившись в рычаги. Металл под ладонями дрожал - не мелкой вибрацией, а крупной, судорожной дрожью, как мышцы загнанной лошади. Рычаги не поддавались. Они были заперты намертво.

— Отключи питание! — заорал он в рацию.

— Не могу! — голос Димана был чужим, искаженным помехами или страхом — Волков не мог разобрать. — Аварийный протокол он заблокирован с мостика!

— С мостика?

— Там никого, командир. Вообще никого. Я проверил по камерам. Пусто. Но индикаторы горят. Кто-то или что-то запустило подъем.

Волков выругался. Рванул к трапу, перепрыгивая через ступени. Коридор второго уровня встретил его красным светом аварийных ламп - густым, маслянистым, как свернутая кровь. И шепотом.

вернись

останься

ты уже здесь

Шепот шел не из динамиков. Не из стен. Из головы. Из самого позвоночника.

Волков зажмурился, тряхнул головой, заставил себя не слушать. Пробежал мимо двери Белова - за ней было тихо, профессор, наверное, уже уткнулся в свои графики. Мимо лазарета - там горел свет, слышались голоса, но не крики, а тихие, больные стоны.

Дверь в каюту Сереброва была закрыта. Волков ударил в нее кулаком, потом еще раз, уже ногой.

— Открывайте! Лебедки вышли из-под контроля! Колокол идет наверх!

Замок шелкнул. Дверь приоткрылась. На пороге стоял Антонов - бледный, с запекшейся коркой крови в ноздрях, но спокойный. Слишком спокойный. Как человек, который уже видел худшее и знает, что худшее еще впереди.

— Входите, капитан. Виктор Леонидович ждет.

Каюта Сереброва превратилась в командный пункт. На столе - развернутая карта с концентрическими кругами. На экране - данные о глубине, нагрузке, угле натяжения тросов. Цифры скакали так, будто с ними бились в конвульсиях.

Сам олигарх сидел в кресле, вцепившись в подлокотники. Его лицо было серым, под глазами залегли черные тени - за несколько часов он постарел на десять лет. Но глаза остались холодными. В них не было страха. Был расчет.

— Колокол не влезет на палубу, — сказал Волков, глядя ему прямо в глаза. — Вы это знаете. Я вам говорил еще до погружения. Пятнадцать метров в высоту, пять в диаметре. Вес — не сорок тонн, как вы обещали, а все шестьдесят. А может, и все восемьдесят. Он перевернет судно.

Серебров молчал.

— Два часа, капитан, — наконец произнес он. Голос был хриплым, как будто он долго кричал или пил соленую воду. — Я дал вам два часа. Это был мой предел.

— Лебедки запустились сами. Кто-то активировал аварийный подъем с мостика.

— Кто?

— Я не знаю.

— Вы не знаете? — Серебров приподнял бровь. — Вы отвечаете за операцию, капитан. А вы не знаете, кто управляет вашими механизмами.

— Сейчас не до выяснений. Нужно опустить Колокол, пока не поздно.

В этот момент «Вызов» качнуло. Не плавно, как на волне, - резко, с металлическим стоном, от которого зазвенела посуда на столе и заскрежетали переборки. Антонов схватился за столешницу. Сереброва бросило на подлокотник, он едва удержался.

— Что это? — спросил он, и в его голосе наконец-то проскользнуло что-то живое.

Антонов уже был у прибора, отслеживающего крен. Цифры прыгали как бешеные.

— Виктор Леонидович, судно накренилось на двенадцать градусов. Колокол он на глубине сто двадцать метров. Его масса смещает центр тяжести. Если подъем продолжится

— Что?

— Мы перевернемся. Через двадцать минут, если не раньше.

Серебров посмотрел на Волкова. В глазах - холодный расчет и что-то еще. Страх? Нет. Злость на то, что мир не подчиняется его воле.

— Вы можете опустить его?

— Лебедки заблокированы, — повторил Волков. — Но я попробую.

Он выскочил из каюты и бросился к трапу. Гул нарастал - теперь это был не просто звук, а физическое давление, как перед приступом мигрени, когда кажется, что глаза сейчас выпадут из орбит.

Диман уже был на палубе. Стоял у пульта, вцепившись в рычаги так, что побелели костяшки. Его лицо, освещенное красными лампочками и багровым отблеском от воды, было искажено - не страхом даже, а чем-то более древним.

— Не идут, — прохрипел он. — Не идут, командир. Я пробовал все. Аварийный сброс. Прямое отключение питания. Они просто не слушаются.

Волков отодвинул его, сам вцепился в рычаги. Металл под пальцами был горячим - лебедки работали на пределе. Он потянул на себя, потом нажал кнопку аварийного торможения. Тросы дернулись, но не остановились.

— Почему? — спросил он, не веря своим глазам.

— Я же говорю! — Диман почти кричал, и в его голосе Волков услышал то, чего не слышал никогда. Не панику. Отчаяние. — Это он! Колокол! Он сам себя тащит! Не хочет возвращаться!

Диман посмотрел на тросы. Они вибрировали - не от натяжения, а как живые. Как будто по ним, снизу, оттуда, где в черной воде пульсировал древний артефакт, шел не ток - что-то другое. То, от чего кости начинают зудеть, а мозг плавиться.

— Тогда надо ломать, — сказал Волков.

— Что? — Диман не понял.

— Лебедки. Если не можем остановить — ломаем.

В этот момент снизу, из глубины, донесся удар.

Не гул. Не вибрация. Удар. Металлический, тяжелый, как будто кто-то огромный и очень старый ударил кувалдой по колоколу. От этого звука заныли зубы, заложило уши, а в груди - там, где сердце - что-то екнуло.

БУМ.

Звук шел через воду, через корпус, через палубу, через подошвы ботинок. Волков почувствовал его позвоночником. И через секунду - снова.

БУМ.

Колокол не просто поднимался. Он звонил. Медленно, тяжело, неумолимо. Било внутри черной громады раскачивалось и ударяло в стенки, и каждый удар отдавался в костях, в зубах, в глазах.

— Вырубай питание! — заорал Волков, перекрывая звон.

Диман рванул к рубильнику. Тот не поддавался.

— Заклинило! — крикнул он, дергая снова и снова. — Блокировка!

Механизм, защищающий лебедки от аварийного отключения, сработал на полную мощность. Кто-то - или что-то - сделал все, чтобы подъем нельзя было остановить.

БУМ.

Волков посмотрел на океан. Вода у борта кипела. Не от температуры - от вибрации. Пузырьки газа поднимались со дна, тысячи, десятки тысяч пузырьков, и в каждом, казалось, отражался багровый свет.

Колокол был уже близко. Волков видел его силуэт под водой - черное пятно, которое росло с каждой секундой.

— Режь кабели! — заорал он. — Питание лебедек! Руби!

Диман заметался по палубе, нашел топор - тот самый, что висел у пожарного щита. Схватил, размахнулся.

БУМ.

Удар топора пришелся по толстому кабелю, идущему к пульту. Изоляция хрустнула, но кабель не перерубился. Диман ударил еще раз. Еще. Медь брызнула искрами, запахло горелой изоляцией. Но лебедки продолжали работать.

БУМ. БУМ.

Звон учащался. Удары била следовали один за другим, и в этом звоне Волкову начало чудиться что-то осмысленное. Не просто звук - послание.

поднимите

меня

я иду к вам

Диман бросил топор, подбежал к лебедке, залез внутрь механизма. Ударил разводным ключом по предохранительному клапану - хлопок, масло брызнуло вверх, окатило его с ног до головы. Ударил еще раз - по гидравлическому распределителю.

БУМ!

Металл заскрежетал. Что-то хрустнуло, и один из тросов обвис. Лебедка взвыла - не так, как раньше, а по-другому. Надрывно, как животное, которому перебили позвоночник. Барабан замедлил вращение, дернулся, замер.

И звон стих.

Не сразу. Последний удар - длинный, тягучий, как стон - прокатился по воде, по палубе, по грудным клеткам людей, замер где-то за горизонтом.

Тишина.

Волков стоял, вцепившись в поручни. Внутри все дрожало. Не от холода - от того, что он только что слышал.

Диман вылез из механизма. Весь в масле, в мелких порезах. Смотрел на Волкова глазами, в которых не было ничего.

— Остановил, — сказал он. — Мы не должны были его трогать. Никогда.

Он бросил ключ на палубу - тот звякнул, прокатился по металлу и замер у леерного ограждения. Развернулся и пошел к трапу, не оглядываясь. Спина прямая, шаги тяжелые. Человек, который только что убил надежду. Или спас жизнь.

Волков остался у пульта. Кровь из разбитых механизмов - чья кровь? масло? - капала на металл, собиралась в маленькие лужицы, отражала красный свет аварийных ламп. Колокол замер на стометровой глубине. Слишком близко. Но уже не смертельно.

«Вызов» медленно выпрямился. Пятнадцать градусов крена. Десять. Пять. Ноль.

В каюту Сереброва Волков вернулся не через десять минут - через пятнадцать. Он не бежал. Он шел медленно, чувствуя, как гудят мышцы, как ноет руки.

Олигарх стоял у иллюминатора, глядя на черную воду. Антонов сидел за столом, закрыв лицо руками. Охрана замерла по углам, как статуи. Никто не проронил ни слова.

— Лебедки сломаны, — сказал Волков. Голос сел, звучал хрипло, чужим. — Подъем невозможен.

Серебров медленно повернулся. Его лицо было спокойным - слишком спокойным для человека, который только что потерял артефакт своей мечты.

— Я видел, — ответил он. — Ваш механик он заплатит за это.

— Он спас судно, — сказал Волков. — И вас. И всех нас.

— У вас есть два часа, капитан, чтобы починить лебедки.

— Нет, — Волков шагнул вперед. — Не починаю. Мы не будем его поднимать. Мы даже не можем оставить его на этой глубине.

Серебров замер. Впервые за весь разговор его холодное лицо дрогнуло.

— Объясни.

Волков обернулся к Антонову. Тот все еще стоял у приборов, вцепившись в столешницу. Бледный, с запекшейся кровью в ноздрях, но глаза - живые, считают, анализируют.

— Григорий, — сказал Волков. — Цифры.

Антонов перевел взгляд на Сереброва. Помедлил секунду, потом заговорил - тихо, ровно, как докладывают на совещаниях, когда правда хуже любого прогноза.

— Колокол на глубине сто метров. Его масса, даже с учетом выталкивающей силы воды, — не менее пятидесяти тонн. Судно зависло над ним, как на якоре. Но это не якорь, Виктор Леонидович. Это груз, который тянет нас вниз.

— Осадка увеличилась? — спросил Серебров.

— На метр, — Антонов кивнул. — Дифферент на корму — три градуса. Это не критично, но — он запнулся, подбирая слова, — это расход топлива. Устойчивость. Если мы попробуем двинуться с места, динамические нагрузки на корпус возрастут в разы. Колокол начнет раскачиваться под днищем, как маятник. И тогда

— Что? — голос Сереброва стал тише.

— Он пробьет киль.

В каюте повисла тишина. Даже охрана, застывшая по углам, замерла - не дышала.

— На какой глубине он не будет угрожать судну? — спросил Серебров.

— На дне, — ответил Волков. — Только на дне. А это четыре километра. Наши лебедки не рассчитаны на такую глубину. Тросы - тем более.

— Буксировка? — Серебров перевел взгляд на Антонова. — Можем мы дотащить его до порта?

Антонов покачал головой.

— Нет. Трасса не исследована. Перепады глубин, подводные скалы, течения. Колокол будет зарываться в грунт, рвать тросы, менять центр тяжести судна. Шторм - и мы потеряем и артефакт, и «Вызов».

— Тогда — другое судно Сереброва спросил, и в его голосе впервые прозвучало нетерпение.

— Нужен специализированный плавучий кран, — сказал Антонов. — Грузоподъемностью не менее ста тонн. Ближайший такой - в Мурманске. Четверо суток хода, если погода позволит. — Он помолчал. — А у нас нет четырех суток.

— Почему?

— Люди, — сказал Волков. — Вы видели, что происходит. Голоса. Тени. — Он закатал рукава. — Это не пройдет. Это только начинается. И если мы не вернем Колокол на место - на самое дно, в ту самую яму, откуда его подняли, — мы все здесь умрем. Не утонем. Умрем. Медленно. Страшно.

Серебров смотрел на его руки. На порезы, на масло, на усталость. Молчал. Потом усмехнулся - невесело, с горечью.

— Люди напуганы, капитан. Напуганные люди слышат голоса, видят тени, придумывают болезни. Массовый психоз. Доктор Зайцева подтвердит.

— А если нет? — спросил Волков.

— Если нет — значит, они симулируют. Чтобы не работать. Чтобы списать стресс. Люди - стадные животные, капитан. Зараженные чужим страхом.

— А Белов? — Волков прищурился. — Белов не симулирует. Он стар, у него сердце. Он не притворяется.

Серебров помолчал. Посмотрел в сторону, на иллюминатор.

— У каждого своя работа, капитан. Белов - ученый. Его работа - бояться. На то он и ученый. — Он повернулся к Волкову. — Вы предлагаете бросить артефакт. Бросить все. Деньги. Экспедицию. Ваш гонорар. — Его голос стал тише. — Вашу сестру.

Волков выдержал его взгляд.

— Я предлагаю нам выжить. А потом, если сможем, вернуться сюда с нормальным оборудованием, нормальными людьми и нормальной защитой. Или не возвращаться. И молиться, чтобы то, что мы разбудили, заснуло снова.

Серебров отвернулся к иллюминатору. За стеклом - черная вода. Где-то там, внизу, на стометровой глубине, висел Колокол. Пусть и не угрожал судну напрямую, но его масса все равно давила на корпус — не физически, а иначе. Как предчувствие.

— Мне нужно подумать, — сказал он тихо. — Идите. Оба.

Антонов и Волков переглянулись. Вышли.

В коридоре, за закрывшейся дверью каюты, Волков прислонился к переборке, закрыл глаза. Шепот вернулся — сразу, как только он остался один.

вернись

останься

ты уже не уйдешь

— Он не остановится, — сказал Антонов. — Серебров. Он не бросит артефакт. Это его жизнь.

— Тогда мы все умрем, — ответил Волков, не открывая глаз.

Он пошел к трапу. Надо было найти Белова. Надо было понять, что происходит с людьми. И надо было придумать, как уговорить Сереброва отпустить Колокол, пока не поздно.

Он не знал, что поздно уже было.

Рука чесалась. Волков машинально потер запястье, взглянул мельком - и не придал значения. Маленькое коричневатое пятнышко, чуть больше родинки. Натер, наверное, гидрокостюмом. Или укусил кто-то.

Он спустился по трапу, не замечая, как под пальцами, сквозь тонкую перчатку, чешется кожа. Не замечая, как пятнышко пульсирует - слабо, едва заметно, в ритм сердцу.

Или — чему-то другому.

Каюта, которую Волков делил с Беловым, превратилась в склад безумия.

Профессор занял все - стол, койку, пол, даже маленькую полку над раковиной. Распечатки графиков висели на стенах, приклеенные скотчем. Карты испещрены стрелками и датами. На койке - раскрытые книги в кожаных переплетах: «Мифы народов мира», «Атлантида: за и против», какой-то дореволюционный справочник по нечистой силе.

— Капитан! — Белов поднял голову от ноутбука. Его лицо было еще более изможденным, чем утром. Под глазами - черные круги. Губы потрескались. — Вы должны это видеть.

— Что?

— Спектрограмма последних десяти часов. Смотрите!

Он развернул экран. Волков увидел график - нарастающую волну с острыми пиками.

— Частота выросла в три раза, — Белов ткнул пальцем в экран. — Это не случайно. Колокол не просто пульсирует — он посылает сигналы. Структурированные. Осмысленные.

— Вы хотите сказать, что он с нами говорит?

— Не с нами. В себя. Он настраивается. Готовится. К чему-то, что скоро произойдет.

Волков молчал. Его рука чесалась - там, где вчера ничего не было. Он потер запястье, потом посмотрел на него мельком.

Пятно.

Маленькое, темное, на изгибе руки. Не синяк — цвет другой. Коричневатый, ржавый.

— А вы? — спросил он Белова. — У вас есть такие?

Профессор замер, потом медленно закатал рукав. На предплечье, чуть выше кисти, расплзалось точно такое же пятно, больше, чем у Волкова. Кожа вокруг него выглядела сухой, потрескавшейся.

— Когда появилось? — спросил Волков.

— Утром. Я не заметил. А потом стало чесаться.

— Что вы об этом думаете?

— Не знаю. — Белов опустил рукав. — Но боюсь, что это только начало.

Волков вышел в коридор. Шепот усилился - теперь он шел не из стен, а из головы. Собственной головы.

вернись

останься

ты уже здесь

Он потерял руку и направился к лазарету.

Анна Зайцева работала не покладая рук. Трое раненых - двое с палубы, один из охраны - лежали на койках, стонали, бредили. Она закончила перевязку и заполняла карты.

— Доктор.

— Капитан. — Анна подняла голову. — Вы в порядке?

— Что вы имеете в виду?

— У вас лицо бледное.

Волков подошел к столу, протянул руку, закатал рукав.

— Посмотрите.

Анна склонилась. Ее пальцы - профессионально уверенные - коснулись его запястья.

— Когда появилось?

— Не знаю. Сегодня. Или вчера. Я не следил.

Она достала лупу, осмотрела пятно, потом отодвинулась.

— Кожа грубая, ороговевшая. Цвет — атипичный. Похоже на кератоз, но я не уверена. Может быть аллергическая реакция, но на что? Вы контактировали с чем-то необычным?

— С колоколом.

Анна посмотрела на него. В ее глазах - усталость и тревога.

— Капитан, я не знаю, что это. У троих из команды такие же пятна. У Белова — большое, на предплечье. Может быть, это заражение? Или токсическое воздействие?

— Вы списываете на медицинские причины?

— Я ищу медицинские причины. Потому что если их нет — она замолчала, подбирая слова, — то у меня нет лечения.

Волков сел на табурет.

— Вы слышите голоса?

— Да, — Анна не отвела взгляда. — Шепот. Тени по углам. Но я списываю это на стресс и недосып.

— А если это не стресс?

— Тогда, капитан, у нас большие проблемы.

Повисла тишина. Волков потерял переносицу, потом спросил:

— Доктор, откуда здесь столько людей? Мне доложили, что команда - только мы. А их десятки.

Анна усмехнулась - устало, безрадостно.

— Вам доложили о вашей команде, капитан. Те, кто подчиняется вам. Швецов, Белов, я, Орлов. Это правда. Остальные - экипаж судна. Матросы, техники, повара, медики. Они подчиняются капитану «Вызова», а не вам. — Она вздохнула. — Простите, но это не ваше дело. Ваше дело - артефакт. А мое - люди. Плохо, что они пересеклись.

Волков кивнул, встал.

— Спасибо, доктор.

— Капитан. — Анна остановила его. — Следите за пятном. Если оно растет сразу ко мне.

Волков вышел от Анны. Голова гудела. Не от голосов - от мыслей.

«Симулируют. Массовый психоз. Стадные животные».

Слова Сереброва застряли в голове, как заноза. Может, он прав. Может, все это — страх, усталость, изоляция. Люди слышат то, что хотят услышать. Видят то, чего боятся.

А пятно на руке? Тоже страх?

Он потер запястье. Оно чесалось - не сильно, но настойчиво. Волков посмотрел: маленькое коричневатое пятнышко, чуть больше родинки. Ничего страшного. Пройдет.

Волков нашел Димана в машинном отделении.

Не у генераторов, не у пульта управления - в самом дальнем углу, за штабелем ящиков с инструментами, там, куда почти не проникал красный свет аварийных ламп. Сидел на полу, привалившись спиной к холодной переборке, и смотрел в телефон.

— Швецов, — позвал Волков.

Диман не поднял головы. Его пальцы - перепачканные маслом, с обломанными ногтями - медленно листали экран. Фотографии сменяли одна другую: девушка, смеющаяся в камеру; девушка с чашкой кофе; девушка, заснувшая на диване, укрытая пледом.

— Дима, — Волков подошел ближе, опустился на корточки. — Ты как?

— Она придет, — сказал Швецов. Голос - чужой, ровный, без интонаций. — Она должна прийти. Билеты уже куплены.

— Кто?

— Вика. Невеста моя. — Диман поднял глаза, и Волков увидел то, чего никогда не видел в этом парне. Не страх. Не панику. Пустоту. — Я ей сказал: «Жди. Через неделю вернусь. С деньгами. Свадьбу сыграем». А сам не вернусь. Я понял уже. Не вернусь.

— Отставить, — голос Волкова стал жестче. Не громче - жестче. — Соберись. Ты на службе, боец. Твоя задача - не раскисать, а работать. Мы еще не на дне. Понял?

Диман посмотрел на него. В глазах - бездна.

— А где мы, командир?

— На плаву. И будем на плаву, пока я говорю. — Волков выдержал его взгляд. — Ты меня слышишь, Швецов? Мы выйдем из этого. Вместе. С твоей свадьбой. С деньгами. Все будет. Но для этого ты должен держать себя в руках. Ясно?

— Ясно, — ответил Диман. По-уставному. Автоматически. Но в глазах - пустота не ушла.

Волков помолчал. Потом спросил тихо, почти шепотом - как спрашивают о чем-то постыдном, о чем не принято говорить вслух:

— Дима ты слышишь что-нибудь? Ну странное?

Диман поднял на него глаза. Долго смотрел. Потом кивнул — один раз, медленно.

— А ты? — спросил он так же тихо.

Волков не ответил сразу. Потеребил край рукава, сжал, разжал пальцы.

— Может быть, — сказал он осторожно. — Не уверен. Иногда кажется Или это ветер. Или трубы. Не пойму.

— Я тоже сначала не понимал, — сказал Диман. — Думал, уши заложило. Или давление. А потом — он замолчал, подбирая слова. — Потом понял, что это не звук. Это внутри. Как будто кто-то стоит рядом и говорит. Не в ухо - в голову.

— И что он говорит?

— Слова. Отдельные. Не разобрать. — Диман поморщился, потер висок. — «Вернись». Или «останься». Не пойму. А ты? Тоже слышишь?

Волков выдержал его взгляд.

— Иногда, — сказал он. — Кажется. Но я не уверен. Может, это просто нервы.

— А если нет? — спросил Диман.

Волков не ответил.

Швецов сидел на корточках, привалившись спиной к холодной переборке. Телефон валялся на полу - экраном вниз, но оттуда все равно доносился тихий, надрывный смех. Вика на записи - смеялась, звонко, счастливо, не зная, что ее голос звучит в аду.

Диман не поднимал головы.

— Я ударил его, — сказал он. Голос — не живой, не мертвый. Так говорят в бреду, когда уже не важно, слушают тебя или нет.

— Кого? — Волков опустил рядом.

— Колокол. Когда лебедки ломал. — Швецов поднял руки. Волков увидел их — ладони в темных, глубоких полосах, будто кто-то провел по коже раскаленной проволокой. Коричневые, сухие, с мелкими трещинами, из которых не сочилась кровь — что-то другое. Вязкое. Темное.

— Ты чем его ударил? — спросил Волков, хотя боялся ответа.

— Тросом, — Диман криво усмехнулся. — Стопорным. Запасным. Обмотал вокруг лебедки, чтобы барабан заклинило. А потом оно пошло.

— Что пошло?

— Вибрация. Через трос. В руки. В кости. В голову. — Он поднял глаза — пустые, мутные, с красными прожилками. — Я дернул. Сильнее, чем надо. Хотел хотел, чтобы он почувствовал. Боль. Хотя бы каплю. Как мы.

Волков молчал. Диман опустил руки, сжал кулаки. Трещины на ладонях натянулись, стали глубже.

— Не почувствовал, — прошептал он. — А я — да. Теперь вот руки болят. Всегда. Каждый раз, когда он говорит.

— Он говорит сейчас?

Диман кивнул. Один раз. Медленно, словно голова стала слишком тяжелой.

— Не переставая.

Волков посмотрел на его ладони. Полосы пульсировали - не в такт сердцу, а медленнее. Как будто под кожей что-то жило своей жизнью. Дышало. Росло.

— Когда появилось? — спросил он, хотя уже знал ответ.

— Не помню, — Диман отдернул руки, спрятал за спину. Как ребенок, который боится, что у него отнимут что-то важное. — Час. Два назад. Не помню.

Он потянулся за телефоном, лежащим на полу. Пальцы дрожали - не мелко, крупно, как в лихорадке. Экран загорелся. Волков успел увидеть: девушка в свадебном платье. Снимок в примерочной - она кружилась, платье разлеталось колоколом, лицо сияло.

— Она ждет, — прошептал Диман, поглаживая стекло кончиком пальца — того самого, с ржавой полосой. — Билеты купила. Говорит, свадьбу не отменять. Говорит, через неделю вернешься. А я

Он не договорил. Глотнул воздух - жадно, с присвистом, как человек, который забывал дышать.

— Ты был на «Курске», командир, — сказал он вдруг. — Не на лодке — в спасательной. Видел тех, кто не вернулся. Фотки их. Жен. Матерей.

— Был.

— Тебе не страшно было? Когда понял, что они там, внизу, а ты — здесь? И ничего не можешь?

Волков молчал. Секунду. Две. Тишину заполнял шепот - из углов, из стен, из переборок.

— Страшно, — сказал он. — Было страшно. И больно. И мерзко. До рвоты. Потому что я выжил. А они — нет.

— И как ты с этим — Диман запнулся, подбирая слово, — справился?

Волков посмотрел ему прямо в глаза.

— Никак. Ты не справляешься с таким. Ты просто живешь дальше. Потому что у тебя нет выбора.

Диман кивнул. Медленно. Потом спросил - тихо, почти беззвучно:

— А у меня есть выбор?

— Какой? — Волков уже знал, что услышит. Но спросил.

— Слышать — или слушать. — Диман поднял голову, и Волков увидел его глаза — мутные, красные, но в них, на самом дне, еще теплилось что-то человеческое. — Он сказал Колокол. Что я должен выбрать. Ее или его. Вику или это.

— И что ты выбрал?

Диман посмотрел на телефон. На девушку, которая кружилась в свадебном платье. Потом перевел взгляд на свои руки - на ржавые полосы, которые уже не скрыть.

— Не знаю, — прошептал он. — Пока не знаю.

Волков встал. Колени хрустнули - он замер,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.